КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

4
Т-35

ТЕРМИНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ • КУЛЬТУРА РУССКОЙ РЕЧИ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ТЕРМИНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1981

4/Т-35

75244

Сборник представляет собой очередную публикацию по терминологии современного русского литературного языка в серии «Культура русской речи». Статьи сборника посвящены проблемам образования и функционирования терминов, истории их кодификации, орфографического и грамматического оформления, взаимодействия терминологической и общелитературной лексики в аспекте речевой культуры, вопросам терминологии и терминотворчества в эпоху НТР.

Ответственные редакторы:

доктора
филологических наук
Л. И. СКВОРЦОВ,
Т. С. КОГОТКОВА

Т $\frac{70102-067}{042(02)-81}$ 448—81. 4602010000 © Издательство «Наука», 1981 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый сборник «Терминология и культура речи» продолжает планомерные исследования современной русской терминологии, осуществляемые советскими лингвистами. Вслед за «Исследованиями по русской терминологии» (М., «Наука», 1971) и «Терминологией и нормой» (М., «Наука», 1972) он является очередной книгой в серии «Культура русской речи», подготавливаемой в Секторе культуры русской речи Института русского языка АН СССР.

Настоящий сборник имеет в целом культурно-речевую направленность. Статьи и заметки его подобраны таким образом, чтобы показать особенности терминологии и отдельных терминов в условиях функционально-стилевого многообразия современного русского языка на современном этапе научно-технического прогресса.

Дальнейшее развитие НТР в условиях развитого социализма ставит общие и частные вопросы упорядочения терминологии, функционирования разных групп терминов и их общественной оценки. Проблемам «интеллектуализации» литературного языка, явлениям терминологического пуризма, деятельности специалистов по наименованиям и переименованиям профессий (и лиц по профессиям) посвящена статья Л. И. Скворцова, открывающая сборник.

Изучение ортологических вопросов в терминологии ведется в настоящем сборнике достаточно широко. С одной стороны, оно связано со спецификой термина как языкового знака — его структурно-семантическим строением, соотнесенностью с понятием (или реалией), происхождением и стабилизацией в процессах употребления. С другой стороны, культурно-речевая проблематика здесь вытекает из общественной практики применения термина в разных функционально-стилевых разновидностях современного русского языка, несовпадения коммуникативных заданий, которые нередко получают термины и номенклатурно-профессиональные слова.

Эти культурно-речевые задачи заставили расширить и языковой материал сборника. Так как специализирован-

ная лексика в ряде литературных жанров (язык науки, публицистика и др.) сливается в единый лексико-фразеологический пласт с лексикой абстрактно-книжной, деловой, то последняя также исследуется в сборнике (статьи Л. П. Катлинской, Н. В. Новиковой).

Поскольку термины появляются в языке в результате реализации общеязыковых закономерностей (деривация, заимствования, семантический перенос, метонимизация и т. п.), то в настоящем сборнике отводится место и собственно лингвистическому изучению терминологии: анализу отношений самого языкового механизма, стимулирующего появление, стабилизацию и дальнейшую активную жизнь терминов (статьи В. Н. Хохлачевой, Е. И. Голановой, Л. Н. Кузнецовой).

Статьи сборника, касающиеся разных уровней языка (лексики, фразеологии, словообразования, морфологии, фонетики) и связанные с различной проблематикой, распределяются по следующим рубрикам: общие вопросы терминологии и культуры речи (статьи Л. И. Скворцова, О. И. Блиновой, А. А. Брагиной, В. Г. Гака и В. М. Лейчика, Т. С. Коготковой, Н. Г. Михайловской), лингвистический анализ структуры и функционирования терминов (статьи Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой, Е. И. Голановой, Л. П. Катлинской, Л. Н. Кузнецовой, В. Н. Хохлачевой, Л. К. Чельцовой), из истории терминосистем, отдельных терминов и терминологических выражений (статьи Т. А. Бобровой, И. А. Елисеевой, Г. И. Миськевич и Ю. Ф. Хаустовой, Н. В. Новиковой). Сборник завершается библиографией, связанной с культурно-речевой проблематикой в терминологии (составитель — Е. А. Вологдина).

Авторы и редакторы сборника надеются, что материалы сборника после его опубликования послужат целям дальнейшего объединения усилий языковедов и специалистов-практиков в решении актуальных задач терминологии и терминотворчества наших дней.

I

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ НТР

Л. И. Скворцов

В последнее десятилетие языковеды активно обращаются к актуальным вопросам культуры речи в связи с развитием терминологии, языка науки, «интеллектуализации» общелитературного языка [1].

Терминология и терминотворчество по-прежнему остаются такими областями языка, в которых живо проявляются и остро сталкиваются вкусы и интересы профессионалов-специалистов, языковедов-исследователей и рядовых ревнителей чистоты и точности словоупотребления [2].

Условия развивающейся научно-технической революции обостренно ставят вопросы языкового планирования [3] и так называемой интеллектуализации литературного языка. Известно, что принцип интеллектуализации (или рационализации) литературного языка был выдвинут представителями Пражского лингвистического кружка [4]. Под интеллектуализацией предложено понимать та-

---

[1] См., например: Исследования по русской терминологии. М., 1971; Терминология и норма. М., 1972; Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976; *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., «Наука», 1977; Современность и словари. Л., 1978; материалы журнала «Русская речь» 1967—1978 гг. и др.

[2] См. об этом: *Скворцов Л. И.* Терминология и культура речи.— В кн.: Исследования по русской терминологии, с. 218 и след.

[3] См.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.

[4] См.: *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., 1967, с. 349 и след.

кую степень развития языка, при которой высказывания становятся более определенными и точными, способными выражать всю сложность мыслей и их взаимосвязь; иными словами, происходит усиление интеллектуального аспекта языка. Наивысшее воплощение интеллектуализация получает в научном языке [5].

Этот общий принцип в крайних своих проявлениях (и осмыслениях) приводит к одностороннему взгляду на тенденции развития современного литературного языка и его норм. Закономерности языка науки и техники неправомерно переносятся на весь литературный язык в целом, что находит свое яркое проявление в фактах логического пуризма и в «технической» (технократической) критике языка.

В газетном фельетоне «Коробков высекает искру» Н. Воробьева читаем: Родня и близкие знакомые прозвали его (Коробкова. — *Л. С.*) пустозвоном. А он все равно не обижается. Отделывается полюбившейся поговоркой: «Сорной траве мороз не страшен». Отбоярится и снова пишет. «Почему зеленую траву, утрамбованную в траншею, называют *сенажом*?! — возмущается он в очередном письме. — Это же не сено, а трава! Предлагаю отныне именовать означенную зелень *травяжом*». На сей раз нам (редакции.— *Л. С.*) досталась только копия — «для сведения», — а оригинал Коробков отправил языковедам. Просил их поддержать его предложение, «дабы в дальнейшем не корежить колхозный язык» (Правда, 1978, 8 окт.).

Гневные протесты (иногда и в печати!) вызывают фразы типа «Если во Франции производится столько-то стали, то в Московской области — столько-то». Противники таких оборотов полагают, что под сочетанием *если... то* подразумевается причинно-следственное отношение, а в приведенном примере его абсолютно нет (а если бы во Франции не производили столько стали, то в Московской области тоже перестали бы ее производить?).

В действительности же кажущееся алогичным выражение давно претерпело деспециализацию в общей речи. На особенности употребления таких конструкций обратил внимание А. М. Пешковский, который в конце 20-х

[5] Существенной чертой языка эпохи НТР В. Г. Костомаров считает тенденцию к книжной формализации и отраслевой специализации (см.: *Костомаров В. Г.* Тенденции развития современного русского языка.— РЯШ, 1976, № 6, с. 4 и след.).

годов писал: «В последнее время (лет 30—40) чрезвычайно распространилось употребление союза „если — то“ не в условном, а в сопоставительном смысле: *Если* фтор и хлор являются газами, *то* бром при обычной температуре образует уже жидкость, а йод — твердое тело» [6].

В этих словах следует подчеркнуть по крайней мере три момента. Во-первых, сравнительную новизну конструкции в то время (ее появление в пределах нескольких десятилетий). Во-вторых, массовое ее употребление («чрезвычайно распространилась»). А в-третьих, известную стилистическую прикрепленность конструкции (иллюстративный пример взят, по-видимому, из учебника химии или из какого-либо научного текста). Дальнейшие исследования в области русского синтаксиса подтвердили это наблюдение Пешковского и его квалификацию с нормативной точки зрения [7].

Надо сказать, однако, что для 30-х — нач. 40-х годов описываемая конструкция воспринималась еще как не вполне нормативная, или, точнее говоря, как условно нормативная. Например, в словаре Д. Н. Ушакова об этом значении союза *если* говорится так: «...3. Употр. в начале придат. предложения, заключающего в себе не условие, а лишь противопоставление или сопоставление с главным, в знач.: в то время, как... (книжн., преимущ. газет. оборот, возникший в подражание нем. употреблению союза wenn и особенно распространившийся в 20 веке; он тем менее пригоден для точного выражения мысли, чем менее условной связи между главн. и придат. предложениями) (разрядка наша. — *Л. С.*)». В словаре приводятся следующие примеры употребления: «*Если* неимущие классы страдали от недоедания, *то* богатые болели от переедания. *Если* плотность населения в Европе достигает 50 человек на 1 кв. км, *то* в Африке она менее 4 чел.» [8]. Можно полагать, что первая из этих иллюстраций противопоставлена составителями словаря второй именно по

---

[6] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 3-е изд. М., 1927, с. 488.

[7] См., например: *Попова И. А.* Сложносочиненное предложение в современном русском языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. Под ред. В. В. Виноградова. М., 1950; Синтаксис современного русского литературного языка. Под. ред. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1958.

[8] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1. М., 1935, стб. 837.

степени выражения условной связи в общем смысле каждой из фраз.

В 17-томном академическом словаре современного русского литературного языка подобного рода ограничений и оговорок мы уже не находим: «...2. Употр. в начале предложения, заключающего в себе сопоставление с другим предложением или противопоставление ему. *Если* в Александровском округе климат морской, *то* в Тымовском он континентальный. Чех. Остр. Сахалин, X»[9].

Сравнительно-сопоставительные отношения, выражаемые посредством союза «если... то», используются чаще в деловом и научном стилях речи[10], а также в художественной литературе, отражающей особенности этих стилей, например: *Если* в дивизии и корпусе данные Травкина были восприняты как события особой важности, *то* для штаба армии они имели хотя и важное, но вовсе не решающее значение (Э. Казакевич, Звезда). Понятно, что никакого условного оттенка такого рода сложноподчиненные предложения не несут.

Логика языка отнюдь не тождественна законам формальной логики, и в этом следует видеть скорее ее преимущество, чем недостаток: язык есть важнейшее средство общения и орудие мышления, а не печатная наборная плата или кибернетическое устройство.

Но, может быть, развернувшаяся теперь научно-техническая революция, ломая национальные рамки в материальной сфере, вообще стирает национальные границы и в различных областях культуры? Как НТР влияет на национальный язык, как видоизменяет его, что вносит в него нового? Вопросы эти волнуют сейчас многих. Не могут они оставить безучастными писателей и языковедов. Впрочем, как и во многих других спорах, здесь немало преувеличенного, поспешного и непродуманного.

Журнал «Дружба народов» в последних книжках 1973 г. опубликовал материалы «Круглого стола» на актуальную тему: «Литература и НТР». Характерные мысли по поводу развития языка в условиях НТР высказывает писатель Сергей Залыгин, который свое выступление озаглавил так: «Размышления и догадки»[11].

[9] Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т., т. 3. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1954, стб. 1274.

[10] «Книжность» этого союза отмечена и в академической «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970, с. 671—672.

[11] См.: Дружба народов, 1973, № 10.

Одним из признаков начала НТР он называет «стремительные изменения» в языке, которые мы якобы теперь наблюдаем. По мнению Залыгина, изменения эти связаны прежде всего с полным (!) исчезновением старого народного («крестьянского», как он его называет) языка, сближением его с языком литературным («городским»), полной их нивелировкой: «И вот нынче вы скорее в деревне, чем в городе, услышите, как мать спрашивает у своей пятилетней дочери: „Ты выполнила мое задание?“ А муж говорит жене: „Мне нынче надо увязать план: в текущем квартале съездить к братухе в Ивановку!“».

Писатель приводит в виде курьеза (впрочем, довольно типичного) фантастический план «одного академика» по созданию машинного международного языка, рационального и логичного во всех отношениях. В чем же видится эта «рациональность» безымянному академику? А в том, например, что уменьшительные слова будут возникать не за счет удлинения слова (как в русском языке: *дом — домишко*), а — «по логике вещей» (!?) — за счет их сокращения (непонятно только, добавим от себя, как же можно сократить, например, *дом*?). Превосходная же степень будет, наоборот, выражаться «за счет удлинения (?) слова...» Но ведь разве нет закономерности в том, что бóльшая степень усиления какого-нибудь качества (той же уменьшительности) выражается большей длиной флексий, их «многоступенчатостью»: *дом — домик — домишко — домишечка...*? У языка есть своя внутренняя логика, которая не всегда и не во всем совпадает с простой «логикой вещей».

Нельзя не согласиться с Залыгиным, когда он в связи с этим столь же фантастическим, сколь и необоснованным лингвистически проектом перестройки языка «на логической основе» обвиняет архиэнтээровцев в том, что они, отвергая временной фактор, «хотят лишить человечество его истории, следовательно, и его природы, начав все сначала». Вместе с тем Залыгин не прочь «задать машинам задачу реконструкции и расширения существующих языков по их собственным законам и правилам». Задача эта, увы, так же невыполнима, как и описанная выше. Машина может «реконструировать» и «расширить» лишь свой собственный, «машинный» язык. К языку естественному — явлению общественному и историческому, принципиально не до конца формализуемому — этот

эксперимент не будет иметь никакого отношения, и не следует питать никаких иллюзий на этот счет.

Что касается иллюстрации «городского» влияния на язык деревни, то она представляется неубедительной. Не следует выдавать засоренную газетными (или книжными) штампами живую речь за какой-то «новый язык». Такая речь всегда появлялась и появляется при отсутствии «стилистического слуха», под влиянием технических средств или в результате простой неграмотности, но она всегда и расценивалась именно как речь засоренная, искаженная, неорганичная, поскольку никогда не давала начала какому-то новому качеству.

Писатель Залыгин в своих «размышлениях» и «догадках» так или иначе делает уступки теориям «технократии» и «массовой культуры», когда говорит о том, что в условиях НТР происходит специализация интересов и вкусов по разным признакам: спорт, туризм, посещение художественных выставок, концертов и т. п. Само чтение художественной литературы объявляется им «если уж не специальностью, так специальным хобби».

Естественный ход НТР связан с дальнейшим ростом интеллигентности общества, повышением его культурного самосознания, демократизацией самой культуры. Как же можно после этого воспевать мещанина XX в., говоря о «специализации интересов и вкусов по разным признакам» и утверждая, что теперь культурный человек может уже и не читать художественной литературы, если у него есть другие увлечения? Художественное познание действительности всегда шло рука об руку с ее научным познанием. Зачем же нам отказываться от этой важнейшей части культурного наследия? Будем считать, что всему виной полемические перехлесты и жажда парадоксальных эффектов.

Революцию, которую переживает современный мир, называют научно-технической. Но зачем же в угоду второй части этого сложного термина (и понятия) ограничивать ее содержание лишь технической стороной, более или менее внешним накоплением средств и навыков эпохи машин и автоматов? Почему мы должны забывать о первой и, может быть, самой важной части этого определения — о научном характере происходящей революции? НТР — это не только и не столько технизация общества, сколько превращение его в коллектив и братство ученых по преимуществу, в котором сама наука — в ее

подлинном, а не прагматически «популяризованном» виде — становится достоянием всех.

Современная эпоха характеризуется все более широким взаимодействием литературного языка с профессионально-техническими сферами речи, с территориальными и социальными диалектами, с другими языками. В связи с этим перед языковедами встают задачи изучения и оценки этих процессов, оперативного удовлетворения возникающих общественных потребностей и решения частных вопросов.

Немало разного рода недоумений и вопросов возникает, например, в результате такого процесса современной речи, как межфункционально-стилевая омонимия (ср. употребление таких слов, как *поезд, состав* или *нетель* и т. п. в общелитературном языке и в речи специалистов) [12]. В более широком плане можно говорить о том, что «интеллектуализация языка вызывает к жизни процесс детерминологизации, происходящий в сфере обиходного общения, в которое вплетаются расширительно понимаемые научно-технические термины» [13].

Примером смыслового (и стилистического) переоформления в результате детерминологизации может служить существительное *стресс* (и его производные), пришедшее в общее употребление из терминологической сферы. В биологии и медицине *стресс* — это состояние «напряжения» организма, являющееся необходимой защитной реакцией в ответ на действие различных неблагоприятных факторов. Другими словами, это реакция самосохранения, важная приспособительная функция живого организма [14]. В социальной психологии, социологии, а затем и в общей речи наших дней *стрессом* стали называть болезненное состояние длительного нервного напряжения, разрушающе действующее на организм. Ср. в газетном тексте: Автоматизация и научно-техническая революция, освобождая человека от физического труда, намного повышает его нервно-психическое напряжение.

---

[12] См. об этом: *Коготкова Т. С.* Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия».— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 204 и след.

[13] *Денисов И. Н.* Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974, с. 78.

[14] См.: Словарь иностранных слов. М., 1964; Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971.

У ученых даже существует специальный термин «стресс», которым они обозначают то состояние повышенного нервного напряжения, в котором пребывают жители больших городов (Неделя, 1967, № 11). В языке художественной литературы: Новомодное словечко «стресс» в двадцатом веке, в годы научно-технической революции, заменило привычные в прошлом слова «встряски», «перегрузки», «переживания», а еще более грозное «дистресс» романисты в прошлом называли пышно и торжественно «смертельно опасное потрясение», а позже — «шоковое состояние» (В. Липатов, Игорь Саввович. — Знамя, 1977, № 7, с. 57); Переход Алтунина в новое качество совершился почти незаметно, если не считать того *стресса*, тех самых эмоций, которые так удивили Киру (М. Колесников, Школа министров. — Знамя, 1977, № 10, с. 128). Ср. также выражение *стрессовая ситуация* (*избегать стрессовых ситуаций*), разговорный глагол *стрессовать*, нарочито искаженное *встресс* и т. п. Нейтрально-расширительное употребление слова *стресс* в общей речи отрицательно расценивается специалистами-биологами — именно с позиций терминологического пуризма, без учета объективного процесса детерминологизации.

Другой пример. В общелитературной речи существительное *эпицентр*, употребляясь в таких сочетаниях газетно-публицистического стиля, как *эпицентр события, эпицентр спартакиады, эпицентр страды* и т. п., нередко вызывает нарекания и расценивается как ненормативное, поскольку «даже в переносном употреблении слово *эпицентр* не теряет связи с понятием о разрушении» [15]. Такая отрицательная оценка базируется на терминологическом значении слова *эпицентр*. Ср. его обычное толкование в словарях: «область на поверхности земли, расположенная над или под очагом разрушительных сил (землетрясения, взрыва и т. п.)», со стилистической пометой «специальное».

Надо сказать, что в отличие от языковедов специалисты-техники готовы признать — в известных случаях — употребление слова *эпицентр*. Терминологическое разграничение слов *центр* и *эпицентр* служит основой такого принятия. Читатель «Литературной газеты» В. Чистяков, принявший участие в дискуссии «Как мы говорим,

---

[15] См.: *Горбачевич К. С.* Нормы современного русского литературного языка. М., 1978, с. 70.

как мы пишем», рассуждает так: «...*центр* чаще всего связан с точкой наибольшего напряжения, а *эпицентр* ассоциируется с разрешением (разрядка наша.— *Л. С.*) напряжения — со взрывом, с землетрясением». Именно поэтому он допускает такие сочетания, как *эпицентр соревнований, эпицентр дискуссии*, но не приемлет употребления слова *эпицентр* в значении «очаг (землетрясения)»: «*Эпицентр* был зарегистрирован на глубине 10 км от поверхности земли» (Лит. газета, 1978, 5 апр.). Кстати, толковые словари современного русского литературного языка уже отмечают переносное употребление слова *эпицентр*. Например: «...*Перен.* Место, где с наибольшей силой проявляются какие-либо явления. *Вспыхнули многочисленные восстания. Эпицентром восстания была Сечь.* Довженко, Великое товарищество»[16]; *В эпицентре событий* (перен.; книжн.)[17].

Явления терминологического пуризма могут быть связаны с критериями логичности[18], мотивированности (внутренней ясности) и особенно часто с субъективно-оценочным — и вместе с тем общественно значимым — критерием благозвучности (эвфонии). Критерий благозвучности—неблагозвучности, не являясь строго лингвистическим, используется по преимуществу специалистами-техниками и нередко оказывается решающим в терминотворчестве. Это подтверждается материалами некоторых газетных и журнальных дискуссий 60—70-х годов.

В «Литературной газете» (1963, 5 февр. и 30 мая) были опубликованы материалы дискуссии «Каким должен быть научный термин?» Началась она с того, что инженер А. Гольдин выступил против терминов Комитета научно-технической терминологии: *надрезка, проколка, гибка, окомкование, выброс, заброс* и др. Забракован был и старый термин горного дела *выемка вкрест простиранию* (пласта). Все эти термины объявлялись «уродами» и «сорняками», непригодными в употреблении и не соответствующими нормам русского языка.

---

[16] Словарь современного русского литературного языка в 17-ти т., т. 17. М.— Л., 1965, стб. 1901.

[17] Словарь русского языка. Под ред. С. И. Ожегова. 9-е изд. М., 1972, с. 836.

[18] Многочисленные примеры логического пуризма в терминологии, а также эстетически-вкусовых оценок названий профессий см.: *Скворцов Л. И.* Указ. соч.

Гольдин предложил заменить их благозвучными словами. В ответном письме Комитета доводы Гольдина были опротестованы. В нем обращалось внимание на то, что термины образованы по продуктивным в терминологии моделям, говорилось о необходимости учитывать системность понятий, об отказе от субъективных, вкусовых оценок. В ходе дискуссии инженера Гольдина поддержал писатель К. И. Чуковский. Он усмотрел в терминах *грохочение, окускование, впрыск* и др., которые «не ласкают уха», тенденцию к ненужной русификации (?!). *Окомкование*, например, он предложил заменить благозвучным, с его точки зрения, термином *грануляция*. Таким образом, и здесь — независимо от источника заимствования — благозвучие объявлялось единственным и чуть ли не решающим критерием при оценке терминов. Сами же термины рассматривались (как это нередко и теперь делается в подобных дискуссиях) изолированно, вне каких-либо терминосистем. На них переносились требования, предъявляемые к общелитературному языку. Неправомерность такого подхода к языку науки была показана в последующие годы в ряде лингвистических работ [19].

С жизненно важными сторонами деятельности человека связаны наименования профессий и лиц по профессии. Именно поэтому они требуют к себе особенного внимания [20]. Актуальные проблемы терминологии и терминотворчества в этой области решаются, к сожалению, все еще недостаточно объединенными и целенаправленными усилиями терминологов, социологов, специалистов по труду, экономистов и языковедов. Между тем практическая деятельность по упорядочению наименований профессий предполагает оперативный лингвистический анализ и соответствующую оценку общих основ и частных критериев этой работы.

Дальнейшее упорядочение в области труда и заработной платы приводит к постепенному переименованию профессий; при этом официальная кодификация, проводимая государственными учреждениями, так или иначе учитывает факторы благозвучия, удобства, ясности значения (и структуры) и т. п. Реальные жизненные фак-

---

[19] См.: *Даниленко В. П.* Указ. соч.

[20] См. об этом: *Моисеев А. И.* Вы и ваша профессия.— Рус. речь, 1968, № 1, с. 49 и след.

ты наших дней показывают разные стороны и последствия перемены названий профессий — в ущерб самому производству (когда носителя отталкивает общая непрестижность наименования занятия) или в ущерб самому носителю (когда новое наименование оказывается более низким в тарифной сетке, несмотря на свою «звучность», и т. п.).

Характерный случай произошел на ленинградской фабрике имени Самойловой. Существующей здесь профессии «машинист гардинно-тюлевых машин» предполагалось дать название «ткач». Однако отдел труда и заработной платы не согласился с таким предложением, опасаясь (и не без основания), что фабрика потеряет не только профессию под названием «машинист...», но и самих машинистов, большей частью молодых людей, недавно окончивших среднюю школу [21]. Ср. с этим свидетельство очевидца из г. Горького: «В отдел кадров крупного завода пришла группа молодых людей наниматься разнорабочими, сторожами, вахтерами, пожарниками. Условия их вполне устраивали, но была у них просьба — не заносить в трудовые книжки наименования „сторожа", „вахтеры", „пожарники", „подсобные рабочие" (живем, мол, в век технического прогресса, а названия профессий уж очень архаические). Кадровики лишь развели руками — ничего не можем сделать. Так и ушли молодые люди (их было 15 человек) из отдела кадров, не оформившись на работу» [22].

Случай иного плана, приведенный А. И. Моисеевым, связан с тем, что на одном из ленинградских предприятий наиболее квалифицированным полировщикам оптических стекол было в знак поощрения присвоено звание «оптик». При этом довольно скоро выяснилось, что просто полировщики имеют право на дополнительный отпуск, а наиболее квалифицированные полировщики, т. е. оптики, — нет. Один из таких оптиков писал в «Ленинградской правде» (1962, 4 янв.): «Тут, как говорится, и слава не радует» [23]. Ср. с этим консультацию юриста на

---

[21] См.: *Моисеев А. И.* Указ. соч. Отметим здесь попутно стилистическую уцербность конструкции «машинист... машин», весьма характерной, впрочем, для построения профессиональных наименований.

[22] См. письмо читателя П. Путрошкина в ж. «Человек и закон», 1974, № 5, с. 41.

Моисеев А. И. Указ. соч.

страницах журнала «Человек и закон»: «В последнее время кое-где предпринимались попытки изменять названия профессий; однако возможности предприятий в изменении названий оказываются весьма ограниченными. Дело в том, что предприятие должно принимать людей на работу в точном соответствии со штатным (типовым) расписанием или тарифно-квалификационными справочниками (которые утверждаются в централизованном порядке). Произвольное изменение названия профессии может привести к лишению полагающихся человеку льгот (например, по пенсионному обеспечению)»[24].

Интересно отметить, что если в первой группе случаев налицо недооценка престижности названия, то во втором случае именно понимание роли этой престижности приводит к конфликту с установками административно-законодательного характера. Так или иначе такого рода случаи показывают необходимость объективного учета и оценки фактора престижности наименований лиц по профессии — непростого и имеющего разные выходы в общественную практику явления.

А. И. Моисеев выделяет два фактора, определяющих наше отношение к названиям профессий: 1) эстетический фактор, или принцип, требующий замены всех «плохих» названий, и 2) фактор, связанный с материальными интересами людей и требующий оберегать названия от произвольных «улучшений». При этом второму фактору справедливо отдается предпочтение перед первым.

Если говорить об общих факторах, или принципах, определяющих отношение к наименованиям профессий и их совершенствованию, то с собственно лингвистической точки зрения следует, по-видимому, говорить по крайней мере о трех принципах:

1) принцип системности, в соответствии с которым наименования должны подчиняться требованиям однозначности и взаимообусловленности;

2) принцип нормативности, в соответствии с которым к наименованиям предъявляются требования общелитературности (с учетом специфики профессионального употребления, узуса);

3) принцип эстетичности, т. е. требование благозвучия, отсутствия нежелательных ассоциаций, а также логичности, краткости и т. п.

[24] См.: *Глазырин В. В.* Профессиям — точное наименование.— Человек и закон, 1974, № 5, с. 43 и след.

Все эти принципы — собственно лингвистические, внутриязыковые. Они по необходимости дополняются принципами общесоциальными — нормами официального установления, официальной кодификацией в целом. Эти последние принципы, являясь главенствующими, определяющими, по необходимости должны соотноситься с собственно лингвистическими, так или иначе опираться на них как на теоретическую базу. К сожалению, призыв к объединению действий учреждений по труду и социальным вопросам с работой лингвистических научных учреждений, прозвучавший более десяти лет назад[25], до сих пор не нашел ответа и сколько-нибудь удовлетворительной реализации. Именно поэтому представляется полезным оценить (хотя бы в кратком обзоре) с лингвистической точки зрения усилия специалистов государственных учреждений по упорядочению названий профессий и лиц по профессиям, предпринятые за последние годы.

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

1. Принцип системности. Этот принцип связан прежде всего с выбором основных структурных типов наименований. Следует сразу сказать, что общелитературный подход — с позиций сложившейся лексикографической практики (структуры значений названий лиц по профессии в толковых словарях современного русского литературного языка) — здесь вряд ли уместен. Представляется, например, довольно спорной попытка Л. А. Шкатовой[26] установить модели толкований лиц по профессии с позиций общелитературного языка.

Родовой признак «рабочий» предписывается при этом лишь названиям производственных профессий, родовой признак «работник» — обобщенным названиям по отрасли производства и работам в сельском хозяйстве, родовой признак «специалист» — названиям профессий в области науки и техники. Но ведь все дело в том, что и в сельском хозяйстве могут быть специалисты (агрономы, механизаторы и т. п.), а, например, в области техники могут быть и рабочие и т. п.

www.ruslang.ru

[25] См.: *Моисеев А. А.* Указ. соч., с. 52.

[26] См.: *Шкатова Л. А.* Толкование лексических значений названий разных лиц по профессии.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов, с. 215 и след.

Надо заметить, однако, что сама попытка создать типологию составных наименований профессий вполне правомерна, и автор хорошо понимает возникающие в связи с этим проблемы. Предлагается, во-первых, принять во внимание тенденцию к обобщению профессий (ср. родовые наименования типа *водитель, аппаратчик, наладчик, машинист, оператор* и т. п.) и, во-вторых, при построении определений терминов — названий профессий учитывать тенденцию к наименованию лица по технологическому процессу (т. е. при толковании профессий использовать — в качестве спецификатора — указание на характер труда: *белильщик* — рабочий, занимающийся белением, отбелкой или побелкой чего-н.; *варильщик* — рабочий, занимающийся варкой чего-н.; *воронильщик* — рабочий, занимающийся воронением, и т. п.)[27].

Специалисты отмечают разнообразие структур наименований лиц по профессии. А. И. Моисеев выделяет, например:

а) однословные — корневые, производные, сложные (*бондарь, оптик, ювелир; абразивщик, дюральщик, тузлучник; дробеструйщик, рудоспусчик, пилоправ*);

б) комплексные, аппозитивные (*гибщик-вальцовщик, слесарь-приборист-радиограф*);

в) описательные на базе однословных и комплексных (*машинист лебедки, сварщик-кузнец на молоте*).

В центре этой лексики, по его наблюдениям, стоят имена существительные: они самостоятельно формируют однословные наименования лиц по профессии (НЛП), например *токарь, варщик*; являются составными частями комплексных, аппозитивных наименований, например *токарь-карусельщик*; служат доминантами описательных наименований, например *токарь по эбониту*. Все другие разряды слов в составе НЛП являются уточнителями их доминант или уточнителями уточнителей[28].

В материалах дискуссии о названиях профессий журнала «Человек и закон» (1974, № 5 и 1974, № 8) была помещена статья сотрудника НИИ труда Госкомтруда СССР А. Степанова[29], в которой рассказано о деятель-

---

[27] Там же, с. 221—222.

[28] См.: *Моисеев А. И.* Наименование лиц по профессии и толковые словари современного русского литературного языка.— В кн.: Современность и словари, с. 149 и след.

[29] См.: *Степанов А.* Кочегар или оператор котельной? — Человек и закон, 1974, № 8.

ности по унификации наименований профессий. Началась она в 1964 г. при разработке Единого перечня профессий рабочих, на основе которого был создан новый Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих (ЕТКС). Было проанализировано 24 700 названий профессий, которые содержались в различных отраслевых справочниках. Вся тарификация работ в новом ЕТКС построена с учетом единой шестиразрядной тарифной сетки. Число названий профессий сократилось до 6300 (т. е. почти в 4 раза!). С учетом развития новой техники и технологии, организации и автоматизации производства в новом ЕТКС были отменены 264 устаревшие профессии и введено 529 новых профессий. В основу переименования были положены следующие общие принципы: учитывался характер технологического процесса, вид обслуживаемого оборудования и выполняемой работы.

Наименования профессий строятся в новом ЕТКС по двум основным структурным типам: 1) однословные (когда слово достаточно полно характеризует особенности труда и отражает его содержание): *токарь, эмалировщик* и т. п.; 2) многословные (когда необходимо отразить в названии дополнительные признаки — орудия труда или предмет труда): *ткач металлосеток, машинист насосных установок* и т. п.

В новом ЕТКС имеется 220 *операторов* и 600 *аппаратчиков. Аппаратчик* — это рабочий, управляющий аппаратурными процессами с соблюдением технологического режима, например: «аппаратчик отбеливания», «аппаратчик пастеризации», «аппаратчик охлаждения» и т. п. (разрядка наша. — *Л. С.*). *Оператор* — это рабочий, занятый ведением технологического процесса обработки или изготовления деталей и изделий на автоматических и полуавтоматических линиях, оборудовании и установках с пульта управления (разрядка наша. — *Л. С.*). Например: *оператор поточной линии по обработке слитков, оператор установки непрерывной разливки стали, оператор автоматических и полуавтоматических линий, станков и установок* и т. п.

Знакомство с рядом тарифно-квалификационных справочников и другой специальной литературой[30] показы-

[30] См.: Единый тарифно-квалификационный справочник рабочих. Сквозные профессии. М., 1959; Единый тарифно-квалификацион-

вает, что работа по унификации названий проделана весьма значительная. Например, в ЕТКС-59 наименование *автоматчик* введено вместо *автоматчик-оператор, автоматчик токарно-револьверных автоматов, автоматчик на спецавтоматах*[31] и т. п. (всего 13 наименований). Общее количество наименований по Общесоюзному классификатору (1977) составляет: профессий рабочих — 9242 единицы, должностей служащих — 2922 единицы.

Вместе с тем анализ конструкций наименований показывает довольно пеструю картину — при одном и том же классификаторе или при использовании одних и тех же уточнителей, например: АППАРАТЧИК варки, а.-вальцевар, а. вакуум-аппаратов; а. в производстве порошков // а. по производству ванадия; а. на плазменных установках, а. по загрузке печа; а. по приготовлению кормов // а. приготовления замесов; а. по кристаллизации // а. кристаллизации и т. п. ЛИТЕЙЩИК металлов и сплавов, л. методом направленной кристаллизации, л. на машинах литья под давлением. МОДЕЛЬЩИК гипсовых моделей, м. по деревянным моделям, м. по моделям из эпоксидных смол и т. п. ГНУТАРЬ деталей музыкальных инструментов, г. по дереву, г. фибры. МАШИНИСТ машин(ы) для, на, (чего), по и т. п.— всего более 20 наименований.

Неоправданный разнобой и дублетность в оформлении однотипных конструкций требуют дальнейшего совершенствования собственно лингвистической стороны кодификаторской работы.

2. Принцип нормативности. Этот принцип предполагает учет требований общелитературности при построении наименований профессий и лиц по профессиям.

Работа по наименованиям и переименованиям профессий может быть плодотворной лишь при совместных усилиях представителей разных специальностей, при актив-

---

ный справочник работ и профессий рабочих, вып. 3. М., 1969; Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий, вып. 2. М., 1970; Общесоюзный классификатор. Профессии рабочих, должности служащих и тарифные разряды. М., 1977.

[31] О тавтологичности наименований «автоматчик... автоматов» или «автоматчик... спецавтоматов» см. ниже.

ном участии в ней языковедов. Между тем, как указывают сами авторы нового ЕТКС, «переименование профессий рабочих происходило на основе изучения разделения и характера труда, справочно-терминологических материалов, толковых словарей русского языка»[32]. Больше того, наименования профессий «устанавливаются в первую очередь по экономическим, а затем по социально-психологическим и лексическим критериям»[33]. Как видим, лингвистическому аспекту работы по наименованиям профессий и их унификации не вполне справедливо придается второстепенное значение.

Специфическую тавтологию в наименованиях мы уже отмечали. Добавим к сказанному новые материалы из существующих справочников: КЛАДОВЩИК... складов (или кладовой), например «кладовщик материальных и топливных складов», «кладовщик инструментальной кладовой»; ЛИТЕЙЩИК... литья, например «литейщик вакуумного и центробежно-вакуумного литья», «литейщик на машинах литья под давлением»; МОДЕЛЬЩИК... моделей (или по моделям); ФОРМОВЩИК... формовки (или форм); СВАРЩИК... сварки; МАШИНИСТ битумировочной машины, а также «машинист машины» для, на, (чего), по и др.; ТЕХНИК по эксплуатации и ремонту спортивной техники; ЧАСОВЩИК по ремонту часов и т. п.

Характерны случаи «скрытой» тавтологии, возникающей в результате использования сложных слов, например: *ТЕХНИК* по свето*технике*, ЭЛЕКТРО*СВАРЩИК* ручной *сварки* и т. п. Тавтология может возникать в результате переименования (в процессе унификации), например старое «*монтеры* связи *по монтажу* оборудования» — новое «*монтажники* связи *по монтажу* оборудования» и т. п.

Можно отметить также известную непоследовательность замен наименований на различных уровнях: словообразовательном, лексическом, синтаксическом. Например, новые названия *выбивальщик* вместо *выбивщик* или *монтажник* вместо *монтер* введены в известном противоречии с требованиями краткости термина. Ср. также неясную мотивированность таких переименований, как *мельник* (эмальпроизводства) вместо старого *мельщик*

---

[32] См.: Человек и закон, 1974, № 8, с. 71—72.
[33] Там же, с. 72.

(эмальпроизводства); новое *огнеупорщик* вместо *желобщик*; *опылитель* (форм и металла серным порошком) вместо *осернитель* (форм и металла); *обмазчик ковшей* вместо прежнего *ковшемаз*, или отказ от некоторых традиционных наименований: *чистильщик* металла и др. вместо *галтовщик*, *жестянщик* вместо *дюральщик* и т. п. — при сохранении таких названий, как *обдирщик*, *обжарщик*, *пудровщик*, *ножеточ*, *тузлуковщик шкур*, *тянульщик* (кож) и т. п. (ЕТСК-70).

Заменам подверглись образования на *-ла(-ло)* или *-арь* (например, *насекала*, *подметало*, *замывало*, *щипарь*, *сушкарь* и т. п.), но сохранился *гнутарь*. Нет *съемщика шкур*, но остается *съемщик пера*. *Монтер связи* стал *монтажником связи*, но при этом появились *монтеры пути* (вместо *путевых рабочих*). Описательное наименование *подручный рабочего по огневой зачистке металла* заменено однословным *газорезчик*; напротив, серия однословных названий — *чернорабочий*, *возильщик*, *относчик*, *подтасчик*, *мойщик* и др. уступила место описательной конструкции *подсобный рабочий*. Переименования последнего типа непосредственно примыкают к явлениям, связанным с престижностью профессии и общим принципом эстетичности названия.

3. Принцип эстетичности. Требования этого принципа связаны с благозвучием наименования, отсутствием нежелательных ассоциаций, а также ясностью, точностью обозначения реалий и т. п.

Исследователи отмечают, что эстетическая оценка названий профессий очень часто дается без учета терминологического окружения, вместе с тем она играет довольно существенную роль[34]. Именно с этой оценкой связан протест носителей языка против таких названий профессий, как *болванщик*, *отшибальщик*, *туалетчик*, *надиральщик*, *перегибщик*, *трясунщик* и др.[35]

При подготовке нового ЕТКС были устранены многие устаревшие и неблагозвучные наименования. Например, профессия *болванщик* переименована в *изготовитель формодержателей*, *реброщик* — *раздвижчик сырца* —

---

[34] См.: *Шкатова Л. А.* О названиях профессий.— Рус. речь, 1978, № 2, с. 89 и след.

[35] Там же; ср. также материалы статьи: *Скворцов Л. И.* Указ. соч.

в *сушильщик изделий в естественных сушилах*; вместо *пастух* введено *чабан*, а вместо *изготовитель коктейлей — бармен* и т. п.

Сейчас, как полагают специалисты, неблагозвучные и устаревшие наименования профессий в основном устранены. Однако работа по переименованию профессий продолжается. Характерно, что в разряд «неблагозвучных» специалисты нередко включают и такие термины, которые берут свое начало от мелкокустарного и ремесленного производства: *заготовщик*, *пошивщик*, *посадчик* и т. п.[36] Здесь исторический и социолого-престижный принцип явно противопоставлен собственно системно-терминологическому, что вряд ли правомерно. И в этом смысле работа по переименованиям далеко не закончена. Материалы газетных выступлений последнего времени подтверждают это: «В последние годы уже упразднен ряд неуклюжих наименований. „Трепальщик" теперь называется „оператор разрыхлительно-трепальных машин", „водогрей" (обработчик льна) — „контролер технологического процесса", „терщик картофеля" — „машинист терочных машин". „Чернокотельщика" заменили на „аппаратчика приготовления серпокислого глинозема", „морсовщика" — на „изготовителя морса". Две профессии в мясоперерабатывающей промышленности — „потрошильщик тушек птицы" и „туалетчик тушек кроликов" — объединены в одну: „обработчик тушек птицы и кроликов". Конечно, названия стали благозвучнее, но можно ли считать, что это лучшее из всего возможного? До сих пор не найдены заменители „бойцу скота", „волочильщику", „выдувальщику", „навивщику заушников (в производстве очков)" и т. д. Не найдены, должно быть, потому, что поисками занят весьма немногочисленный круг специалистов. А почему бы не привлечь к этой работе писателей, педагогов, филологов, социологов?»[37] Встает, конечно, закономерный вопрос: нужны ли «заменители» традиционным и однозначным наименованиям типа *боец скота*, *навивщик* или *выдувальщик*? Однако с общим выводом и рекомендациями журналиста нельзя не согласиться.

Вопросы о благозвучности наименований профессий и связанной с ней престижностью живо обсуждались в

---

[36] См.: Человек и закон, 1974, № 8, с. 71.

[37] См.: *Шатуновский И.* Тарифный роман.— Правда, 1977, 20 марта.

упоминавшейся уже дискуссии на страницах журнала «Человек и закон». Авторы писем в редакцию говорили о том, что иногда не сама работа отпугивает молодежь, а именно название профессии: хотя, например, *кочегар* давно уже стал *оператором котельной*, официальное наименование его профессии осталось старым. Приводились ссылки на то, что в сельском хозяйстве кое-где уже введены новые названия профессий: бывшие *доярки* и *свинарки* числятся теперь по штатному расписанию *мастерами молокодоения* или *мастерами свиноводства*[38]. Эти предложения читателей прокомментировала доярка колхоза «Ленинский луч» Московской обл. Герой Социалистического Труда В. Щербатых. Точка зрения Щербатых отражена в самом заголовке ее письма: «Дело не только в названии!» Пафос этого выступления состоит в том, что люди сельских профессий (к тому же уроженцы села) практически не думают о престижности названий профессий:

«Горжусь своей работой. Но с уважением отношусь и к профессиям моих подруг. Они на ферме работают скотницами. Мой муж работает фуражиром — подвозит корма. И без этой профессии не обойтись, хотя название у нее не особенно благозвучное.

У нас, в сельской местности, не гоняются за звучными названиями профессий. Любой крестьянский труд почетен, потому что он нужен людям, полезен. И дело здесь не в названии, а в том, как человек относится к работе, любит ли он трудиться»[39].

Собственно социологическими причинами (различием социального «взгляда» на профессию: изнутри или извне) объясняется, по нашему мнению, разнобой наименований, наблюдаемый в практике современной печати (отражающей, впрочем, и живое употребление наших дней). Действительно, в новом ЕТКС закреплен только *оператор машинного доения*. А вот в заголовке очерка Р. Тополянской (Крестьянка, 1978, № 12, с. 8) употребляется слово *доярка*: «Стучат доярки молотками...» В тексте очерка оно употреблено 13 раз, официальных эквивалентов к нему нет. На соседней цветной вклейке подпись под снимком: «...*оператор-бригадир* (такая-то) и *оператор машинного доения* (такая-то)». Ср. в

---

[38] См.: Человек и закон. 1974. № 8. с. 41.
[39] Там же, с. 42.

подписи под газетной публикацией: «*Доярка-оператор* (такая-то)» (Правда, 1978, 13 нояб.).

Научно-техническая революция приводит к постепенной ликвидации — и в городе и в деревне — неквалифицированного труда. Промышленное преобразование сельского хозяйства затрагивает область профессиональных наименований социалистической деревни наших дней: «Современное оборудование, новая технология производства обусловили на комплексе и совершенно новый характер труда и, как следствие, — новые профессии... На комплексе работают 80 специалистов с высшим и средним специальным образованием. Стали привычными для нас неизвестные раньше профессии: *оператор-животновод, оператор-механизатор, „киповец", радиотехник, метролог...*» [40]

Название профессий в условиях НТР связано с различными вопросами производственного, социального (престижного), юридического, общественного и иного характера. Так или иначе, название профессии очень часто является той «одёжкой», по которой встречает ее вступающий в трудовую жизнь молодой человек.

Исследования НИИ трудового обучения и профориентации АПН СССР показывают, что выпускники школ при выборе профессии большое значение придают ее привлекательности, основанной на оценках окружающих («общественный престиж» профессии) или на собственном представлении, которое складывается главным образом из ее названия. Поэтому, как полагают специалисты-педагоги, современные школьники должны быть лучше осведомлены о характере будущей профессии, ее реальном содержании, а не судить о ней только по названию (к тому же наименования типа *тростильщица, коландровщик* или *планочница* им ничего не скажут) [41].

* * *

Вопросы наименования профессий в связи с реальными нежелательными последствиями их непрестижности продолжают волновать нашу общественность. Характерно в этом отношении письмо экономиста Н. Бута из

---

[40] *Грамолин А.* У нас в Майском.— Крестьянка, 1978, № 12, с. 9.
[41] *Кондратьева Л.* Призвание — в труде. Человек и закон, 1974, № 8, с. 73 и след.

г. Никополя, опубликованное в газете «Правда»[42]. В письме приведено, в частности, свидетельство заместителя директора Одесского технического училища № 1 (где готовятся кадры для судов дальнего плавания) о том, что несколько лет назад там был хронический недобор девушек по профессии *номерная, каютная*. Дело в том, что «не хотели девушки приобретать специальность с таким неблагозвучным наименованием. Но вот в Минморфлоте дали ей привлекательное название „стюардесса", и теперь желающих — хоть сколько...» Автор приводит примеры непристижных, по его мнению, наименований профессий: *птичница-пометчица, шофер ассенизационной машины горкоммунхоза*; он говорит о реальных и возможных переименованиях: *разнорабочий* вместо *чернорабочий, технический работник* вместо *уборщица, механик-водитель* вместо *тракторист* и т. п. Особое внимание в письме уделяется сфере сельскохозяйственного производства: «Не везет с названиями многих сельскохозяйственных профессий. Журналисты все реже употребляют слово „навоз", заменяя его более благозвучным „органика", „местные удобрения". А вот рядом с фамилиями то и дело читаешь в газетах „скотник", „свинарка" и даже „техник искусственного осеменения". Лет десять тому назад на одном из семинаров на ВДНХ СССР товарищи из Министерства сельского хозяйства согласились, что работника, ведающего осеменением скота, правильней было бы называть *техником-животноводом*. Однако поправки в штатное расписание до сих пор не последовало». Автор рассказывает о местном опыте, когда в одном из колхозов Никопольского района растениеводческие бригады назвали производственными участками и их возглавили специалисты, которых теперь уже не именуют «бригадирами»: одним из участков руководит агроном, другим — техник-механик и т. п. В заключение письма автор призывает Министерство сельского хозяйства СССР и другие компетентные в этом ведомства заинтересоваться названиями профессий и привести их в соответствие со временем и с фактическим положением дел.

В газете «Комсомольская правда» от 24 мая 1977 г. опубликовано интервью с начальником учебно-методического управления Госкомитета Совета Министров СССР по профтехобразованию Ю. Я. Якубой «Профессия

---

[42] См.: *Бут И.* Престиж профессии.— Правда, 1978, 10 нояб.

на вкус». В нем говорится о том, что наша система готовит более тысячи рабочих профессий. В 1976 г. в профессионально-технических училищах страны готовили специалистов 1100 профилей, в 1977 г. — 1264. Есть прогнозы, что в недалеком будущем их число достигнет около полутора тысяч.

В перечень профессий каждый год вносятся известные изменения: исчезают старые, появляются новые. Исчезла, например, профессия *стрелочник*. А вот в связи с ростом автоматизации сельского хозяйства появилась профессия *оператор животноводческого комплекса*. Названия двух старых профессий — *штамповщик* и *эмалировщик* — объединяются в одном — *штамповщик-эмалировщик*, что является требованием времени: оно отражает подготовку специалистов широкого профиля. Появляются необычные новые профессии, также отвечающие духу времени и развитию соответствующих производственных сфер: *мастер по технической диагностике сельхозтехники* (специалист, устанавливающий характер поломки комбайна по внешним показателям, без разборки машины), *повар детского питания*, *повар со знанием национальной и зарубежной кухни* и т. п.

В приведенном интервью интересно и с неожиданной стороны ставится вопрос о важности и нужности профессий, о престижности той или иной из них: «Как ни странно, но самыми нужными по сей день остаются самые старые профессии. Молодежь привлекает техника, и она охотно идет на специальности, с ней связанные. Сложность не пугает, пугает — простота. Действуют тут, конечно, и механизмы престижности (разрядка наша. — *Л. С.*). Что может быть нужнее людям, чем хлеб и жилище? Но посмотрите, профессии пекаря и строителя не престижные. И вот на кондитера — конкурс. А ведь человек растет не на пирожных — на хлебе. Видимо, мы неверно объясняем молодым смысл слов „нужность“ и „важность“. Когда говорят о профориентации, бьют почему-то на внешний эффект, на звучные названия».

Как видим, вопрос о престижности — непрестижности профессии может носить и «внешний» и «внутренний» характер; простые переименования в духе благозвучности или значительности не снимают проблемы по существу, и здесь она из области чисто лингвистической переходит в сферу общественно-педагогическую и нравствен-

ную. Во всяком случае, такого рода обоснованные мнения специалистов демонстрируют затрагиваемые вопросы общей проблемы «профессия — название» во всей их сложности и неоднозначности.

На деле выходит обычно так, что ввиду огромного количества профессий оценка той или иной из них молодыми людьми основывается лишь на ее названии и на тех ассоциациях, которые оно вызывает. Вот почему в идеале название профессии должно максимально точно отражать ее содержание. Правда, в условиях научно-технического прогресса это требование не может соблюдаться абсолютно: с ростом механизации и специализации производства содержание труда определенных профессий изменяется очень быстро, и их прежние названия перестают точно соответствовать содержанию. Постоянная работа по номинации профессий должна учитывать эти динамические изменения в эпоху НТР.

Вместе с тем политика Коммунистической партии и Советского государства, направленная на дальнейшее совершенствование тарифной системы оплаты труда, предусматривает современные и более соответствующие процессу труда наименования профессий. Долг и задача языковедов-терминологов — внести свою профессиональную лепту в эту важную общественную работу.

ТЕРМИН И ЕГО МОТИВИРОВАННОСТЬ

О. И. Блинова

Культура научного исследования, эффективность полученных результатов в немалой степени определяются используемой исследователем терминологией. Термин — одно из важнейших слагаемых исследования, он призван не только предельно точно выразить научное понятие, но и служить своеобразным инструментом познания, выявления нового в той отрасли научного знания, которую он обслуживает. Закономерным поэтому является постоянный интерес к терминологии вообще и к научным терминосистемам в частности.

Широко известен факт неудовлетворенности многих языковедов состоянием лингвистической терминологии,

Разнобой в определении и понимании терминов, их неоправданная многозначность, неряшливость в обращении с ними, не всегда столь необходимая дублетность их — все это, имеющее во многом субъективные причины, усугубляется рядом явлений, вызванных объективными обстоятельствами: трудностями в определении сложного понятия, полисемией терминов, появляющейся в результате процесса номинации, дублетностью терминов, возникающей в итоге поиска более удачного терминообозначения взамен не удовлетворяющего исследователей или в результате создания терминов, связанных с новым подходом, с новым аспектом изучения языка, с новым разделом науки о языке либо с ее развитием.

В стабилизации и систематизации терминов языковедения несомненное значение имеют словари лингвистических терминов [1], хотя их регистрирующая роль не менее очевидна. Судьба термина (терминоупотребление, терминотворчество) находится прежде всего в руках исследователя. Поэтому именно он должен обладать знанием природы термина и законов его употребления, именно исследователь должен бережно относиться к национальному терминологическому наследию и видеть перспективы его развития. Для этого необходимы поиски оптимальных решений-рекомендаций, опирающихся не на субъективно-вкусовые категории, а на знание источников, путей формирования терминологии и особенностей ее функционирования [2].

Решение проблем термина и терминологии неизменно предполагает изучение комплекса вопросов: о структуре и составе научного термина, об источниках формирования научной терминологии, о факторах ее системности, о соотношении и связи терминологической лексики с лексикой нетерминологической национального языка и др. Один из вопросов, получивших разные истолкования, — вопрос об отношении термина к мотивированно-

---

[1] См.: *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 1960; *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964; *Вахек Й.* Лингвистический словарь Пражской школы. М., 1964; *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, и др.

[2] Для этой цели необходимы исследования типа монографии В. П. Даниленко «Русская терминология. Опыт лингвистического описания» (М., 1977).

сти—немотивированности[3]. Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Как известно, существуют диаметрально противоположные мнения о том, должен ли термин быть мотивированным. Ответ на этот вопрос, как представляется, не может быть однозначным. Тем более, что в научной и иной терминологии были, есть и будут как мотивированные, так и немотивированные термины. Причем в русской терминологии, как выявлено, «играет главенствующую роль мотивированный тип номинации», мотивированные термины составляют «большую часть русских терминов»[4]. В этой связи представляется неслучайным появление работ, анализирующих мотивированность терминов[5].

Вопрос о термине и его мотивированности следует рассматривать не в том плане, каким должен быть термин: мотивированным или немотивированным, а в иной плоскости: в чем преимущества и в чем недостатки мотивированного термина? что таит в себе фактор мотивированности? Попытаемся дать хотя бы частичный ответ.

Но прежде несколько слов о содержании двух взаимосвязанных терминов: *мотивированность* (слова, термина) и *внутренняя форма* (слова, термина). Как известно, слова мотивированные — это слова с внутренней формой, именно внутренняя форма предопределяет мотивированность слова и является средством ее реализации, материализации в слове.

Итак, что такое мотивированность слова? Под мотивированностью слова понимается структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать рациональность связи значения и звуковой оболочки слова на основе его лексической и структурной соотносительности. Так, рациональность связи значения ‹роща или лес, состоящий из одних берез› со звучанием *березник* осознается за счет соотносительно-

---

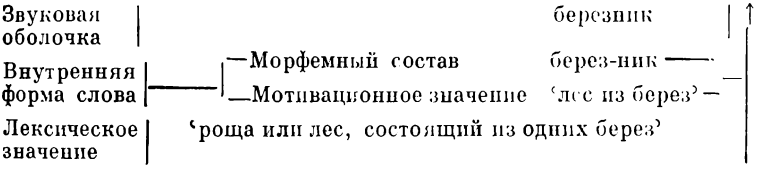
[3] См., например: *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961; *Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969; *Гречко В. А.* Каким должен быть термин? — В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1976; *Даниленко В. П.* Указ. соч.

[4] *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 63—64.

[5] См.: *Канделаки Т. Л.* Семантика и мотивированность терминов. М., 1977.

сти слова *березник* со словом *береза* (березник — лес из берез) — это результат соотносительности лексических единиц (лексической соотносительности), имеющих один и тот же корень, обеспечивающий их семантическую общность (сема ‘береза’); с другой стороны, связь названного значения со звучанием *березник* осознается посредством соотнесения его морфемной структуры *берез-ник* с одноструктурными образованиями типа *ельник, осинник, рябинник*, содержащими сему ‘лес, роща’, — это результат структурной соотносительности. Осознание связи значения и звучания осуществляется не только на базе корневых, но и аффиксальных морфем, что доказано не раз и экспериментально.

Исходя из изложенного понимания мотивированности, представляется целесообразным определить внутреннюю форму слова в отличие от его внешней формы (звуковой оболочки) как средство, способ реализации его мотивированности: лексической (результат мотивации однокорневой лексической единицей) и структурной (результат мотивации одноструктурным или одноструктурными образованиями) [6]. Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

Таким образом, внутренняя форма слова, как и само слово, характеризуется двуединством: единством морфемного состава и мотивационного значения слова. Мотивационное значение слова — значение, выраженное с помощью морфемного состава слова. Оно отличается от значения словообразовательного и грамматического тем, что является индивидуальным значением данного слова, как и значение лексическое. Вместе с тем оно отличается некоторой обобщенностью и расчлененностью от значения

[6] Подробнее см.: *Блинова О. И.* Фактор мотивированности и вариантность слова.—В кн.: Язык и общество, вып. 3. Саратов, 1974; *Она же.* Явление мотивированности слов в собственно лексикологическом аспекте.— В кн.: Вопросы сибирской диалектологии, вып. 2. Омск, 1976.

лексического, которое выражается звуковой оболочкой слова в целом и предопределяется соотнесенностью данного звучания с денотатом и другими словами языка. Если морфемный состав (материальное проявление внутренней формы) придает «форму» звуковой оболочке слова как совокупности звуков определенной последовательности, т. е. расчленяет ее на формально значимые отрезки, то мотивационное значение (идеальное проявление внутренней формы) как бы расчленяет лексическое значение слова, указывает на его семантические компоненты (родовую и видовую части, например) и этим отличается от него, не совпадая, как правило, с ним, что иллюстрируется таблицей.

Слово	Значение слова	
	лексическое	мотивационное
Голубика	Ягода кустарника гонобобеля	Ягода голубого цвета
Зимник	Дорога, по которой ездят только зимой	То, что связано с зимой

Итак, внутренняя форма — это морфосемантическая структура слова, включающая морфемный состав и выражаемое им мотивационное значение и обусловливающая рациональность связи его звуковой оболочки и лексического значения[7].

[7] Ср. толкование термина *внутренняя форма* слова, близкое к изложенному, у О. С. Ахмановой: «Семантическая структура слова, т. е. те его морфонологические свойства, которые символизируют связь данного звучания с данным значением...» (*Ахманова О. С.* Указ. соч., с. 81); у А. И. Федорова: «...внутреннюю форму можно определить как остаточный элемент значения производящего слова в производном, передающий представление о признаке, по которому назван предмет, и, таким образом, мотивирующий название предмета». И далее: «Принятое нами определение понятия внутренней формы слова, по-видимому, нельзя считать полным, так как в образовании семантики производного слова участвует не только значение производящей основы, но и суффикса или префикса, с семантикой которых связаны какие-то представления, мотивирующие название» (*Федоров А. И.* Семантическая основа образных средств языка. Новосибирск, 1969, с. 4, 48, сноска); у Д. Э. Розенталя и М. А. Телен-

В зависимости от степени мотивированности — полной, частичной или нулевой — выделяются следующие виды терминов в их отношении к мотивированности—немотивированности: термины мотивированные, обладающие и лексической и структурной мотивированностью (например, лексикология, языковедение, диалектология); термины полумотивированные, характеризующиеся или лексической, или структурной мотивированностью (например, деепричастие, ойконим, омоним и т. п.); термины немотивированные, обладающие нулевой мотивированностью (залог, падеж, жаргон).

В чем же состоит роль внутренней формы термина, которая воплощает его мотивированность?

1. Можно сказать, что внутренняя форма слова содержит указание на «...отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности (разрядка наша. — *О. Б.*)»[8]. Внутренняя форма термина и выполняет эту важную функцию: посредством называния мотивировочного признака представить научное понятие в его целостности. И в этом случае второстепенным, а не главным является характер мотивировочного признака: внешний ли он по отношению к обозначаемому предмету, случайный ли или существенный (первые два признака ставятся обычно «в вину» мотивированному термину). Выбор мотивировочного признака обозначаемого словом явления в силу идиоматичности слова (а термин наследует это свойство слова) носит нередко условный характер. Так, например, в ряду однородных терминов *аканье, оканье, яканье, иканье* и им подобных, обозначающих разные типы русского произношения, эта условность особенно наглядна; при однотипном мотивационном значении названных терминов (аканье ‹произношение /А/›, оканье ‹произношение /О/›, яканье ‹произношение /Я/› и т. д.) они обладают разным научным содержанием: если при аканье действительно звучит /А/ (или звук, близкий к /А/), то при оканье звучит в первом предударном слоге после твердых согласных не только

ковой: «Морфонологический состав основы, указывающий на мотивированную связь ее звучания с данным значением» (*Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. с. 58).

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29. с. 74.

/О/, но и /А/, а при яканье и вовсе звучит не /Я/, /А/ или постоянно, или при определенных условиях. Но добные примеры можно продолжить.

2. Внутренняя форма термина выполняет и другую важную функцию: называя мотивировочный признак выражаемого термином научного понятия, она способствует большей точности термина. Этим свойством внутренней формы объясняются нередкие в истории лингвистической науки факты замены одних, сходных по значению, терминов другими, ср. широко известные термины *демотивация, ремотивация, неомотивация, реинтерпретация*.

3. Внутренняя форма слова выполняет далеко не последнюю роль в систематизации терминологии и через ее посредство в систематизации выражаемых терминологией научных понятий. Это находит проявление как в названиях разделов науки о языке (лексикология, семасиология, ономасиология, этимология, фразеология, деривватология и т. п.), так и в названиях различных компонентов языковой структуры, языковых явлений и т. д. (синоним, антоним, пароним, омоним; суффикс, префикс, аффикс, интерфикс, постфикс; лексема, семема, морфема, фонема; архаизм, неологизм, варваризм, диалектизм, русизм, старославянизм; синонимия, антонимия, паронимия и т. д.).

Внутренняя форма способствует дифференциации терминов типа *топонимика* и *топонимия*, которые характеризуются двузначностью, обозначая раздел науки о языке и совокупность лексических и иных структурных единиц. Так, судя по публикациям, за термином *топонимика* закрепляется значение «раздел лексикологии, изучающий географические названия» (ср.: фонетика, грамматика, антропонимика, антонимика), за термином *топонимия* — «совокупность географических названий какой-либо местности» (ср.: синонимия, антонимия, омонимия и др.) [10].

4. Мотивированность терминов — один из важных факторов сохранения самобытного, национального харак-

---

[9] См., например: *Гак В. Г.* Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966; *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов.— РЯШШ, 1969, № 1; *W. Cieńkowski.* Teoria etymologii ludowej. Warszawa, 1972.

[10] См. работы А. В. Суперанской, Ю. А. Карпенко, Н. А. Воробьевой и других специалистов в области топонимики.

тера русской лингвистической терминологии. Самобытность русской терминологии во многом предопределяется связью с общеупотребительными, неспециальными словами языка. Эта связь проявляется как в общности корневых и аффиксальных морфем, составляющих слова и термины, так и в общности словообразовательных моделей, например: *база, основа, ветвь, взрыв, вопрос, время, глухой, гнездо, говор, голос, граница, дерево, долгий, живой, звонкий, имя, корень, лицо, безударный, бесприставочный, вставка, выдержка, выкидка, глухость, звонкость, долгота, двоеточие, двуязычие, благозвучие, звукоподражание, многозначность* и др. [11]

Если приток иноязычных терминов в состав лингвистической терминологии русского языка превысит число созданных или создаваемых терминов исконного происхождения (а это в большей части мотивированные слова), то в таком случае нас может ожидать мрачная перспектива, о которой предостерегает В. А. Гречко: «Геология и минералогия, например, располагают многими тысячами заимствованных терминов. И что же? Безоглядное заимствование иноязычных слов обрекло все грядущие поколения на изучение геологии как науки и как какого-то малознакомого языка» [12].

Что касается тех соображений, которые высказываются по поводу недостатков мотивированных терминов, то они представляются неосновательными. Так, считается, что внутренняя форма термина, называя мотивировочный признак выражаемого термином научного понятия, препятствует развитию научного понятия. С этим трудно согласиться. Если бы высказанное опасение соответствовало действительному положению вещей, то научный прогресс был бы приостановлен сдерживающим фактором языковых номинаций.

Считается, что «мотивированность номинации не всегда бывает надежным ориентиром для толкования значения термина» [13]. Но такая задача неносильна для мотивированной лексической единицы вообще, поскольку слова (и термины тоже) идиоматичны. Кроме того, «уже

---

[11] *Ахманова О. С.* Указ. соч.
[12] *Гречко В. А.* Указ. соч., с. 102.
[13] *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 64.

усвоенное, закрепленное в терминосистеме научное понятие не нуждается в постоянном раскрытии его содержания» [14].

Таким образом, внутренняя форма термина обладает важными функциями, которые необходимо учитывать исследователю. Особого внимания требуют к себе термины, возникшие на базе многозначных общеупотребительных слов. В процессе использования такого термина возникает ориентация на разные значения общеупотребительного слова, которые подвергаются терминологизации, и тогда в лучшем случае порождается многозначность термина, а в худшем — диффузия, расплывчатость его семантики, разное понимание одного и того же термина в исследовательской практике. Так, не всегда ясно в работах по диалектологии содержание термина *основа* (говора, или *диалектная основа*): термин понимается то как ‹база, исходный говор, на основе которого сложился вторичный говор› (ср. значение общеупотребительного слова *основа* — ‹то, что составляет ядро чего-л., является исходным материалом для образования, создания чего-л.›), то как ‹совокупность структурных элементов вторичного говора, являющихся определяющими с точки зрения диалектного членения языка› (ср.: *основа* ‹наиболее важная, наиболее существенная составная часть чего-л.›) [15].

Следует максимально использовать функциональную нагрузку внутренней формы слова-термина и бережно относиться к фактору его мотивированности, ибо удачно избранная при создании термина внутренняя форма может служить орудием познания и развития научного понятия (см. толкование в данной статье термина *внутренняя форма* слова, предложенного В. Гумбольдтом), в то время как внутренняя форма термина, неточно выражающая суть научного понятия, может отразиться на квалификации обозначаемого явления (примером тому может быть судьба термина *словообразовательный вариант* слова, вызвавшего дискуссию по поводу квалификации однокорневых образований с идентичным значением типа *волчиха* и *волчица*; при создании названного термина мо-

---

[14] *Гречко В. А.* Указ. соч., с. 104.

[15] Более подробный анализ термина *диалектная основа* дан в статье: *Блинова О. И.* О диалектной основе говоров Среднего Приобья (К вопросу об одном лингвистическом термине). — В кн.: Вопросы сибирской диалектологии, вып. 1. Омск, 1975.

тивировочный признак — «служащий для образования слов» — одного уровня (морфемы) был приписан другому уровню (лексемы), в итоге вследствие внутренней противоречивости термина этот вопрос решался не на основе изучения соответственных лексических единиц, а на основе анализа самого термина *словообразовательный вариант*. Более точным для обозначения единиц такого рода представляется термин *лексико-морфологический вариант* слова, который отражает природу возникновения этих вариантов: лексикализация морфем на основе происшедшего процесса десемантизации соответственных морфем — десемантизации коннотативной и функциональной.

В целях упорядочения терминологии с точки зрения мотивированности—немотивированности термина необходимы исследования принципов и признаков номинации тех или иных терминологических групп лексики.

ЗНАЧЕНИЕ И ОТТЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ В ТЕРМИНЕ

А. А. Брагина

Чем отличается термин от обычного слова? Г. О. Винокур в известной статье, посвященной терминологии, как бы суммируя предшествующие истолкования, выделяет в семантике термина: 1) специализированность его значения, точность его семасиологических границ, 2) его интеллектуальную чистоту, т. е. его отрешенность от образных и эмоциональных переживаний [1]. В этом плане семантической оценки термина приведем еще одно определение: «Термин — это слово со строго определенным значением... Термин стремится к однозначности (моносемии)» [2]. А в более ранней публикации этого же автора найдем и такое четко сформулированное дополнение: «Термин отличается от слов не только своим тяго-

[1] *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Труды МИФЛИ, филолог. ф-т, М., 1939, т. 5, с. 3.

[2] *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. М., 1958, с. 23.

тением к однозначности. Термин лишен также эмоциональной окраски»[3]. И тот и другой ученый отмечают в семантике термина не только его стремление к однозначности, но и его интеллектуальную чистоту, эмоциональную нейтральность.

Становясь термином, слово «отряхивает» и прежние коннотативные, фоновые оттенки значения. И, таким образом «очистившись», входит в особую систему языковых знаков, создаваемую человеком для дифференциации явлений науки, техники, искусства. Тем самым можно заключить, что термин — однозначное, экспрессивно и коннотативно нейтральное слово.

Однако такие идеальные термины трудно изолировать от окружающей языковой стихии[4]. И однозначность, и специализированность, и эмоциональная нейтральность терминов в значительной степени относительны. Таким однозначным и нейтральным термин мыслится, скорее, в теории; в живом же функционировании термин то обнаруживает старые (этимологические), то развивает новые (социальные, эмоциональные) оттенки.

В терминах, может быть, как ни в одной другой лексико-семантической системе наблюдается тенденция регулярности, узуальности (без окказиональных отклонений). Но это направляемое деятельностью человека стремление к регулярности терминов перебивается объективно складывающимся стремлением к экспрессивности[5]. Регулярный — однозначный, лишенный каких бы то ни было нюансов — термин в процессе функционирования отклоняется от «чистого образца». Ср. толкования терминов *революция, класс, идеология, материя* в разных социально-идеологических системах[6]. Здесь развивается своеобразная энантиосемия термина, антонимические

---

[3] *Будагов Р. А.* Слово и его значение. Л., 1947, с. 24.

[4] *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 6.

[5] Здесь принимается и развивается применительно к терминам противопоставление тенденций «регулярность — экспрессивность». См.: *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. Автореф. докт. дис. М., 1969, с. 24.

[6] См. об этом: *Будагов Р. А.* Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. Л., 1940; *Шор Е. И.* К истории французской общественно-политической лексики. Автореф. канд. дис. М., 1954; *Сахарова Л. В.* Немецкая общественно-политическая лексика эпохи революции 1848—1849 гг. Автореф. канд. дис. М., 1976; *Соколова Т. Г.* Терминология марксистско-ленинской философии на английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1976.

противопоставления благодаря различному осмыслению понятийного содержания, возникают противоположные (позитивные — негативные) эмоционально-оценочные оттенки. Основным признаком «идеологизированных» терминов уже называется либо их полисемантичность, либо их полиэмоциональность (позитивная или негативная окраска) в зависимости от мировоззренческих, социальных условий функционирования [7].

Особенно ярко, разумеется, семантические сдвиги и эмоционально-оценочные оттенки проявляются в общественно-политической терминологии. Это особая терминология, обусловленная самой историей и жизнью общества. Мы же постараемся проследить оттенки значения в терминах, принадлежащих науке и в известной мере искусству, казалось бы наименее зависимых от социальных и национально-локальных условий.

Терминологизируемые слова, как бы они ни порывали свои связи с общеязыковой системой, входя в особую систему терминов, сохраняют все же возможность в о с с т а н о в л е н и я былых оттенков значения и способность к новым семантическим движениям. Термин подспудно хранит свою внутреннюю форму, связь с обозначаемым предметом остается условной. Стоит такому термину раскрыть в речевом обороте свой механизм образования, свою мотивированность, как возникают аналогии, ассоциативно-синонимические и антонимические связи. В любой благоприятный момент в термине могут ожить и «бить через край» жесткой однозначности «неуместимые» в ней оттенки прежних и новых осмыслений [8]. Семантике терминов известны и синонимизация, и так называемый обратный семантический ход (ср.: *иметь свою орбиту* от первоначального *орбита* ‹путь, дорога, колея›), и способность к стилистическому «зажиганию» (*включился в электросеть* и *в беседу, лекцию, урок — включился* ‹стал слушать›) [9].

---

[7] *Крючкова Т. Б.* Язык и идеология (К вопросу об отражении идеологии в языке). Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 18.

[8] Ср. положение о «повышении значения одних и тех же слов»: *Гумбольдт В.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода (рус. перевод). СПб., 1859, с. 194—195.

[9] См. об этом: *Реформатский А. А.* Лингвистические вопросы перевода.— ИЯШ, 1952, № 6, с. 20; *Он же.* О некоторых вопросах терминологии.— Сб. докл. и сообщ. лингвист. об-ва, IV. Калинин. 1974, с. 154.

Вот пример «обратного хода» и стилистического «зажигания» в семантике терминологизированных слов *включаться — отключаться*: Коваль давно пихал меня в бок. *Я включился.* Все говорят по-иностранному, только Коваль в ухо по-русски...; *Я отключился*: будто телевизор смотрю, а звука нет. У Тонины спокойное лицо. Она слушает, а вот уже отвечает с ласковой полуулыбкой... (Е. Матвеева, Черновой вариант. — Юность, 1978, № 1, с. 43, 60).

Терминологизация обычных слов и последующий их выход в общенародный язык представляет все же не столько обратный ход, сколько движение по спирали, каждый виток которого дает приращение смысла, ср.: *Я отключился*: будто телевизор смотрю, а звука нет... Специализированное слово, слово-термин, как видим, выходя в общеречевой оборот, опирается на определенную ситуацию, определенный «специальный образ» [10].

Особенно интересно отметить такое стилистическое «зажигание» в термине со скрытой этимологией, т. е. в слове, значение которого в русском языке определяется терминологической системой. Например, медицинские термины *коррегировать* и *коррелировать*, происходящие от латинских слов corregio ‹размежевание› и correlatio ‹взаимная связь, соотношение предметов и понятий›: Игорь (хирург по профессии. — *А. Б.*) еще советовал... не спорить, а *коррегировать* в рамках порядочности и честности... — думай лишь о собственной встрече с совестью. *Коррегируй* и *коррелируй*, — говорил он, — все эти положения, понятия и необходимости... (Ю. Крелин, На что жалуетесь, доктор? — Новый мир, 1979, № 1).

Термин, специальное слово, не теряя стилевой маркированности, преодолевает стилевое же ограничение и выходит в сферу разговорной речи. Слова специальные функционируют как слова обычные. Термины, созданные для обозначения какого-либо одного явления или одной реалии, как бы выходят из повиновения своего творца, покидают четко ограниченную «специальную территорию» функционирования, приобретая переносные употребления и расширяя свое значение новыми оттенками — сравнительными, метафорическими, например: Доктор

[10] См. об этом подробнее: *Брагина А. А.* Синонимы и термины.— РЯШ. 1976. № 6.

Кох из Лейпцига (кстати, автор термина *акселерация*) считает, что солнце, действуя возбуждающе на организм, вызывает ускорение роста... (Неделя, 1972, № 9, с. 10). Слово *акселерация* (от латинского acceleraге ‹ускорять›) уже русифицировалось вместе с производными *акселерант — акселерантка*. Оно настолько семантически усвоено, что приобрело возможности метафорических употреблений: Все... глубоко убеждены в том, что такая неожиданная «*акселерация*» в детской одежде приводит к самым неприятным последствиям... дети выбиваются из своей детской колеи... (Сов. культура, 1971, 14 янв., с. 3).

Но если полиэмоциональность, метафоричность научного термина связаны все же с расширением сферы его функционирования, выходом за границы специальной области знаний, то полисемантичность в термине может возникнуть в самой специальной сфере обращения как результат разного понимания явления, как результат понятийной дифференциации.

Возьмем два термина: *конструктивизм* и сравнительно недавно появившийся *дизайн*. Оба термина оказываются не такими обособленными друг от друга, как это представляется с первого взгляда.

В 1922 г. в одном из своих очерков В. В. Маяковский писал: «Впервые не из Франции, а из России прилетело новое слово — *конструктивизм*... Не *конструктивизм* художников, которые из хороших и нужных проволок и жести делают ненужные сооружения. *Конструктивизм*, понимающий формальную работу художника только как инженерию, нужную для оформления всей нашей практической жизни» [11]. А несколько позже (в 1923 г.) В. В. Маяковский еще резче показал полисемантичность термина *конструктивизм*: «Конструктивизм только искусства — ноль... *Конструктивизм* должен стать высшей формальной инженерией всей жизни» [12].

В 60-х годах распространяется английский термин *дизайн* (design ‹замысел, проект, узор›), хотя само явление технической эстетики уходит в глубь веков, а на современном этапе довольно четко выделяется с конца первой трети нашего века. В русском языке термин *дизайн* появляется с 1962 г. В 1964 г. на особом симпозиуме

[11] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. 4. М., 1957, с. 212.
[12] Там же, т. 12. М., 1959, с. 49.

в Бельгии *дизайн* был детерминирован: примирение искусства и техники «в творческой деятельности, целью которой является определение формальных качеств промышленных изделий»[13]. *Дизайн* — «это не только окраска стен или станков в тот или иной цвет. Это — полноправное участие художника на всех этапах проектирования завода и детского велосипеда, термоса и самолета...» (Правда, 1977, 2 дек., с. 6). В русском языке английскому специальному слову *дизайн* соответствуют два термина-эквивалента: *художественное конструирование* ‹деятельность дизайнера› и *техническая эстетика* ‹наука о самой деятельности дизайнера›. Тем самым термин *дизайн* полисемантичен, расщеплен и проявляет то или другое свое значение в зависимости от контекста.

Если вспомнить термин *конструктивизм*, осмысление которого было зафиксировано в свое время В. В. Маяковским, то можно даже говорить не только о развитии полисемии в термине, но и об энантиосемии — антонимическом противопоставлении развивающихся значений. Ср. у В. В. Маяковского: *конструктивизм* ‹искусство› — ноль, *конструктивизм* ‹инженерия› — оформление всей нашей практической жизни, высшая формальная инженерия всей нашей жизни. В настоящее время термин *конструктивизм* в этом последнем осмыслении можно назвать архаизмом, замененным живым синонимом *дизайн*.

Термин, созданный для одной определенной цели, функционирует в естественном языке и приобретает все признаки слова развитого языка: эмоциональность и многозначность (до энантиосемичных расхождений).

Если мы обратимся к коннотативным оттенкам значения в термине, то обнаружим их своеобразную цепкость. Очень часто именно они составляют самую суть термина, окрашивают всю его семантику. Один из новых химических элементов, открытых группой американских ученых, был назван *менделевий* в честь русского ученого Д. И. Менделеева, создателя «Периодической системы элементов» (Правда, 1973, 9 авг.). Новые элементы, полученные в 70-х годах советскими учеными в Дубне, были названы *курчатовий* и *нильсборий* в честь русского

---

[13] См. об этом: *Цыганкова Э. Г.* У истоков дизайна (Машины и стили). М., 1977; об указ. кн.: *Драйзер Н.* [Коротко о книгах].— Новый мир, 1979, № 1; *Паперный Г.* Как я был дизайнером.— Юность, 1978, № 1.

ученого И. В. Курчатова и датского ученого Нильса Бора.

Еще один пример. Широко известно ныне имя советского ученого акад. А. И. Опарина. Теория Опарина о происхождении жизни на Земле общепризнанна. И вот японские ученые называют именем советского ученого Опарина новое углеродистое соединение, обнаруженное в космосе (Комс. правда, 1978, 18 янв.). Так имена, составляющие национальную гордость того или иного народа, становятся интернациональным достоянием. Само же создание подобных терминов поддерживает тенденцию языковой интернационализации, закрепляет контакты между учеными мира и одновременно опирается на национальный страноведческий фон. Забвение в термине этимологического содержания лишает его сути, ради которой он был образован: увековечение имени ученого. Собственное же имя как словообразовательная основа термина содержит определенные коннотативные оттенки. Так интернациональный термин несет в своей семантике национальные коннотации [14].

Определенные коннотативные оттенки в значении термина могут быть заключены в самой его структурной, словообразовательной модели, ср.: *лавсан — летилан — камелан — мэлан — аман...* Это — аббревиатуры: *лавсан* — *Ла*боратория *в*ысокомолекулярных *с*оединений Академии наук СССР, *летилан* — *Ле*нинградский *т*екстильный *и*нститут и *Л*атвийская *А*кадемия *н*аук и т. д. Окончание *-ан* приобретает значение суффикса в наименованиях синтетических веществ, волокон, тканей отечественного производства. Эти наименования противостоят уже интернационализировавшейся словообразовательной модели на *-он* из английского (США) nylon (*найлон — нейлон*), ср.: франц. crepon (*крепон*), нем. (ГДР — DDR) dederon (*дедерон*) и т. п. [15]

Сама структура и звучание (или написание) слова в определенном плане могут быть достаточно информатив-

[14] См. толкование проблемы национального в границах интернационального: *Акуленко В. В.* Співвідношення національного та інтернаціонального у мові.— Мовознавство. 1976. № 1; *Зверев А. Д.* Про власні та загальні імена.— Там же, с. 37; *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Национальный компонент семантики терминологической лексики и лингвострановедение.— Рус. язык за рубежом, 1977, № 6.

[15] См. об этом подробнее: *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., «Просвещение», 1973, с. 180 и след.

ными. Вот один лексикографический пример. Французский словарь Л. Гильбера (L. Guilbert) «Le vocabulaire de l'astronautique» (Paris, 1967) посвящен специальной «астронавтической» лексике. С помощью этого словаря можно проследить формирование и распространение астронавтической терминологии с момента ее зарождения — с 1912 г. Автор словаря особо выделяет 1957 г. — год запуска первого спутника — «lancement du premier spoutnik en 1957». Как видим, во французском тексте нет прямого указания на то, где и кем был запущен спутник. Эта информация дается самим транслитерированным русским словом spoutnik ‹спутник›.

Интересно и влияние экстралингвистического, фонового, социального плана на построение этого словаря. Л. Гильбер намечает пять лексических групп, связанных с именами советских и американских космонавтов. Он выделяет: 1) пребывание первого человека в космосе — Ю. Гагарина, 2) полет Джона Глена, 3) первый групповой полет — двух советских космонавтов А. Николаева и П. Поповича, 4) полет Гордона Купера и 5) групповой полет В. Быковского и первой женщины-космонавта В. Терешковой. По наблюдениям автора словаря, «космические» термины, входившие в газетные информации, в широкую печать, связывались в первую очередь с советскими космонавтами и с русским языком.

Л. Гильбер обращает внимание на важный языковой факт: в «астронавтическом» языковом обороте во французском языке закрепились два определения — cosmique ‹космический› и spatial ‹пространственный — космический›. Эти два определения как бы ведут две линии в астронавтической — космической терминологии: cosmique — это значит ‹советский›, а spatial — ‹американский›. Греческое по происхождению слово *космос* вместе со своими производными в астронавтической терминологии во французском языке стало восприниматься как русизм-советизм [16].

Ряд советских космических терминов продолжает расти. Январь 1978 г. отмечен такими языковыми вехами: *пилотируемый орбитальный комплекс «Салют-6» — «Союз-26» — «Союз-27» — пилотируемый научно-исследовательский комплекс — космический комплекс.* В за-

[16] Подробнее см.: *Брагина А. А.* Русское слово в языках мира. М., 1978, с. 12—35.

рубежной печати возникают эквивалентные соответствия — прямые заимствования или кальки с русского, ср.: Der Komplex Saljut-6 — Sojus-26 Sojus-27 (Volks Stimme, 1978, 13 Jänner); the Saljut-6 orbiting laboratory stations; amanned scientific research complex (Morning Star, 1978, January 12); совјетски орбитални научно-истражнеачки комплекс (Борба, 1978, 17 јануар); нов космически комплекс (Работническо дело, 1978, 24 януари).

Заметим, что, подобно первоначально этимологически чужому для русского языка слову *космос*, этимологические латинизмы *комплекс, салют* воспринимаются как советизмы в контексте этих космических сочетаний, ср.: во французском языке транслитерированное русское слово *салют* — saliout (la station Saliout-6, la station orbitale Saliout) и соответствующее французское слово salut ‹салют›. Их написание различно. Тем самым подчеркнуто новое, «космическое» осмысление слова *салют* как номенклатурного знака, собственного имени особого космического советского корабля — Saliout.

20 января 1978 г. в Советском Союзе был произведен запуск *автоматического грузового транспортного корабля «Прогресс-1»*. Помимо новой серии терминов-калек для наименования транспортного корабля новое событие сопровождают (как это обычно бывает) эмоциональные — сравнительно-метафоричные — имена. В них примечательно отражаются возможности и эквивалентных и национально-своеобразных сравнений. В нашей литературе со времен К. Э. Циолковского (1929) известны сочетания типа *космические ракетные поезда*. И вот это же сравнение получает реальный советский космический комплекс, например, во французской печати: train spatial Saliout-6 — Soyouz-27 (l'Humanité, 1978, 21 janvier). Сравнение это приобретает уточнения, когда был запущен автоматический грузовой транспортный корабль: the automatic cargo express ‹автоматический грузовой экспресс› (Morning Star, 1978, January 12). Такие сравнения как бы опираются на язык-источник и воспринимаются в одном плане с эквивалентными наименованиями-кальками. Но вот в той же газете «Morning Star» (1978, February 1) наименование *беспилотный автоматический транспортный космический корабль* (unmanned automatic transport spaceship) заменяется метафорой *computer* ‹компьютер›. Однако метафорические замены могут быть связаны с потерей определенных фоновых оттенков зна-

чения. Метафора *компьютер* создает словесный образ, чуждый русскому языку в данной ситуации: *компьютер* в русском языке входит во вполне определенный синонимический ряд *компьютер, ЭВМ, электронно-вычислительная машина* и не имеет расширительного значения, ср.: Репортаж с завода *ЭВМ. Компьютер* в школьном ранце. И далее в тексте синонимический ряд уточняется: *ЭВМ — компьютер — школьный калькулятор.* «Можно ли школьнику дать в руки хоть и простейший, но *компьютер*? Не упростит ли, не сузит ли он творческое развитие ученика... *Школьный калькулятор* ничего не решает. Он только считает... с цифрами *компьютер* управится быстрее и точней» (Правда, 1979, 17 февр., с. 6). Замена *автоматический космический корабль — компьютер* смещает явление в мир привычных для английского языка образов. Аналогичная замена словом *экспресс* или замена *космический комплекс — космический поезд* находится в привычном русле словесных образов, бытующих в русском языке. Так обнаруживаются смысловые и коннотативные оттенки в значении слова, оберегаемые узусом каждого языкового коллектива.

Терминология, бесспорно, составляет особый лексический пласт, семантика которого определена всякий раз особой наукой, а коммуникативные возможности — знанием этой науки, например: ...чтобы найти реальную поддержку, надо объяснить какой-нибудь высокой инстанции сущность дела. Но где я найду инстанцию, которая оценит наш *метод использования реверсии при воздействии мутагенов для определения динамики репликации вирусной РНК?* (В. Каверин, Двухчасовая прогулка.— Новый мир, 1978, № 11, с. 99).

И все же система терминов, создаваемая человеком, всегда связана с естественным языком, вдвинута в естественный язык, строится и функционирует по законам естественного языка. Определенная доля семантической и эмоционально-коннотативной подвижности отличает ее от замкнутых кодов — искусственных знаковых систем. Общественные функции языка не могут быть «чем-то внешним относительно его структуры, системных связей, закономерностей его развития»[17]. Чем чаще термин переходит границу специальной замкнутости, тем шире его

---

[17] *Филин Ф. П.* К проблеме социальной обусловленности языка.— ВЯ, 1966, № 4, с. 39.

общеязыковые системные связи. Но и в самом термине, как мы стремились показать, отражается связь «язык — общество». Вот почему моносемантичность термина, его интеллектуальная чистота, безэмоциональность — это желаемые черты термина. В специальной речи они охраняются стремлением к регулярности, стандарту наименований, а в общеречевом потоке разрушаются стремлением к эмоциональности, выразительности, открытой мотивированности слова (ср.: *менделевий, корригировать, дизайн, конструктивизм, космический, комплекс, компьютер* в их живом осмыслении). Отражение социально-исторических, коннотативных оттенков в значениях терминов оказывается важным и весьма существенным для терминологических словарей. Пример тому — словарь космических терминов Л. Гильбера.

СУБСТИТУЦИЯ ТЕРМИНОВ В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В. Г. Гак, В. М. Лейчик

Проблема вариантности выражения является одной из важнейших проблем в изучении литературных языков. Богатство вариантов способов выражения — один из признаков развитого литературного языка. Анализу вариантности посвящена обширная литература. При этом раздельно рассматриваются варианты грамматические, в том числе морфологические и синтаксические, варианты фонологические, лексические и фразеологические.

Что касается лексикологических аспектов этой проблемы, то с определенной точки зрения синонимия может считаться проявлением вариантности. Один из современных методов изучения синонимов, компонентный анализ, позволяет рассматривать члены синонимического ряда как лексические единицы со сходным значением, различающиеся одним-двумя элементарными смыслами — семами [1]. Компонентный анализ ставит изучение лексической вариантности на объективную почву — он дает в

[1] См.: *Степанова М. Д.* Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, с. 139—146.

руки исследователя критерии определения меры близости и расстояния между синонимами.

Компонентный анализ успешно применяется и для исследования терминов. Правда, при изучении терминов следует иметь в виду их специфику как лексических единиц, специфику, которая налагает определенные ограничения на пределы вариантности выражения. Эти ограничения сводятся к двум основным моментам.

Во-первых, как показал ряд современных исследований, термины существуют как термины только в пределах данной терминосистемы [2]. Из всех возможных лексических вариантов сознательно выбирается один (реже два-три), который на основе своей адекватности соответствующему значению — понятию в системе понятий — и становится постоянным средством выражения. Допустимые в этом случае варианты являются дублетами (*лингвистика — языкознание*) или лексическими и морфологическими вариантами (*языкознание — языковедение*; *плавка — плавление*).

Во-вторых, ограничение в применении вариантов в сфере терминов по сравнению с нетерминологической лексикой состоит в том, что в случае обозначения одного и того же объекта средствами различных терминосистем (*лавсан* — терминосистема химии, *полиэтилентерефталат* — терминосистема техники, *терепласт* — терминосистема товаров народного потребления) [3] нельзя говорить о синонимии этих терминов: они не взаимозаменяемы в рамках одной терминосистемы и не различаются как синонимы-нетермины своими элементарными смыслами-семами и т. д. В этих условиях представляется целесообразным применить аналогию с переводом с одного языка на другой и назвать эти единицы эквивалентами (ср. франц. *курсель*, япон. *кашмилон*, рус. *лавсан* и др.). О них можно говорить как о синонимах лишь с точки зрения системы языка в целом.

Таким образом, лексическая вариантность выражения в сфере терминов существенно отличается от синонимии в области нетерминологической лексики.

---

[2] См.: Научный симпозиум «Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики» (Материалы симпозиума — рефераты и аннотации), ч. 1, 2. М., Изд-во МГУ, 1971.

[3] Другая точка зрения изложена в заметке: *Веселов П. В.* Оправданный случай синонимии в терминологии.— Рус. речь, 1969, № 5 (там же приведен этот пример).

Итак, при рассмотрении проблемы вариантности терминов в аспекте парадигматики [4] выявляются следующие типы варьирования: в рамках одной терминосистемы — дублеты и морфолого-лексические варианты, в рамках двух и более терминосистем — эквиваленты. Кроме того, в арсенал средств выражения понятий, фиксируемых терминами, входят разного рода нерекомендуемые термины (профессионализмы, жаргонизмы) и перифразы, о которых будет сказано ниже.

Рассмотрим теперь вариантность средств выражения понятия в синтагматическом аспекте. В пределах связных текстов варьирование способов обозначения по необходимости должно быть рассмотрено как проблема субституции, замещения термина различными другими языковыми единицами. При анализе субституции терминов следует рассмотреть отдельно формы замещения и факторы, влияющие на замещение.

ЯЗЫКОВЫЕ ФОРМЫ СУБСТИТУЦИИ

Субституция может быть морфологической, семантической и денотативной (ситуативной).

Морфологическая субституция касается внешней формы термина. Она может выражаться в изменении функционального класса обозначения (замена частей речи), например в зависимой синтаксической позиции существительное в косвенном падеже может быть заменено прилагательным (*явления диффузии — диффузионные явления*), в использовании сокращений (*высшее учебное заведение — вуз*), различного вида компрессий (*социалистическое соревнование — соцсоревнование*) и т. п.

Семантическая субституция основывается на определенного рода отношениях между понятиями, обозначаемыми основным термином, и его субститутом. Отмечается пять отношений между понятиями в логике, каждое из которых дает субституцию определенного типа [5].

---

[4] О терминологической вариантности в парадигматическом аспекте см. подробнее в кн.: *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., «Наука», 1977, с. 73—79.

[5] См. подробнее: *Гак В. Г.* Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания.— В кн.: Семантическая структура слова. М., 1971, с. 83—85.

Отношение равнозначности понятий дает возможность использовать дублеты и эквиваленты терминов (*синюха — цианоз, языкознание — лингвистика*). В данном случае субститут термина и вне данного контекста обозначает то же понятие, имеет тот же объем значения, что и в тексте. Субституты, основанные на равнозначности понятий, могут представлять собой перекомендуемые термины и перифразы.

Отношение включения позволяет использовать термин более широкого объема для обозначения объекта, для наименования которого существует и используется термин более узкого объема (*кошка — животное*). К расширенным номинациям восходит, по сути дела, и местоименная репрезентация, которую, однако, ввиду ее грамматической регулярности в языке можно отнести к морфологическим субститутам. Особый случай представляет собой использование одночленного усеченного термина вместо двучленного (*описание изобретения — описание*). Первоначально это замещение представляло собой переход от более узкого к более широкому термину (расширение, связанное с опущением ограничивающего определения). Однако если в данной терминосистеме и вне контекста усеченное обозначение воспринимается как синоним многочленного (*сопротивление* и *электрическое сопротивление* в электротехнике), то такое усечение следует относить не к расширению, а к синонимической замене. Так, в частности, двучленный термин А+В в качестве субститута может иметь один из компонентов словосочетания А или В, который в морфологически измененной или прямой форме может выступать как семантический заместитель двучленного термина, например: «*Комсомольская* (А) *правда*» (В) $\longrightarrow$ «*Комсомолка*» ($А_1$); *Придаточное* (А) *предложение* (В) $\longrightarrow$ *предложение* ($В_1$). Если при морфологическом изменении ($А_1$) создается новый вариант термина с тем же самым значением[6], то при отсутствии морфологического изменения ($В_1$) происходит семантический сдвиг (сужение). Однако в основе этой субституции лежит использование широкого обозначения вместо узкого.

---

[6] На материале английского языка см.: *Мороховская Э. Я.* К проблеме лексико-семантического варьирования термина.— В кн.: Научный симпозиум «Семиотические проблемы...», ч. 2, с. 483—484.

Отношение пересечения лежит в основе различных метонимических, а иногда (гораздо реже) и метафорических замен. Прочие отношения (отношения контрадикторности и исключения или смежности) не играют значительной роли в формировании терминологических субститутов.

Однако формальные и логические отношения не исчерпывают всех возможностей терминологической субституции. Каждое явление или объект обладают множеством различных сторон, ввиду чего они могут быть, на основании выделения разных сторон, подведены под разные понятия и, следовательно, получить различные терминологические обозначения. Такие обозначения связаны друг с другом не потому, что они структурно преобразуются одно в другое и что обозначаемые ими понятия связаны между собой, но потому, что они соотносятся с одним и тем же объектом, с одним и тем же денотатом. Такие обозначения можно назвать разноаспектными, ибо они отражают различные аспекты одной и той же реальности. Вне связи с данной реальностью они несоотносимы друг с другом и парадигматически не являются равнозначными. Этот вид субституции терминов можно назвать денотативной субституцией.

Подводя итог общему рассмотрению форм субституции терминов в парадигмах и в текстах, можно сказать, что с точки зрения парадигматики синонимические морфологические обозначения занимают одно и то же место в одном и том же парадигматическом ряду. Семантические субституты занимают разные места внутри одного парадигматического ряда. Разноаспектные (денотативные) номинации принадлежат к разным парадигматическим рядам. В синтагматике все три типа различных обозначений выступают как контекстуальные субституты.

ФАКТОРЫ СУБСТИТУЦИИ

Важнейшими факторами, влияющими на субституцию терминов, являются: 1) стилевая принадлежность текста; 2) структурные особенности текста; 3) общие стилистические особенности данного национального языка.

1. Термины используются как термины по крайней мере в трех стилях: в собственно научном (жанры статьи, монографии и др.), в научно-популярном (жан-

ры статьи, брошюры и др.) и в публицистическом (жанры газетного очерка и статьи в производственно-массовом журнале) [7].

На основе строгих правил изложения в рамках научного стиля русского языка запрещается в пределах одного текста заменять термин нетерминологическим вариантом и не рекомендуется заменять термин его дублетом, входящим в ту же терминосистему. Первое употребление термина в тексте, как правило, сопровождается определением понятия. Во избежание монотонности прибегают к двум основным сокращенным вариантам термина: а) аббревиатурам разного рода (слоговые, буквенные, смешанные: *колхоз, облпотребсоюз, магнитогидродинамический генератор — МГД-генератор, коэффициент полезного действия — к. п. д.*) и б) терминам с устраненными малоинформативными элементами: *ударно-вращательная сверлильная ручная машина — электросверлильная машина, грампластинка — пластинка.*

Правда, это только самое общее правило. Ниже будут выявлены принципы и условия применения субститутов термина. Кроме того, упомянутое строгое правило действует не во всех литературных языках, и приводимое ниже сравнение с французскими текстами покажет, что в научном стиле французского языка наблюдается широкое использование терминологических дублетов. Что касается научно-популярного и публицистического стилей, то здесь положение совершенно иное.

В научно-популярном тексте наряду с термином допускается применение его дублетов, если они имеются (*офтальмолог — окулист*), а также нетерминологических эквивалентов, т. е. лексических единиц, не входящих в терминосистему и вообще не признанных лексическими элементами научного стиля (ср.: *глазной врач*). Эти варианты могут быть названы стилистическими синонимами терминов, рассматриваемых как лексические единицы в общелексикологическом плане. Такими стилистическими синонимами могут быть и элементы неспециальной лексики (термин *пневмония* — неспециальное обозначение *воспаления легких*), и профессионализмы, и даже жаргонизмы (*ручная электрическая сверлильная*

[7] Интересная попытка разработки классификации текстов, относящихся к научно-техническому стилю, сделана в кн.: *Митрофанова О. Д.* Язык научно-технической литературы. М., Изд-во МГУ, 1973, с. 20—23, 181.

машина — электросверлилка, свисты — кратковременные сигналы в плазме с быстро изменяющейся частотой).

В произведениях публицистического стиля для устранения монотонности термин многократно замещается: родовым термином, эквивалентом из другой терминосистемы (ведь строгость изложения здесь необязательна), нетерминологическими вариантами — стилистическими синонимами термина. Пример газетного очерка: К серийному производству «Кванта» — *бытового счетчика времени* — приступило объединение «Микроприбор». «Квант» создан на полупроводниках. Подсветка циферблата позволяет пользоваться *электронным прибором* в ночное время. *Часы* одинаково удобно вписываются в интерьер гостиной, спальни, кухни. Их можно включать в сеть как с переменным током, так и с постоянным. Поэтому «Квант» можно разместить и в салоне автомобиля. Механизм снабжен противоударным устройством. Вибрация, тряска не влияют на точность показаний *прибора* (В. Василец, Считает «Квант». — Правда, 1978, 15 мая, с. 6). Здесь единственное терминологическое обозначение — *бытовой счетчик времени*. При остальных обозначениях — повторных номинациях — используются различные замены.

В качестве субститута термина может использоваться перифраза. При этом термин и вовсе может быть заменен этой перифрастической конструкцией. Вот характерный пример: ...одновременно с записями цифр из блока вывода информации выходит *узкая ленточка бумаги, испещренная множеством отверстий* (В. Широков, Атом учится работать. Московский репортаж. — Правда, 1972, 29 янв., с. 6). Термин *перфорированная лента* (*перфолента*), который замещен перифразой, вообще в тексте не приведен [8].

2. Второй фактор, влияющий на использование субститутов термина, — это структура текста. Некоторые моменты, связанные со структурой текста, способствуют или препятствуют субституции. Так, начало всякого самостоятельного отрезка текста (от крупного подразделения — главы или параграфа до наименьшего — абзаца)

---

[8] О субституции терминов в рефератах см.: *Лихтенштейн Е. С., Михайлов А. И.* Редактирование научной, технической литературы и информации. М., 1974, с. 272.

препятствует субституции. Употребление прямого терминологического обозначения может считаться структурным признаком абзаца. Внутри абзаца субституция отмечается значительно чаще, чем в начале его. Углубленный анализ текста позволит, несомненно, выявить и иные факторы субституции, связанные с членением текста. Например, если прямое обозначение представлено в заглавии, то текст может начинаться с субститута [9].

3. Третий фактор, который влияет на замещение терминов в синтагматическом аспекте, — это специфика создания текстов на том или ином языке. Всякий язык характеризуется особым образом использования субституции терминологической как в качественном, так и в количественном отношении. В одном языке субституция используется чаще, чем в другом. Различаются по языкам и формы субституции. Так, в одних языках охотнее прибегают к формальной или семантической компрессии, в других — к использованию расширительных терминов или переносных обозначений, связанных с основным обозначением отношения включения или пересечения. По-разному допускают языки использование дублетов, эквивалентов, стилистических синонимов терминов.

Для примера рассмотрим статью Э. Бенвениста «Уровни лингвистического анализа» в оригинале и в переводе на русский язык [10]. Первый абзац начинается с термина *notion du niveau* (*понятие уровня*), последующие — с термина *niveau (уровень)*. Внутри абзаца термин уступает место субститутам, причем во французском тексте субституция имеет место в восьми случаях повторных номинаций. В русском тексте во всех восьми случаях используются сокращенные или расширенные формы того же термина (*понятие уровня — это понятие — уровень — уровень предложения — этот уровень*). Во французском языке используются в семи случаях местоименные замены (личные местоимения — указательный

---

[9] Субституция термина как элемент редактирования рассмотрена в статье: *Кабанцев Г. Г., Лейчик В. М., Резниченко Л. А.* Проблемы терминологического редактирования документальных источников информации.— Научно-техническая информация, сер. I, 1978, № 5, с. 16—22.

[10] *Benveniste E.* Les niveaux de l'analyse linguistique.— In: Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966; *Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 4. М., 1965.

субститут *celui*), в одном случае — метонимическая замена (avec la phrase вместо avec le niveau de la phrase). О том, что эти расхождения не носят случайного характера, свидетельствует тот факт, что и другой термин — *sens* — получает разные типы субституции в тексте. Так, в абзаце, начинающемся с термина *sens*, из шести обозначений в четырех случаях имеет место слово *sens* и в двух — местоименная замена; в русском тексте замена местоименная (словом *последний*) имеет место только в одном случае. В остальных случаях варьирование достигается использованием терминов — частичных синонимов (*значение — осмысленность — смысловой*).

В качестве материала для проверки высказанных положений были взяты две научные статьи, относящиеся к различным отраслям знания — информатике и литературоведению.

В статье Н. К. Городецкого по информатике [11] термин *документальный информационный поток* встретился четыре раза — один раз в заголовке статьи и три раза — в тексте. Девять раз он был заменен сокращенным вариантом *документальный поток* с пропуском малоинформативного элемента *информационный* (документ — носитель информации), один раз — сокращенным вариантом *информационный поток*, один раз — нетерминологическим синонимом *поток научной и технической литературы*. По одному разу рассматриваемый термин был замещен ассоциативно (метонимически) связанными с ним терминами *передача информации, получение информации, обмен информацией*. Таким образом, в этом тексте наблюдается сравнительно небольшое разнообразие номинаций. В то же время здесь очевидна тенденция к использованию более кратких обозначений, причем характерно неупотребление «громоздкого» термина после первичной номинации.

В литературоведческой статье В. З. Табарева [12] термин *ирония* встречается 25 раз. Будучи однословным, он не может быть заменен сокращенными вариантами (используются только местоименные замены *она, ее*), и вариантность здесь состоит в приписывании этому терми-

---

[11] *Городецкий Н. К.* Оценка документального информационного потока по межотраслевой тематике.— Научно-техническая информация, сер. I, 1978, № 5, с. 5—8.

[12] *Табарев В. З.* Характер иронии в лирике Маяковского 20-х годов.— Филолог. науки, 1977, № 3, с. 3—15.

ну согласованных и несогласованных определений (*озорная, мягкая, задушевная, грустная, позитивная, созидательная, итоговая, восторженная, лукавая ирония; ирония созидания, утверждения* и др.). Для такой области знания, как литературоведение, характерны термины, передающие оттенки: *иронизация, самоирония, элемент иронического.*

Итак, анализ материала показывает, что тексты, относящиеся к разным стилям, характеризуются использованием различных видов субституции:

1) в специальном научном тексте (научный стиль русского языка) в принципе недопустимы замены термина дублетами, эквивалентами и нетерминологической лексикой. Вслед за первым употреблением термина (в случае необходимости с определением соответствующего понятия) могут употребляться либо тот же термин, либо его сокращенные варианты, которые бывают двух типов: аббревиатуры и термины с пропущенными малоинформативными элементами;

2) в научно-популярном тексте (научный стиль) допускается применение наряду с термином его дублетов, если они имеются, синонимов, не входящих в терминосистему, профессионализмов и даже жаргонизмов;

3) в статье производственно-массового журнала или в газетном очерке (публицистический стиль) термины также замещаются (до или после их употребления) нетерминологической лексикой или синонимами, не входящими в терминосистему, либо вовсе не употребляются, заменяясь перифразами.

В начале статьи говорилось отдельно о формах и факторах (условиях) субституции терминов. В заключение следует свести воедино формы и факторы субституции, показав, в каких условиях применяют определенные формы замещений. Удобнее всего это сделать, сгруппировав материал на основе выявления причин, приводящих к субституции терминов. Эти причины можно разбить на три группы:

— логические причины: необходимость определения понятия, выражаемого термином, в этом случае термин замещается родовым, вышележащим в классификационной схеме (*кошка — это домашнее животное*); необходимость установления места термина в ряду однородных терминов и соответственно данного понятия в ряду однородных понятий; необходимость выделения како-

го-либо аспекта в понятии (объекта), выражаемом термином (*ирония — самоирония — позитивная ирония*). При этом важно отметить, что все замещающие термины входят в ту же терминосистему, что и замещаемый термин;

— собственно терминологические причины: при наличии упорядоченной или даже стандартизованной (нормализованной) системы терминов возможность замещений резко падает (только сокращенные варианты). В случае неупорядоченной или слабоупорядоченной совокупности терминов термин может широко замещаться дублетами и даже частичными синонимами, а также субститутами, не входящими в данную терминосистему или вообще ни в одну терминосистему, т. е. эквивалентами и перифразами (*пневмония — воспаление легких*). Естественно, в этом случае многое зависит от области знания, к которой относится текст: например, терминосистема математики более строга, чем терминосистема литературоведения;

— общелингвистические причины: в процессе изложения термин может замещаться местоимениями и другими общеязыковыми средствами, применяемыми в связном тексте в целях устранения монотонности: *он, последний, тот же* и др. Этот способ замещения связывает научный текст с любым другим текстом данного языка.

Таким образом, процесс субституции термина в тексте есть функция двух переменных: комплекса логических, терминологических и лингвистических причин и влияния стиля или подстиля, к которому относится текст. Выбор субститута термина определяется на пересечении этих осей координат.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ГАЗЕТЕ

(Способы раскрытия и введения в текст)

Т. С. Коготкова

В наше время, под влиянием научно-технической революции, как никогда растет и ширится количество текстов (письменных и устных), которые невозможны без использования специализированной лексики: научных, искусствоведческих, производственных терминов, профессионализмов, номенклатурно-терминологических наименований. Применение терминов выходит за привычные пределы языка науки или производственно-профессиональной литературы; лексика разной степени терминологичности все больше и больше насыщает словесную ткань произведений различных письменных жанров и стилей современного русского литературного языка; она все активнее заполняет устную речь, даже в ее бытовом варианте.

Интенсификация терминологической лексики в речевой деятельности носителей языка естественно подводит к необходимости решать разнообразные ортологические задачи, связанные с этим моментом. Об этом говорит не только всевозрастающая и вместе с тем все меньше удовлетворяемая потребность в специализированных словарях и справочниках, но и огромный поток писем, вопросов и даже запросов, который приходит в Институт русского языка, в лингвистические журналы, к языковедам-русистам. В них поднимаются сложные, иногда спорные вопросы о терминологическом (и соответственно нетерминологическом) употреблении слов в пределах литературного языка. От решения этих вопросов зависит точность смыслового применения слова, уместность или неуместность его в той или иной речевой ситуации. А эти моменты характеризуют, как известно, понятия «знание языка», «владение языком».

Выдвинутая самой жизнью ортологическая (культурно-речевая) проблематика в терминологии объемна и многопланова для исследовательских разработок языковедов-русистов. Она определяется разными сторонами термина как языкового знака: с одной стороны, его

структурно-семантическим строением, его строгой соотнесенностью с определенным отрезком внеязыковой действительности (в науке — с понятием), его стабилизацией и происхождением в той или иной терминосфере; с другой — эта проблематика связана и с условиями функционирования термина, с возможностью применения его в разных функционально-стилевых разновидностях современного русского языка, с несовпадением коммуникативных заданий, которые нередко получают при этом термины и номенклатурно-терминологические слова. Последнее обстоятельство явилось причиной того, что термин как слово языка стал объектом описания словарей разных типов (толковых словарей литературного языка, энциклопедических, специально-терминологических и др.); это убедительно говорит о том, что пути использования терминов в условиях функционально-стилевого многообразия национального языка перекрещиваются [1]. Все это обусловило активизацию разного рода терминологических исследований в последние годы, в связи с чем С. Г. Бархударов справедливо замечает: «...в настоящее время внимание к терминам у нас не выливается в форму кратковременных кампаний, а приняло характер планомерных, повседневных научных занятий» [2].

Поводом для написания настоящих заметок послужили наблюдения над использованием терминологической (и номенклатурно-терминологической) лексики в газете. Эта не новая (многим даже может показаться, что избитая) тема всегда актуальна при разработках нормативных вопросов современного литературного словоупотребления. Богатая и разнообразная эмпирия фактов, относящихся к этой проблеме, не только постоянно обновляется, но и множится. А так как все эти случаи связаны с лексико-фразеологическим уровнем языка, отчего их лингвистическое содержание индивидуально и подчас идиоматично, то становится понятным внимание исследователей к отдельно взятым примерам, к разъяснению их характера и условий проявления в речи. О месте терминов и специализированной лексики в газете пи-

---

[1] См. материалы специально посвященного этому вопросу совещания в кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.

[2] *Бархударов С. Г.* Актуальные задачи лексикографии в области терминов в словарях разных типов.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов, с. 5.

шут не только газетоведы, но всегда попутно затрагивают эти вопросы специалисты по практической стилистике русского языка и лексикологи.

Ортологические вопросы в данной статье мы рассматриваем преимущественно на материале так называемой своеязычной специализированной лексики (берутся не только строгие термины, но и профессионализмы и номенклатурно-терминологические наименования). Своеязычная терминология составляется из слов (или словосочетаний) родного, русского языка. Корневая морфема подобных терминов может быть связана и с лексическим фондом современного нормированного языка, и с его историческим состоянием; ее нетрудно встретить в богатейшей сокровищнице слов местной и ремесленно-промысловой речи. Пестрый состав терминологической лексики русского языка объясним тем, что «терминология берет истоки и пополняет ресурсы из разных источников и с помощью разных языковых средств... формирование каждой терминосистемы имеет, как правило, длительную историю»[3]. Каждому из этих «ярусов» языка соответствует свой вид речевой деятельности — современный, исторический или диалектный. Значимые семантические единицы (слова или словосочетания) этих «ярусов» живы и релевантны в языковом сознании носителей языка. Отсюда противоборство и конфликты в словоупотреблении, когда эти исконно русские лексические элементы превращаются (или уже превратились) в канонические, узаконенные ГОСТами единицы терминосистем[4]. В своеязычных терминах особенно заметны локально-исторические отпечатки. Семантическое несходство этих терминов с их «гнездовыми собратьями» общеупотребительного языка бывает весьма существенным. В нем обнаруживается огромная смысловая потенция исконно русских (или даже исконно славянских) корневых морфем. В то же время актуальные для термина функции номинации или коммуникации (общения), которые он выполняет в своей терминосфере, делают его стабильной и необходимой единицей последней, а корневой морфеме обеспечивается еще одна жизнь, еще какой-то срок су-

[3] *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., «Наука», 1977, с. 21—22.

[4] См. примеры подобных разногласий в статье: *Коготкова Т. С.* Слово в терминологическом и нетерминологическом применении (*баз, нетель*).— Рус. речь, 1975, № 1.

ществования. В общеязыковом отношении терминологические сферы (здесь уместно сказать подъязыки), резервируя и консолидируя подобные исторически устойчивые слова (или корневые морфемы), как правило элементы так называемого основного словарного фонда, обусловливают их непрерывное употребление во времени, их вечность.

Многочисленная (и едва ли исчисляемая) в своих единицах терминологическая лексика объединяется в сложившиеся и достаточно обособленные друг от друга терминосистемы, за что их иногда называют подъязыками. Скоординированные между собой, «научно препарированные» (В. В. Виноградов) соответствующие этим терминосистемам значащие элементы — термины, номенклатурно-терминологические единицы и профессионализмы в полном объеме их смыслового наполнения понятны узкому кругу специалистов, служат нуждам их профессионального общения. Основное смысловое условие термина — точность вытекает из строгой соотнесенности каждого конкретного термина с определенным внеязыковым объектом (понятием — в науке, реалией — в технике, производстве, промысле); отсюда же — жесткая систематичность терминов в рамках одной терминосистемы.

Вместе с тем, сколь бы ни было велико само количество терминосистем в современном русском языке, как бы ни была стройна и упорядочена их внутренняя организация, все они «ограничены в сферах своего употребления и не могут конкурировать со всеобщим средством общения — литературным языком» [5].

Литературный язык, постоянно связанный с иными разновидностями русского национального языка (диалектами, просторечием, жаргонами), пополняя и видоизменяя за счет них свои ресурсы, особенно интенсивно и заметно взаимодействует с ними в наши дни в сфере терминологической лексики. Выход термина за пределы своей терминосистемы в общее употребление — это как бы вторжение единицы одной языковой системы, терминологической, в другую, литературного языка. Естественно, это влечет трудности взаимопонимания между специалис-

---

[5] *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— В кн.: Русский язык в современном мире. М., «Наука», 1974, с. 108.

тами и неспециалистами[6]. Покидая пределы узкой терминосферы и становясь словом общелитературного употребления, термин утрачивает не только привычные для своей терминосистемы связи, но и ряд других свойств. А. А. Реформатский, наделяя термин «принципиальной стилистической нейтральностью» в границах своей терминологии (в его терминах — «поля»), считает, что при переходе в общее употребление термин лишается этой стилевой нейтральности, ибо вне своей терминологии «слово теряет свою характеристику термина»[7]. Этот естественный путь семантической и стилистической адаптации терминов в литературном языке проходят тысячи слов-терминов; многие из них квалифицируются лексикографами как неологизмы[8]. При этом следует признать, что процессы эти сложны и всегда индивидуальны; не всякое употребление такого термина в том или ином литературно-письменном жанре есть показатель освоенности его литературным языком.

Весьма распространенным проводником для вхождения терминологической лексики в общелитературное употребление является пресса, и в частности газета. Газетные тексты не могут обойтись без использования терминов, профессионализмов, номенклатурно-терминологических наименований. Это вытекает из самого назначения газеты — оперативно отзываться на важнейшие события (большие и малые) текущего момента и сегодняшнего дня в разных сферах жизни: промышленности и сельском хозяйстве, науке, культуре и искусстве, политике и морали и т. п. (из-за чего многие считают, что газетная публикация живет один день).

В эпоху НТР обсуждение научно-технических вопросов в прессе еще более возросло, а выдвижение на первый план в последние годы задачи охраны природы и окружающей среды открыло выход в широкое употребление терминологии природоведения и лесоводства, ботаники и зоологии, агрономии и растениеводства и т. д.

---

[6] Подробнее об этом см.: *Коготкова Т. С.* Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия».— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов.

[7] *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология. М., 1959, с. 9.

[8] См. словник словаря-справочника «Новые слова и значения» (М., 1971).

Использование специализированной лексики в газете, подобно газетным клише и штампам, отвечает одному из объективных условий — производству газеты в сжатые, короткие сроки[9]. С точки зрения быстрых темпов создания газеты термин удобен для пишущего: как языковой знак он всегда точен, адекватно репрезентирует тот или иной отрезок действительности; применяя его, пишущий не рискует впасть в словесные неточности и неправильности. «В терминах мы имеем максимально точное, концентрированное и экономное выражение тех общих и частных понятий, с которыми сопряжена научная и техническая деятельность человека. От других разрядов слов функционального стиля научной и технической литературы термины отличаются своей огромной информационной насыщенностью» (разрядка наша. — *Т. К.*)[10].

Заполнение терминами словесной ткани текста в любом газетном жанре, облегчая задачу автора в выборе слов, обеспечивает ему точную передачу мысли, способствует конкретности разговора (или сообщения), имея в виду при этом точный адресат. Лишенный синонимического разнообразия и словесных вариантов, терминологизированный текст как бы предполагает ясность, лаконизм и общепонятность высказывания. Однако всегда ли это так? Всегда ли пишущий в подобном стилевом ключе достигает цели, если иметь в виду, что основная авторская задача в газете не просто оперативно и правильно осветить взятую тему, но и довести свои мысли по назначению, делая их доступными для массового читателя и привлекая тем самым активное внимание его к затронутым в публикации вопросам. Ведь газета «рассчитана на максимальную аудиторию, на максимальное количество потребителей, а также на нейтральную лингвистическую среду, т. е. на читателей с самыми разнообразными стилистическими навыками»[11].

---

[9] Вслед за многими авторами-газетоведами приведем известное замечание Ш. Балли: «...если бы не множество газетных клише, то нельзя было бы в газете писать быстро и правильно» (цит. по.: *Винокур Г.* Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации).— В кн.: Русская речь. Новая серия. III. Л., 1928, с. 91).

[10] *Пумпянский А. Л.* Функциональный стиль научной и технической литературы.— ВЯ, 1977, № 2, с. 92.

[11] *Винокур Г. О.* Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М., «Работник просвещения», 1925, с. 105—106.

Это значит, что термин в газетном тексте может иметь коммуникативный результат лишь тогда, когда он понятен читателю, содержательно раскрыт. Общественные функции языка — общение, сообщение, воздействие (В. В. Виноградов), — на реализацию которых направлено все жанровое многообразие газеты, также накладывают определенные обязательства на пишущих. Если термин не раскрыт, но в то же время как номинативное и функционально-значимое слово фокусирует смысловое наполнение контекста (или всего текста), то это может привести к полному (или частичному) непониманию написанного. В этом случае невольно суживается круг читателей — ими становятся лишь лица, специально для этого подготовленные. Подобная публикация написана для немногих.

Надо признать, что огромное количество слов-терминов и словосочетаний-терминов в газете отвечает требованиям коммуникативности. Общепонятную терминологическую лексику в газетных текстах составляют прежде всего те специализированные слова, которые утвердились в литературном употреблении; обычно эти слова словари литературного языка не относят своими пометами к разряду специализированной лексики: *зародыш, электричество, операция, рефлекс, теория, стачка, забастовка, траулер, трактор, снегоочиститель, бульдозер* и т. п.

Не требуют особых способов введения в текст и такие слова-термины и словосочетания-термины, которые семантически ясны из-за прозрачной внутренней формы, из-за особенностей своей словообразовательной и сочетаемостной структуры: *высев* (злаков, семян), *глубокоснежье, грибовище, деревообработка — деревообработчик, древесностружечные плиты, заиление* (реки), *замор* (рыбы), *кормность угодий, кормозаготовительные бригады, крепяж* ‹лесоматериал для крепления›, *лесозаготовка — лесозаготовители, лесоповальная техника, маловодье* (рек, морей), *маломерные моторные суда, молодь* (рыбы), *нагул, нагульные пруды* (при разведении рыбы), *насыпной грунт, недоруб* (леса, тайги), *неудобь* или *неудобья* ‹непригодная для посевов или лугов земля›, ‹неудобный для строительства рельеф местности›, ‹неудобная по рельефу, труднодоступная местность вообще› (ср.: «сохатые используют для пастьбы таежную неудобь и болота» — Зп. незн.), *обесфеноливающие установки, отлов — отловщик, отстрел* (диких животных),

островные леса (в лесостепной зоне), *первозимье* ‹начало зимы›, *пиловочник — пиломатериал* ‹лес, предназначенный для распиливания›, *племенной материал* ‹животные, пригодные для воспроизведения потомства›, *плодожорка* ‹червь в плодах›, *подварка* (клюквенная, в кондитерском производстве), *подрост* (леса), *пожива* ‹добыча дикого зверя›, *разнотравье* (в луговодстве), *раскоп* (у археологов), *распашка* (земель), *сенокосооборот, скороспелая порода* (кур), *спелая древесина, судострой* ‹лесоматериал для судостроения› и др. Сюда же примыкает всевозрастающая группа терминов-приложений: *машина-автомат, машина-двигатель, машина-мостоукладчик, машина-снегокат, машина-укладчик, навоз-сыпец, пруд-накопитель* (навозной жижи в животноводстве) и т. п.

Подобные, с прозрачной семантикой термины [12] правильно ориентируют языковое сознание читателя даже в списках, в «сфере фиксации» (В. И. Даниленко).

Термин в газете становится понятным и тогда, когда он не только прозрачен словообразовательно, но и когда он получен из обыкновенного слова путем такого семантического преобразования, при котором видны внешняя аналогия, сходство или ясен функциональный перенос. Многие из таких терминов содержат образную выразительность: *боров* ‹труба большого диаметра в горизонтальном положении›, экспедиция в район Курило-Камчатского *желоба*, гектар водного *зеркала*, зеленое *ожерелье* (вокруг городов), *на крыле* ‹о начале летания птенцов›, *подушка* (полотна дороги), *полотно* (дороги) и др.

Для читателя же газеты всегда есть разной протяженности контекст, начиная от обширного — текста всей статьи (очерка, репортажа, интервью и др.) и кончая минимальным — фразой. Ср. некоторые из них: О чем же свидетельствуют данные учета? Грозит ли нашим лесам истощение? Не являются ли *перерубы* в одних районах страны следствием *недорубов* в других? Лес страдает еще от одного: от работы многотонных машин, которые срывают почвенный покров, уничтожают *подрост* (О. Волков, Судьбы русского леса — Лит. газета, 1976, 23 июня); — Посадки погибают из-за низкого качества работ, из-за плохого ухода, — объяснял мне директор

[12] О раскрытии семантики термина с помощью морфемного членения слова см.: *Канделаки Т. Л.* Связь между содержанием понятий и морфемной структурой технических терминов.— Филолог. науки, 1964, № 3.

Казахского филиала института «Союзгипролесхоз» Борис Петрович Мищенко. — А ведь сколько врагов у новых посадок: тут и снеголом, и засуха, и мыши кору объедают... Нужен терпеливый и долгий уход (Ю. Шапорев, Почему не сомкнулись кроны — Лит. газета, 1977, 12 янв.); В этом году в Новгороде два *раскопа*. Троицкий, который порадовал замечательной 531-й грамотой: «От Анны поклон до Климяте. Брате господине, похлопочи о моем деле...»; Второй *раскоп* — Дмитриевский, с чьей-то легкой руки названный «рабочей окраиной», поставляет исключительно предметы ремесленничества. Очевидно, здесь были древние производства (А. Левина, Слышу голос предков. — Комс. правда, 1976, 1 авг.); Но из трех кубометров пиловочника можно получить только два кубометра *пиломатериалов* (Е. Вострухов, Е. Шатохин, Бревна-путешественники. — Изв., 1977, 1 июля); На *неудобьях* вдоль дорог, оврагов и на полях выращены лесные полосы (М. Савченко, Охранять и приумножать. — Правда, 1977, 13 июня); проф. К. А. Буштуева: Я уже говорила о нормативах 1951 года — тогда ничего подобного в других странах не было. Сейчас ученые всего мира разрабатывают предельно допустимые концентрации (ПДК) для сотен химических веществ, выбрасываемых в атмосферу. Еще на стадии проектирования будущего предприятия гигиенисты могут рассчитывать, какая будет *приземная загрязненность* воздуха вокруг этого предприятия. И потребовать специальных охранных мер (Проблема века. — Комс. правда, 1975, 29 марта). Таково положение дел с восприятием читателя своеязычной терминологии в газете в целом.

Вместе с тем в группе своеязычных терминов нередко наблюдается нарушение связи между структурным строением термина и его семантикой. Оно вытекает из полисемии морфем — корневых и аффиксальных. В термине запечатлевается не общепонятный и употребительный смысл их, а, напротив, малораспространенный, периферийный. И тогда морфемная прозрачность здесь обманчива, она может навести читателя-неспециалиста на ложный путь в понимании термина. Для иллюстрации приведем один из примеров из ирригационной терминосферы. Как может быть понят термин *зарегулировать* в следующих контекстах газетного очерка? «Урал — последняя река страны, где сосредоточены крупные запасы осетровых. Не только страны: он дает четверть мирового

улова осетровых! Только здесь выжило стадо лучшей в мире рыбы, потому что только Урал не *зарегулирован* в низовьях и осетровые не потеряли своих нерестилищ. Да и *зарегулированная* Сакмара не даст Уралу полноценного стока. А Сакмара-то главный приток Урала... Орск часто затопляли наводнения. Чтобы от них избавиться, выше города построили Ириклинское водохранилище. Главной целью было получить электроэнергию, а заодно *зарегулировать* паводок. Но на обмелевшей реке паводки и без *регулирования* уменьшались с каждым годом, а ведь теперь вода требовалась и для водохранилища» (М. Подгородников, В. Травинский, Конфликт на берегу реки. — Лит. газета, 1974, 30 янв.).

В первом случае (*Урал не зарегулирован в низовьях*) его как будто бы можно заменить глаголом *перекрыть*, но уже во втором (*зарегулировать паводок*) такая замена невозможна. Мало помогает уловить смысл и однокоренное существительное *регулирование*. В целом же ясно одно: здесь специальное употребление этих слов. Обращаясь к справочной литературе, читаем: «Регулирование рек. Совокупность мероприятий по упорядочению русла рек с целью: создания благоприятных условий плаванию судов и лесосплава; создания благоприятного режима уровня воды в реке; защиты населенных пунктов и земельных угодий от затоплений, уменьшения размыва русла рек; защиты водозаборных сооружений от речных наносов и плавного направления потока к отверстиям сооружений» (Терминология гидротехники. М., 1955, с. 14—15). В гидротехнической терминологии понятие «регулирование рек» — важнейшее, оно пронизывает целую совокупность более частных и конкретных понятий, что имеет соответствующие терминологические наименования: *регуляционное сооружение, регулирование качества воды, саморегулирующийся водовод ГЭС, суточное регулирование* и т. п. (там же).

Если же воспользоваться содержанием приведенной выше терминологической дефиниции (*регулировать*), то наши газетные контексты проясняются так: на реку Урал, в частности на низовья его, не направлялась та «совокупность мероприятий по упорядочению русла реки...» (и т. д.). Второй контекст конкретизирует широкое ирригационное понятие «регулирование рек»; из него мы узнаем, что относящиеся к нему мероприятия предусматривают не только подъем уровня воды в реке, но и, на-

оборот, его снижение, что и произошло с зарегулированной Сакмарой вблизи Орска.

Представление о том, что отчетливое словообразовательное строение термина, понятность его корневой морфемы обеспечивают и с т и н н о е восприятие его содержания, присуще многим пишущим в газету. Особенно специалистам, т. е. тем, кто владеет своим терминологическим лексиконом автоматически, а посему часто и не подозревает, что читатель-неспециалист подобными сведениями не располагает. Проиллюстрируем это на примере со словом *выгонка* (терминосфера растениеводства). Для большей убедительности приведем обширный фрагмент газетной заметки В. Сафонова «Цветы Дальнего»:

Тюльпаны быстро вошли в моду. В особой цене у европейцев были цветы с пестрой окраской или редкого темного цвета. В Австрии, Франции, Германии, Фландрии и на земле нынешних Нидерландов сотни садоводов создавали в труде и мучительных поисках новые невиданные ранее сорта тюльпанов. Появились цветы с махровыми лепестками, с оттенками от желтого до красного.

Давайте не почураемся посчитать выгоду зимней *выгонки* тюльпанов. На квадратном метре оранжереи можно дважды за зиму получить около ста великолепных цветков. По самым скромным подсчетам — это двести рублей чистой прибыли против тридцати, планируемых сегодня для закрытого грунта. Технология зимней *выгонки* тюльпанов несложна. Дело за небольшим — за достаточным количеством крупных *выгоночных* луковиц подходящих сортов тюльпанов. Сегодня мировой уровень определяют луковицы Голландии. Популярность их так велика, что многие страны ежегодно закупают у Голландии миллионы луковиц.

Покупаем луковицы у голландцев и мы, расходуя на это валюту. Только вот их количества нам явно не хватает. Поэтому в стране ведутся поиски районов, пригодных для выращивания собственных тюльпанов. Уж очень привередлив тюльпан. Но есть ли вообще такое «райское» место у нас в стране? Оказывается, есть! И не на юге, а на самом «краешке» земли — на Сахалине (Комс. правда, 1979, 27 янв.).

Приведенный отрывок, как и вся заметка в целом, говорит о недооценке в практике цветоводства зимней вы-

гонки тюльпанов (не случайно, статья помещена под грифом редакции «Взято под контроль»). В построении всего текста слово *выгонка*, таким образом, — смыслообразующий компонент. Однако есть ли уверенность в том, что содержание статьи «схвачено» читателем, если иметь в виду тех из них, которые не являются профессионалами цветоводами и садоводами (или любителями) каких, смеем заверить, большинство? Само слово *выгонка* для неспециалиста имеет прочные и привычные ассоциации с *выгоном* — пастбищем для скота, с *выгоном* — перегонкой (смолы, дегтя, спирта, самогона и т. п.), с *выгоном* — изгнанием. Эти семантические связи уточнены нами в специальном эксперименте-опросе. Из двадцати опрошенных языковедов-русистов словосочетание *выгонка тюльпанов, сирени* знал твердо лишь один информант, регулярно читающий справочную литературу о разведении тюльпанов и гладиолусов, четверо «узнали», припомнили это словосочетание, чему отчасти способствовало профессионально-лингвистическое этимологизирование (ср.: *растение гонит в рост*) [13], а 15 опрошенных анализируемого термина *выгонка* не знают и даже в одном случае категорически отрицают возможность его наличия в языке как алогичного.

Семантическое гнездо *выгонка — выгонный — выгоночный — выгонять* с общим значением ‘ускоренно выращивать сельскохозяйственные растения — цветы, овощи, плоды, используя определенные агротехнические приемы’, относится к специализированной терминологии растениеводства. Термин *выгонка* — стабильная единица сельскохозяйственной терминологии многих языков, по данным В. с. х. сл-ря (русского, болгарского, чешского, польского, венгерского, румынского, немецкого, английского языков). В словарях современного русского литературного языка эта группа слов фиксируется лишь в БАС (т. 2, 1951 г.) с пометой ограничительного употребления «в садоводстве» и с иллюстрированием из «Жизни растений»

[13] История формирования термина *выгонка* в русском языке может быть поводом для специального лингвистического размышления: словарь В. Даля его не фиксирует; диалектные сведения находим в СРНГ: *вы́гонка* ‹саженец фруктового дерева› (Краснодар. 1965); в СРДГ — *вы́гонок* ‹отросток, побег›, *выгоня́ть купы́рь* и *идти в* (*на*) *купырь* ‹идти в стрелку› (о растениях). Вместе с тем слово *выгонка* по своим словообразовательным компонентам аналогично тому же термину в немецком языке (Austrieb), что наводит на мысль о возможной кальке.

Тимирязева: [Теплота] ускоряет рост, как это, впрочем, давно известно садоводам, так как на этом основана возможность *выгонять* растения, ускорять их рост или задерживать его. Сведения БАС о рассматриваемых словах — это лингвистическое толкование лексического значения; в словарях же специально-энциклопедических подобные определения полнее, в них приводятся фактические детали, подчеркивающие специфику процесса выгонки растений. См. в БСЭ (3-е изд.): выгонка растений — агротехнические приемы, применяемые для получения цветов, овощей или плодов в несезонное для растений время. Для большинства выгоночных культур важное значение имеет регулирование освещения, температуры и углекислого газа. Выгонка растений применяется, как правило, осенью, зимой и ранней весной в специальных помещениях (оранжереях, теплицах, парниках, подвалах). К числу выгоночных культур относятся розы, сирень, гортензия, тюльпан, гиацинт, нарцисс, гвоздика, хризантема, цикламен и др.

Вот те позитивные данные о слове *выгонка*, которыми должен был бы располагать читатель, чтобы уловить хозяйственно-экономическую направленность приведенного выше газетного текста.

Имея в виду необычность семантики рассматриваемой *выгонки*, ее специализацию для общего употребления, некоторые авторы газетных публикаций как бы регулируют внимание читателя, используя особые приемы подачи слова в тексте, ср.: Растения эти еще не пробудились от зимнего сна и лишены листвы. Но скоро в тепле они оживут. Сегодня в оранжерейном хозяйстве Первомайского р-на начали «выгонку» сирени для украшения избирательных участков (Весенний букет. — Веч. Москва, 1979, 27 янв.), где *выгонка* взята в кавычки.

Остановимся еще на одном аналогичном примере. В гидротерминологической сфере зафиксирован термин *припай* 'основная форма неподвижного льда, представляющая собой сплошной ледяной покров, связанный с берегом' (Классификация и терминология льдов, встречающихся в море. М., 1954). С какого-то момента термин *припай* входит в литературный язык, хотя широкого признания пока еще он не получил, чему помехой являются живые ассоциации со словами одного гнезда *паять — припаивать — пайка*. Действенность этой смысловой связи мы проверили также в эксперименте-опросе. Из 15 языкове-

дов-русистов это слово связывают со льдом — льдами лишь пять человек, остальные же 10 твердо, без сомнения считают *припай* производным существительным от *припаивать (паять)* (в действительности же таковым словом является *припой)*. Нет сомнения, что статистическое соотношение на малых цифрах (5:10) было бы таковым и на больших. Может ли автор газетной статьи при таком массовом осмыслении слова *припай* рассчитывать, что *припай* 'массив прибрежных льдов', введенный в текст без пояснения, укладывается автоматически в языковом сознании читателя? Вряд ли! Ср.: Вода, как ей и положено, грянула внезапно. В субботний полдень начался прилив. Подточенный оттепелью, лед не выдержал. *Припай* раскололся от острова Русский до Академгородка. Слабая поземка к 15 часам обратилась в шквальный юго-восточный ветер до 7 баллов. Огромное ледовое поле сразу же погнало в открытое море — через 15 минут льдина отошла от основного *припая* на 300—400 метров (М. Вознесенский, В шторм рыба не клюет... — Комс. правда, 1979, 12 янв.).

Наблюдение за применением своеязычных терминов в газете показало, что именно они, входя в одно словообразовательное гнездо с общеупотребительными словами и словосочетаниями литературного языка, чаще других остаются без пояснений. Семантические признаки, составляющие их специфику в сравнении с их дериватами в литературном языке, нередко остаются скрытыми. С «приблизительным» содержанием они воспринимаются и закрепляются в языковой памяти читателя-неспециалиста. Чем, например, отличается терминологическое слово *подкормка*, примелькавшееся в газетах, когда речь заходит на животноводческую тему, от однокоренного *корм*, если возможен контекст: В стойле у животных всегда *подкормка* (Рабочий край). Или сочетание *грубые корма;* в газете обычно в соотнесении с терминами — *корма зеленые, корма сочные, корма концентрированные*, хотя известны и другие терминологические атрибутивные сочетания со словом *корм*[14]. Какие виды кормов это понятие объединяет в себе — сено (всякое ли?), солому, клевер, зерно? Как будто бы прилагательное *грубый*, смыслослагающий эле-

[14] См.: *корм брикетированный, корм грубый, корм гуменный, корм комбинированный, корм минеральный, корм молокогонный* и др. (В. с. х. сл-рь, т. 1, с. 340).

мент всего термина, употребляется здесь в значении ‘недостаточно обработанный’, но ведь, многозначное в общелитературном употреблении, оно вызывает и другие ассоциации — неприятный на вид, в осязании и др. У неспециалистов эти ассоциации могут быть самые различные. Не точнее ли в этом случае в газетном материале называть корма своими конкретными именами, по крайней мере чаще использовать их как возможные контекстные синонимы?

Ряд подобных случаев становится все шире. Всякий ли читатель газетного текста (так же, как и слушающий радио) знает, что всюду употребляемое сочетание *фуражная корова* — это статистическая единица в общественном животноводстве? Вот почему специалистов-зоотехников, агрономов не удовлетворяет определение, данное ему в словарях литературного языка — ‹дойная корова, получающая дополнительный фураж›. Совершенно очевидно, что этот термин, дефиниция которого стабилизируется в зоотехнической терминосфере, утрачивает конкретную смысловую связь между терминирующим атрибутом и определяемым им существительным (подобно физическому термину *лошадиная сила* ‘единица измерения мощности в 75 кгм в сек.’, где эта связь полностью утрачена).

То же самое можно заметить и о термине *условное топливо*, все чаще и чаще появляющемся в последнее время на страницах газет и в сообщениях радио. Контекст, в окружении которого применяется это словосочетание, может указывать лишь на его специализированную семантику, а вот какую именно — не всегда, ср.: Четыре энергоблока Рязанской ГРЭС сберегли в этом пятилетии более 400 тысяч тонн *условного топлива* (Вс. р. 1/VIII—79). Прилагательное *условный* является смысловым стержнем и в терминологических словосочетаниях других терминосфер (видимо, в нем содержится инвариантное значение), но при опоре на литературный язык, т. е. для неспециалиста, его смысловое наполнение остается неясным. Ср. еще: В цехе я узнал, что овощи для консервирования завозят с большими перебоями. Две-три машины — этого и на половину рабочего дня не хватает. В августе цех произвел вместо 400 тысяч всего 200 тысяч *условных банок* овощных консервов (В. Игнатов, Грядки играют в прятки. — Комс. правда, 1979, 15 сент.).

Представление авторов, употребляющих в газетных материалах подобные термины, что они понятны читателю без специального их раскрытия, из-за того, что ясна и доступна их корневая морфема или какой-либо компонент в словосочетании, есть явное заблуждение и недооценка всех возможных осложнений. В терминосистеме каждый такой термин — полноценная смысловая единица, соотнесенная с другими элементами одного понятийного круга. Попадая через газету в общее употребление, она изолируется от этих привычных связей, и образуется коммуникативный языковой барьер. Он может быть весьма значительным [15]. Семантические расхождения рассматриваемых терминов и их дериватов литературного языка объясняются не только генетической неоднородностью их, когда корневые и аффиксальные морфемы восходят к разным эпохам языка, но и условиями их распределения и длительного бытования в разных подсистемах русского национального языка (диалектах, просторечии, профессиональных жаргонах и т. п.).

Понимание семантики термина по его внутренней форме удается не каждому, ибо нет людей с одинаковой лингвистической подготовленностью и лингвистической ассоциативностью; не каждый из современных читателей газеты склонен к осознанному (или неосознанному) этимологизированию слов [16]. Не каждый сразу может сказать, о

---

[15] Ср. каламбур А. П. Чехова в «Ионыче» о том, как немец-управляющий, плохо знавший русский язык, в письме к барину пишет, как в имении «испортились все *запирательства* и обвалилась *застенчивость*».

[16] Особенно слабо восприятие этимологии традиционных слов русской народной речи у молодого поколения. На студенческой практике летом 1977 г. было предложено студентам 2-го курса филологического факультета Томского университета распределить картотеку газетных терминологических контекстов по двум рубрикам: «термины семантически и словообразовательно ясные» и «неясные». В последнюю попали: *вага* — Огромная глыба в устье второго колодца *вагами* обращена вниз (В. Илюхин, В бездну.— Комс. правда, 1970, 10 окт.); *тоня* — Как известно, промысловая зона на Каспии предельно сокращена, лов осетровых, полупроходных (судака, например) в море запрещен, количество неводных *тоней* на Урале свели на минимум (М. Подгородников, В. Травинский, Конфликт на берегу реки.— Лит. газета, 1977, 30 янв.); *колок* ‹лесок среди полей›; *стланик* ‹низкорастущее, стелющееся дерево› — Владимир Лобов вез геологам муку — и вдруг ветер переменился, в воздухе снова стояла мгла, в горле першило, видимость становилась все хуже, книзу неподалеку горел *стланик* (видно, тлел, тлел, да и вспыхнул) — смо-

каком чутье идет речь в термине *чутьистые хищники* — о восприятии зверем запаха или звука. Читателю помогает это понять контекст: *Чутьистые* четвероногие хищники с трудом находят его (зайца. — *Т. К.*) на лежке, так как пахучие потовые железы имеются у зайца лишь на подошве лап (Зи. пезн.), *чутьистая собака* — обладающая хорошим обонянием (Ушаков).

Слова с прозрачной внутренней формой не просто легко терминологизируются, но богатство языковых ассоциаций, которые они порождают, нередко делает их терминами нескольких терминосистем. Подобные термины как бы переходят из системы в систему, становясь терминологическими омонимами; они соотносятся с близкими, идентичными понятиями (или реалиями) из разных сфер действительности[17]. Таков зоологический и ихтиологический термин *сеголеток*, образованный из сложения двух корневых морфем — *сей* и *лето* и обозначающий детеныша данного года рождения (*сего лета*): *рыба-сеголеток, сурок-сеголеток* — На Чудском озере мы встретились с таким фактом: рыбоводы «по науке» выращивают *сеголеток*[18] и выпускают их в озеро, а местные жители приспособились перехватывать их сетями... на корм свиньям! (Э. Ставицкий, Ученые производственники, браконьеры. — Лит. газета, 1979, 12 янв.); И все-таки при перевозке и выпуске сурков немало погибло, особенно детенышей, и у Веденькова в статье, откуда беру эти сведения, сказано с выразительной сдержанностью: Отлов *сеголеток* в молочном возрасте с целью перевозки на другое место недопустим (Нора Аргунова, Аскания Нова: восстановить и сберечь. — Лит. газета, 1977, 12 окт.); *гнездо птицы, гнездо рыбы, гнездо свиней, поросят, словообразовательное гнездо* — Сорок восемь сетей выставили в Новопавловском заливе прямо у искусственных нерестовых *гнезд*... Даже несведущему человеку понятно, что искусственные нерестилища колхоз имени Кирова создал вовсе не для того, чтобы кто-

www.ruslang.ru

листый, он горел черно, как нефть (О. Чайковская, Вертолет над БАМом.— Лит. газета, 1976, 31 марта); *нарыск* ‹след пушного зверя›.

[17] Терминологические омонимы, не подлежащие межнаучной унификации, известны и среди терминов, иноязычных по происхождению: *ассимиляция* — в этнографии и фонетике, *редукция* — в физике, экономике и фонетике, *функция* — в математике, физиологии, лингвистике (*Реформатский А. А.* Указ. соч., с. 9—10).

[18] Род термина *сеголеток* варьируется, см.: сеголетка, *ж* (Ушаков), сеголеток, *м* (В. с. х. сл-рь).

то запросто отловил производителей, оставив рыбьи семьи без отцов (В. Черкасов, Научная уха. — Правда, 1977, 1 июня); ...свиноматка, опоросившаяся в стойле, через месяц покидает его, а ее поросята всем *гнездом* остаются: — У нас осуществлено *погнездовое* содержание свиней (Л. Иванов, Омский бекон. — Лит. газета, 1977, 22 июня); *зимовка животных, зверей* и *зимовка рыб* — Нетрудно представить, как нужна реке вода. Нужна зимой, когда рыба задыхается от нехватки кислорода и повышенных концентраций загрязнения, нужна весной, когда заливаются нерестилища, нужна летом, когда увлажняются поля, нужна осенью, когда осетры ложатся в ямы на *зимовку* (эти осетры официально так и именуются «озимыми») (М. Подгородников, В. Травинский, Конфликт на берегу реки. — Лит. газета, 1977, 5 янв.); *ремонт механизмов, ремонт здания* и *ремонт стада* — Колхозы получают отсюда нетелей на *ремонт стада*. Естественно, что каждая сторона обеспечивает при этом свой собственный экономический интерес (Лисичкин, Совет колхозов.— Комс. правда, 1974, 6 марта); отсюда и *ремонтный молодняк* — Колхоз «Молдова» Вулканештского района создал у себя ферму *ремонтного молодняка*. Ее строительство финансировалось всеми колхозами района. Теперь «Молдова» отбирает из хозяйств лучший молодняк и содержит его до двух лет (там же); *скороспелые яблоки — скороспелые отрасли животноводства* (свиноводство, птицеводство), *скороспелые — позднеспелые виды зерна; репродуктор* ‹громкоговоритель› — *репродуктор* ‹специальный вид помещения для скота в общественном животноводстве› — Да, автономия колхоза в их внутренних делах сохраняется. Но, с другой стороны, это перестает быть только их, домашним делом. Например, решение совета о строительстве упомянутых двух *репродукторов* для поросят, межколхозного свинооткормочного комплекса, фермы *ремонтного* молодняка и т. д. не могло не повлиять на структуру производства в каждом из хозяйств района (Лисичкин, Совет колхозов. — Комс. правда, 1974, 6 марта).

В арсенале средств литературного труда (профессионального и непрофессионального) есть немало приемов и способов содержательного раскрытия непонятных (или малопонятных) читателю слов, за которыми стоят либо реалии чуждой, а также далекой для него действительности, либо понятия науки (техники). Мастерство и умение пишущего в том и состоит, чтобы, пользуясь подобными

приемами, делать изображаемое прежде всего понятным в чтении, если не интересным. Это общее условие литературно-писательского труда относится и к газете, несмотря на многотемность и текучесть ее материалов. Если посмотреть на специализированную лексику в газетных публикациях с этой точки зрения, то способы сделать ее понятной читателю легко обнаруживаются.

Одним из наиболее принятых приемов раскрытия содержания термина в газете является его перевод. В чистом виде данный стилевой прием выглядит как специально предпосланный тому или иному газетному тексту словарик. В демонстрации адекватных терминам общелитературных слов проявляется четкая лингвистическая позиция автора: термин — это элемент иной по отношению к литературному языковой системы. Терминологические словарики в газете сейчас встречаются реже, чем это было в первые десятилетия жизни советской печати, но они бывают. Вот один из встретившихся нам примеров: Для начала, уважаемый читатель, немного парашютной терминологии, чтобы легче нам было понимать, о чем речь. Итак:

м е д у з а — вытяжной парашют, открывающий основной купол;

к а б р и р о в а т ь — передвигаться назад по горизонту в свободном падении;

в с п у х а т ь — замедлять скорость в свободном падении;

о т ц е п к а — освобождение в воздухе от основного купола и ввод в действие запасного парашюта;

ТЭК — оптические трубы для наблюдения прыжков, а «трубачи» — судьи на трубах. Ну и «запаска» — парашют запасной. Это понятно (А. Левина, Небесный хоровод. — Комс. правда, 1976, 12 окт. — статья о групповой акробатике парашютисток в воздухе). После прочтения всего очерка замечаешь, что в словарик не попало всего одно слово *фалы,* так и оставшееся нами не понятым: Боковые — Лазович и Ушакова, держась за *фалы,* вылезают за пределы вертолета.

Чаще же термин истолковывается в тексте статьи: в пределах одного контекста приводится всем понятный его лексический (или фразеологический) синоним — слово или словосочетание литературного языка: Значит ли это, что конфликт уже неостановим и неуправляем? Отнюдь нет. При одном условии, что *рекультивация,* то есть *восстановление* почвенного слоя, пойдет сейчас в

нашей стране энергично, ибо время торопит (Проблема века. Обсуждение проблемы экологии. — Комс. правда, 1975, 29 марта); Я беру за поплавок и поднимаю из воды *рачешню* — круг из металлической сетки. На дне его наживка — только что выловленная густера, приколотая неким подобием английской булавки. Вокруг рыбы копошатся крупные, до 25 сантиметров, темно-бурые раки (В. Фоменко, Где раки зимуют. — Сельская жизнь, 1974, 5 ноября).

Слова-эквиваленты являются лишь частным проявлением обширных (или необширных) истолковывающих описаний и объяснений: *Импринтинг* (запечатлевание) — явление примечательнейшее. Суть его в установлении связи (запечатлевания) детеныша на определенном этапе жизни с объектами внешней среды (родитель, кормилец, местность). Так возникает родственная связь между кукушонком и трясогузкой — приемной матерью, только что вылупившимися утятами и «мамой-квочкой» или механической «уткой», красным мячом и т. д. (Б. Хандрос, Мишка-турист. — Лит. газета, 1977, 2 марта); Теперь Минчермет извещает — вполне хладнокровно! — заинтересованные ведомства о том, чтобы они в ближайшее время обесфеноливающей установки не ждали. Может быть, летом, в 1975-м. И *гидроциклонов* (мощных очистителей, работающих по тому же принципу, что и молочные сепараторы) при прокатных станах тоже не ждали, потому что в будущем, в следующей пятилетке, ожидается реконструкция станов и поэтому очистка-де экономически нецелесообразна... Выходит, пока целесообразнее загрязнять бассейн? (М. Подгородников, В. Травинский, Конфликт на берегу реки. — Лит. газета, 1977, 30 янв.); ...отщипнул от общего куска шмат глины, обхлопал его, вдавил в середину круга и опять принялся раскручивать свою колобашку, обглаживать глину мягонькой влажной тряпочкой. Нет, не тряпочкой, что я — то, чем обглаживают, облизывают глину, называется не *тряпочка*, а *полизеня* (Алексей Емельянов, Горшечник. — Лит. газета, 1974, 22 мая).

Подчеркивая и выделяя значимые детали объекта (понятия, реалии), обозначенного тем или иным термином, истолковывающие пояснения нередко вводятся в текст по нескольку раз. Этот композиционный прием, особенно широко используемый в жанре газетного очерка, позволяет раскрыть предмет изображения объемно, во всей его пол-

поте. В лингводидактическом отношении он способствует лучшему освоению незнакомого слова-термина, его невольному запоминанию читателем. Обычно такие многократные и варьирующиеся в деталях истолковывающие описания встречаются тогда, когда внеязыковой объект, названный термином, является смысловым и содержательным центром газетной статьи (очерка, репортажа). Приведем несколько типичных примеров. *Полой (полои)* — ирригационное понятие в очерке А. Озерова, М. Подгородникова «Кривая компромисса» (Лит. газета, 1977, 5 янв.) раскрывается через такие описания: Если смотреть на дельту с самолета, то в глазах рябит от бесчисленных узких протоков — ериков, от тихих мелководных заливов — ильменей. В апреле они взбухают вешними водами и заливают плоские равнины между протоками — *полои*. Насколько сильно будут залиты *полои*, настолько успешно пройдет нерест и восстановится рыбье поголовье; это удивительное творение природы — *полои*. Отутюженные, словно мощным катком, выровненные по ниточке, гладкие, как стол, они тянутся на десятки километров, испокон веков весной выращивая рыбу, а затем летом превращаясь в превосходные луга... Наш «козлик» трясется по усыпанной гравием дороге: едем по дамбе вододелителя. Слева тянутся *полои*, которые и осенью благодатно зеленеют травами. Высокие стога сена, пасущийся скот — идиллическая картина плодородия и покоя.

Стерх — птица: Так вот чьи следы не давали мне покоя! **Это — *стерх*, белый журавль, по якутски — *кыталык*.** Эта птица считается у якутов олицетворением красоты и изящества, ей посвящено много легенд, песен, стихов, в Якутии с ней связано много названий рек, озер, урочищ; *Стерх* — одна из самых крупных и приметных наших птиц. Длина его тела превышает метр, размах крыльев — метра два, а вес — семь-восемь килограммов. За исключением первостепенных маховых перьев (они черные), оперение взрослой птицы чисто-белое, а клюв, голая кожа «лица» и ноги кирпично-красные. Название его происходит от немецкого Sterch, что значит аист. Понятно, как родилась ошибка. Первыми путешественниками в Сибири в большинстве своем были немцы, приглашенные на службу царем Петром I. Встречая больших белых птиц с красными клювами и ногами, услышав о них от местных жителей, европейцы, не задумываясь, посчи-

тали их привычными для себя листами (С. Успенский, Великолепный кыталык. — Неделя, 1977, № 13).

Синтаксическая модель перевода не ограничивается соотнесением элементов термин — нетермин (бывает и обратный порядок: нетермин — термин), она заполняется нередко и терминологическими синонимами. В газетном материале такая синонимизация терминов уместна и вполне оправданна; один из синонимов, обычно понятный читателю, уточняет семантику термина [19]: — и такие *включения, инклюзии,* очень ценились в древности (В. Брабич, Смола веков. — Сов. Россия, 1977, 7 июля); ...и рыбаки споро и ровно начинают выбирать *нижнюю, донную* сеть (М. Борисова, Чего тебе надобно, старче? — Лит. газета, 1966, 8 окт.); Ученым ясны причины распространения пустынь в мире: ...нерациональное использование лесов и другой растительности на топливо и корм скоту, засоление почв, развитие процессов ветровой эрозии и загрязнение внешней среды в условиях засушливых (*аридных*) зон (А. Кучеренко, Остановить пески. — Правда, 1977, 21 февр.).

Добавление поясняющих фраз к терминам-синонимам в пределах одного контекста не только уточняет и дополняет характеристику предмета описания, но и несет определенную стилевую нагрузку: все повествование оживляется, лишается номенклатурной сухости и однообразия. Ср. начало небольшой заметки А. Пушкаря «Киты в порту»: Идет корюшка. И по выходным дням сотни и тысячи рыбаков высыпают на лед Амурского залива с удочками. Но не только людей привлекают косяки серебристой рыбки... Недавно жители Владивостока прямо в бухте Золотой Рог среди плавающих льдин и катеров увидели выныривающих из воды крупных морских животных. Оказалось, что это «*малые полосатики*», которых еще называют *китами минке.* Небольшие усатые киты. Они живут в прибрежных водах и заливах (Изв., 1977, 22 янв.).

Газета, как и любой иной литературный жанр, не может обойтись без характеристики объекта изображения через описание. Подобное описание вместо словесно экономного терминологического обозначения, подчеркивая броские и поэтому запоминающиеся детали, не просто усиливает впечатление, но и делает сам предмет изобра-

[19] См. об этом в статье В. Г. Гака и В. М. Лейчика в настоящем сборнике.

жения понятным, осязаемым и зримым для читателя: В студеной Сибири текут теплые опасные реки. Опасные, да еще как! В самую сильную стужу у них бывают *полыньи*, когда над теплой водой смерзается снежная корка: занесенная снегом, она неотличима от льда, но в отличие от него хрупка, как сахар (О. Чайковская, Вертолет над БАМом. — Лит. газета, 1976, 31 марта); Радостно было видеть, как текла, слушалась, обретала смысл и форму желто-зеленая масса, как повторяла она не одни лишь движения пальцев, а желание фантазии, как раскручивал дед Матвей то резко, то плавно свою колобашку, притормаживая ее время от времени коленом. И вот он вырос, *горшок-глечик*,— внизу поуже, вверху пошире, с гладким ободком, с неглубокой вмятиной вместо носика для струи молока (Алексей Емельянов, Горшечник. — Лит. газета, 1974, 22 мая).

Здесь же сознательно выделяются пишущим и такие подробности, которые существенны именно для терминологического (понятийного) раскрытия объекта. Ср. пример удачного обыгрывания цветовых признаков для специальной характеристики разных возрастных стадий детеныша тюленя в очерке В. Маслова «Поставили памятник тюленю»: *Тюленята* рождаются зеленоватыми и не по-тюленьи пестрыми. Однако через несколько дней они побелеют (из *«зеленцов»* превратятся в *«бельков»*), а затем разбухнут, закруглятся, как бы раздуются от жира и станут почти неподвижными — столь усиленно кормят их матери-ýтельги. Зато потом, когда — примерно к двум неделям — мать покинет детеныша, *белек*, оставшись один, будет неделями лежать на солнце, безбедно существуя лишь тем, что успел запасти с материнским молоком. Еще до того, как малоподвижный *белек* обернется беспокойной *серкой*, над беломорским Горлом появляются промысловые вертолеты (Лит. газета, 1979, 7 марта). Нетрудно заметить, что в языковом отношении эти небольшие словесные зарисовки — свидетельства профессионального мастерства автора, его литературного вкуса и чувства «соразмерности и сообразности».

Истолковывающие контексты, о которых мы ведем здесь разговор, являясь фрагментом того или иного газетного текста, невольно отражают его функционально-языковую заданность. Объяснение термина через синонимы, через разной величины энциклопедические описания в газете сочетаются и с такими пояснениями, в ко-

торых рядом с характеризующими деталями подчеркивается значимость описываемого предмета. Это особенно важно, когда текст по своему замыслу призван активно вмешиваться в жизнь, осуществлять определенного рода воздействие в кругу читателей. Пример контекста такого рода нам встретился в заметке И. Воронкова «Не вышли в поле», помещенной в рубрике «Обращаясь к напечатанному» (собственный корреспондент «Ленинского знамени» проверяет поступившее в газету официальное опровержение. В результате этой проверки выяснилось, что на обменные пункты Московской области регулярно поступают распределители — необходимая деталь в тракторе — в бракованном виде). Вот описание распределителя: *Распределитель* в наше время — это необходимая составная часть гидросистемы каждого трактора. Без него не поднимет трактор сеялку, плуг, не опрокинет тележку, не включит в работу жатку. Без него бессильным окажется стогомет. Как видим, деталь эта очень важная (Ленинское знамя, 1977, 26 июня). Прочитав заметку до конца, видишь, что избранная автором форма описания *распределителя* — сознательное подчеркивание его значимости в механизме (этому способствует негативная предложно-падежная конструкция — *без него не...*) — согласована с активно-действенной позицией автора, его непримиримым отношением к создавшимся беспорядкам в снабжении запчастями сельскохозяйственной техники. Но в связи с этим возникает вопрос: знают ли о злоключениях с этой деталью в областном управлении сельского хозяйства? И если да, то почему мирятся с такими фактами?

Рассматриваемые здесь приемы комментирования терминологической лексики в газете, помогающие читателю-неспециалисту лучше и точнее воспринять содержание того или иного текста, со стороны литературного мастерства не отличаются большой сложностью и замысловатостью. Применение их в анализируемой речевой ситуации вряд ли может вызвать затруднения для пишущего.

Особое положение сложилось с разъяснением специализированных слов в газетах отраслевых и фабрично-заводских многотиражках. Публикуемый в них материал освещает разные стороны жизни и работы той или иной отрасли, производства. Использование профессионально-терминологической лексики здесь коммуникативно оправдано, ибо основная масса читателей в этом случае и есть сами узкие специалисты по всем этим вопросам; для них

излишние растолковывание специализированных слов. В производстве газеты, «отнимая место», оно могло бы лишь тормозить оперативное и бесперебойное освещение повседневных нужд и дел отрасли.

Сложившееся и как бы санкционированное использование специализированной лексики в отраслевой и фабрично-заводской печати распространяется на прессу областную и районную, что вполне правомерно тогда, когда какая-либо определенная производственно-экономическая деятельность доминирует в хозяйственном профиле той или иной области, края, района. Авторский состав этих газет разнообразен; он очень часто выходит за пределы литературных профессий.

Естественно выглядит, например, использование текстильной терминологии на страницах Ивановской областной газеты «Рабочий край», где текстильная промышленность является ведущей отраслью экономики. Текстильные термины вводятся в текст массово и без каких-либо пояснений: *бердо, ремиза, нетканые материалы, несминаемая* и *безусадочная отделка ткани, кордная линия, чесальное производство, кирза, отбелка ткани жгутом, вязально-прошивной способ* (изготовление ватина), *прочес* и т. д.

В то же время для читателя, далекого от этой сферы жизни, эти и подобные им терминологизированные слова трудны для понимания текста. В его восприятии часто весь текст выглядит как бы написанным на чуждом ему «терминологическом языке», особенно если терминологические единицы — слова иноязычного происхождения, ср.: Рекламации имели веские основания. В корпусе *шпиндельной бабки* одного из станков обнаружена трещина, на другом не оказалось *лимба* отсчета радиального перемещения *суппорта планшайбы* (Раб. край, 1964, 17 дек.); Методом тонкослойной *хроматографии* в содержимом преджелудков обнаружен бутиловый эфир (П. Аркадьев, Химия и биосфера. — Лит. газета, 1977, 4 июня).

Из условия смысловой емкости и лаконизма в газетном языке естественно вытекает следствие — «незначительные, но требующие многих слов детали остаются за текстом» [20]. Однако этим важнейшим жанрово-стилевым правилом вряд ли можно оправдать использование термин-

---

[20] *Солганик Р. Я.* О хорошем газетном языке.— Рус. речь, 1969, № 4 с. 70.

нологической лексики в газете в нераскрытом и поэтому непонятном для массового читателя виде. В этом случае термин — это лишнее слово, а «лишние или неточно выбранные слова, формы, конструкции противоречат эстетическому идеалу газетной речи»[21]. Стремление пишущих в газету применять терминологическую лексику из-за ее точности и однозначности ведет к мнимому лаконизму газетного языка. Из этого видимого лексического благополучия вытекают свои нежелательные следствия.

Лишние, до конца понятные в массовой печати лишь немногим специалистам слова, если их можно было бы извлечь из всех текстов газеты, составили бы достаточно обширные собрания. Суммируясь, подобный лексико-терминологический фонд, а по существу балласт, занимает немалое газетное пространство, препятствуя таким образом публикации других материалов, что снижает информативность газеты в целом. Это — с одной стороны.

Другое следствие — собственно лингвистическое. Специализированная лексема связана с трудовой деятельностью человека. Она является наиболее изменяющейся, подвижной частью словарного состава каждого развитого языка, взятого на его определенном историческом этапе. Из этого вытекает, что все актуальные процессы, свойственные лексико-семантическому и лексико-фразеологическому уровню языка, охватывают терминологическую лексику (первичная номинация, переноминация, разные случаи семантического преобразования слов, разные виды фразеологизации и т. п.).

Содержание терминов исключительно многообразно; оно никогда не ограничивается лишь наименованием ведущих понятий той или иной научной или производственно-технической сферы, а включает в себя и название процессов (и занятий), свойств и признаков предметов и явлений, объектов трудовой деятельности, лиц-деятелей и многие другие. Внеязыковая сегментация терминов прямым образом связана с лексико-грамматической структурой терминов[22].

Резкое увеличение лексико-терминологических группировок в современном русском языке, активизация терминоэлементов, сложные процессы стабилизации и пере-

---

[21] Там же, с. 71.

[22] См. подробную классификацию лексических и грамматических разрядов терминов в кн.: *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 35 и след.

распределения смысловой нагрузки терминов, наконец, упорядочение терминологических систем — все это слагаемые той сложной и часто внутренне противоречивой лингвистической картины, которую отмечают языковеды в области специализированного словаря.

Газета, как наиболее приближенный к повседневности вид письменной литературной продукции с ее неоднородным с точки зрения литературного профессионализма авторским составом, невольно вбирает в свою словесную ткань все элементы, лежащие на поверхности изменений в речевой деятельности современных носителей языка.

Единство стиля и общий характер изложения, которым неизбежно подчиняется язык газеты в разных ее жанрах, предполагает гармоническое соединение слов, относящихся к близким функционально-стилевым группам. Специализированная лексика органически сочетается с лексикой абстрактно-книжной, канцелярски-деловой. Эти пласты слов настолько естественно сливаются в единое стилевое целое, что определить, принадлежат ли отдельные элементы к зафиксированным терминам, можно лишь с помощью специальных словарей-справочников. Здесь имеются в виду прежде всего абстрактно-книжные существительные на *-ость: емкость, заповедность* (лесов), *недовзрослость* (детей), на *-ние: заутюживание, одомашнивание* (диких зверей), *опускание* (поршня), *осветление* ‹уничтожение лиственных пород, растущих рядом с елью›, бессуффиксальные отглагольные существительные: *нарыск* (зверя), *отвод* (земель), *отлов, отстрел* (зверей), на *-к: выбраковка* (коров), *непрерывка* (в работе), *оправка, оснастка, отладка* (режима производства), *перекочевка* (диких животных), *прочистка* (лесных зарослей), *утюжка,* на *-ство: грибоводство, муловодство, обустройство,* сложные слова: *ветровал, водовод, гидросмыв, дичеразведение, зубропарк, камнепад, краскопульт, лесоразведение, оленепарк, природолюб, растворонасос, рыбовод,* словосочетания: *газовая горелка, котельное топливо, металлокерамические порошки, методы спекания, молевый сплав, моторное горючее, огневая сушка кормов, окрасочный агрегат, оптимальная численность, плановая эксплуатация, поворотный кран, подъемник на подкрановых путях, прочностные возможности, условное топливо* и т. д.

Сюда же примыкает бурно возрастающая в наши дни лексическая группа названий лиц по профессии, занятиям. Не все наименования этого лексического круга можно

считать терминами; ими будут, как полагают специалисты, лишь такие слова, «которые представляют собой результат специального отбора, имеют установленную форму и строго определенный набор семантических дифференциальных признаков» [23].

Все газеты — и центральные, и отраслевые, и областные/районные — буквально заполнены словами данной лексической группы. Наименования лиц по профессии находят здесь свое место не только в текстовых материалах разных газетных жанров, но и в постоянных рубриках объявлений, таких, как «приглашение на работу и учебу», «учреждению (название) требуются», «куда пойти учиться» и т. п. Понятно специальное назначение этих газетных отделов. Обращение к ним обычно диктуется конкретной целью — получить нужную информацию о трудоустройстве, учебе и т. п. Читающий объявления достаточно хорошо осведомлен в денотативной дифференциации интересующих его наименований. Газета в свою очередь подает эти материалы в том виде, в каком они заказываются ей авторами объявлений. В самом этом лексемном комплексе, если иметь в виду генезис его единиц, скрещиваются критерии терминоведческий и языковедческий, а также экономические соображения. В языковедческом критерии совмещены момент эстетический и момент престижности названия. Авторы этих материалов, руководствуясь стремлением быть понятыми своим читателем до конца, избирают такую форму в наименовании лиц каждой конкретной профессии, которая наилучшим образом отвечала бы нуждам и реальным потребностям их производства. Лингвистическая картина этих списочных сведений пестра, многообразна и отличается большой дробностью наименований. Думается, что извлечения именно из этих рубрик, собранные в специальные картотеки, могут быть приняты во внимание при упорядочении и систематизации «сферы фиксации» терминосистем, при переиздании регулярных алфавитно-справочных пособий с наименованиями лиц по профессии и занятиям, при нормализаторских занятиях лингвистов.

Для исследователя-русиста именно на газетных полосах можно найти многочисленные факты, свидетельству-

---

[23] *Шкатова Л. А.* Толкование лексических значений названий разных лиц по профессии.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов, с. 216.

ющие о том, как пополняется эта группа слов в современном языке и как обновляются и преобразуются былые названия так называемых сквозных профессий (*бухгалтер, инженер, машинист, приемщик, продавец, слесарь, токарь* и т. д.).

В этих обширных и лингвистически разнородных газетных сведениях заключены такие моменты, как характерная для нашего времени узкая специализация профессионально-производственной деятельности человека (внелингвистическая обусловленность) и собственно языковое и терминологическое стабилизирование вплоть до неупорядоченности.

Покажем подобные наименования и наиболее характерные способы их языковой организации.

1. Наименования в конструкции с приложением: *бухгалтер-инвентаризатор*[24], *бухгалтер-финансист, инженер-конструктор, инженер-электрик, кассир-счетовод, контролер-кассир, кузнец-штамповщик, лудильщик-калильщик, мастер-наладчик, мастер-осеменатор* (опытного хозяйства), *машинистка-светокопировщица, механик-наладчик, облицовщик-плиточник, повар-кулинар, приемщик-сдатчик, продавец-консультант, продавец-лоточник, продавец-оформитель* (витрин и торгового зала) (декоратор), *слесарь-инструментальщик, слесарь-монтажник, слесарь-ремонтник, слесарь-сборщик, слесарь-энергомеханик, тракторист-машинист, художник-консультант по интерьеру, чертежник-конструктор, шофер-продавец* (автолавки).

2. Наименования словосочетанием в беспредложной конструкции применного родительного падежа: *бухгалтер расчетной* (или *материальной*) *части, контролер качества, лаборант химического анализа, машинист башенных кранов, машинист бетононасосных установок, машинист компрессорных установок* и *машинист компрессоров передвижных с двигателями внутреннего сгорания, машинист бетононасосных установок, наладчик токарных автоматов и полуавтоматов, обдирщик алмазов, обивщик дверей, огранщик алмазов в бриллианты, парикмахер широкого профиля, портной верхней одежды* (или *легкого платья*), *пошивщица кожгалантереи, прессовщик изделий из пластмассы, разводчик кож, сборщик часов, техник ис-*

---

[24] Приведенные здесь слова выбраны нами по преимуществу из газетных объявлений.

кусственного осеменения крупного рогатого скота, клейщица резиновой обуви.

3. Наименования словосочетанием в предложно-надежных конструкциях: *инженер по технадзору за ведением строительно-монтажных работ, крановщик на козловой кран марки К-161, кровельщик по мягкой кровле, механик по ремонту и обслуживанию холодильных установок, обувщик по пошиву новой обуви, слесарь по вентиляции, слесарь по ремонту гидронасосов, гидроцилиндров, гидрораспределителей.*

4. Наименования сложносокращенными словами: *автокрановщик, автослесарь, ветсанитар, газоэлектросварщик, электромонтажник, электромонтажник по осветительным и силовым сетям и промышленному оборудованию, электромонтер по обслуживанию и ремонту, электрослесарь.*

Даже этот небольшой перечень обнаруживает, насколько пестра и неоднородна лингвистическая картина в данной группе производственно-терминологического словаря (одна из причин активизации в этой области исследовательской работы языковедов) [25]. Только специалист сможет адекватно определить отдельные из приведенных единиц наименования, если они к тому же используются в разных газетах: *механик-наладчик* (Знамя Октября) — *мастер-наладчик* (Сов. Россия); *машинист компрессорных установок — машинист компрессоров передвижных с двигателями внутреннего сгорания* (Зн. Окт.) (нет ли здесь смешения в названиях механизмов по родо-видовому признаку?); *электромонтер — электромонтер по обслуживанию и ремонту* (Зн. Окт.) (не один ли это вид деятельности?), *газоэлектросварщик — электрогазосварщик* (Зн. Окт.).

Как уже было замечено выше, в газетные объявления вкладывается прежде всего утилитарная «забота» — получить такого специалиста, который оптимальным образом смог бы удовлетворить производственные нужды объявляющей организации. Языковое оформление подчиняется этой основной задаче, ср.: Требуется *продавец-оформитель витрин и торгового зала* (декоратор), *художник-консультант по интерьеру, мездрильщик* с умением работать разводчиком и отжимщиком кож (Моск. правда).

---

[25] См. подробнее об этом в статье Л. И. Скворцова в настоящем сборнике.

Приведенные списки наименований лиц по профессии со всей очевидностью показывают, как в них быстро, сиюминутно проявляется внеязыковая динамика, вся текучесть и изменчивость этой области жизни. Об этом красноречиво свидетельствует всевозрастающая группа наименований в конструкции приложения (дефисная орфография), где в сочинительную связь вступают разные по смысловой нагрузке компоненты (*слесарь-сборщик, слесарь-ремонтник*, с одной стороны, и *шофер-продавец, приемщик-сдатчик* — с другой, в которых дифференциальные признаки, связанные с производством, или удваиваются, или сливаются в единое целое). В них же обнаруживаются и случаи своеобразной языковой моды, в основе которой лежит преодоление негативных ассоциаций, запечатленных в том или ином наименовании социально и исторически (таковым можно назвать модное слово *оператор*, относящееся к лицу, выполняющему производственные операции на разных механизированных агрегатах, в том числе и давних).

Обширный и текучий терминологический материал, попадающий на газетную полосу, подтверждает единодушное заключение исследователей о газетном языке как о «функционально-стилевом единстве»[26]. В статьях и заметках, где используется специализированная лексика, ее окружают обычные для газеты легко воспроизводимые словесно-фразеологические единицы и общепринятые синтаксические формы. Изучая, систематизируя и классифицируя устойчивые (шаблонизированные) структуры в газетном языке, специалисты доказывают объективную необходимость применения их[27]. В текстах на профессионально-производственную тематику такими словесными формулами будут: *продукция этого предприятия находит сбыт; линия электропередачи соединила; комплексная механизация всех трудоемких процессов; сдача продукции с первого предъявления; обширная программа работ* (на конференции, на совещании, на пленуме и т. д.); *серьезный разговор зашел о* (фондах, капитальном строительстве и т. д.), *в отрыве от политического воспитания масс; гигант советской энергетики; в основу разработки положен метод; это отрицательно сказывается; возросший уро-*

[26] *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971, с. 18.

[27] *Богуславский В. М.* Семантико-стилистические группы слов в языке газеты. Автореф. канд. дис. Харьков, 1969.

вень промышленности (сельского хозяйства); обсуждение вопроса о повышении качества и многие другие.

Давая общую оценку литературного труда в газете и характера ее публикаций, В. Г. Костомаров пишет: «„Тип мышления", лежащий в основе газетного творчества, несомненно, предопределяет некоторую отрывочность и недостаточность, о которых уже говорилось в связи с неисчерпывающим характером газетной информации. Не профессиональная суть новости делает ее газетной, а общественное звучание. Газета информирует и воздействует, но не занимается отраслевым анализом в строгих терминах и корректной доскональности. Она выявляет общеинтересное, усиливая основные и яркие перспективы, связи, коллизии, новшества и ни на миг не выпуская из виду социальную задачу и идею экспрессивно-воздействующей новости. Для нее важен результат — научное открытие, новая машина и т. д. — в практически значимых чертах. Это, между прочим, наглядно выступает в специфическом использовании специальной терминологии — в комментировании и обыгрывании на месте научного дефинирования в некоторой замкнутой системе. Термины в газетном языке отсылочны и цитатны, они отсылают к чему-то узкоспециальному и вследствие естественного почтения к специалистам достоверному и убеждающему фактом цитаты»[28].

Итак, специальные слова в газете — это своеобразные «цитаты», достоверные и естественно уважаемые читателем инкрустации из языка специалистов. Разбор конкретных примеров в речевой ситуации — «термин и его комментирование», проделанный нами выше, и есть то «комментирование и обыгрывание» — обязательный стилевой прием газетного языка, конечная цель которого либо информировать читателя, либо воздействовать на него, либо и то и другое вместе. Строго научная дефиниция специальных слов в газете этого эффекта дать не может. Недооценка этих необходимых стилевых условий, игнорирование их пишущими в газету имеют отрицательные следствия в ряде моментов.

Общеизвестно, что обилие непонятных слов, перенасыщенность газетного языка ими наносит удар главному назначению газеты — информировать и воздействовать. Это — во-первых.

---

[28] *Костомаров В. Г.* Указ. соч., с. 48—49.

Второй удар наносится самому газетному языку. Лишенная экспрессивных коннотаций, терминологическая лексика в соединении с книжно-отвлеченным и деловым словарем науки, культуры и производства, заключенная в шаблонизированные конструкции газетной фразеологии, превращает всю лексико-фразеологическую ткань газетных публикаций в однообразную и скучную из-за своей малопонятности материю. Такой текст слабо отвечает эстетическим требованиям, хотя газетный язык — это речь письменная, отличительным условием которой и должна бы быть «избираемость форм выражения» (Н. Ю. Шведова).

В-третьих, страдает речевая деятельность всех носителей языка в целом. Пишущий в газету, оперируя безыскусным специализированным лексиконом с его правильной номинативностью, привыкает[29] писать только в такой стилевой манере. О всесильной роли привычки к выбору тех или других слов, привычки, подтверждающей принадлежность пишущего или говорящего к определенной социальной среде и воспитанию, говорил еще В. И. Чернышев, когда касался вопросов стилевого распределения слов русского литературного языка[30].

Такую безликую, маловыразительную речь привыкает воспринимать и читатель газеты. Надо иметь в виду, что письменное слово интуитивно вызывает невольное уважение (почти пиетет) у большинства; повторение его в многотысячных тиражах в газете, общественный авторитет которой весьма высок, по существу является насаждением его в жизнь, в широкое массовое употребление. Идет, таким образом, терминологизация литературного языка со страниц самых массовых письменных изданий его — прессы. А ведь именно газета — это школа литературного мастерства, в ней начинающие писать журналисты оттачивают перо, шлифуют и улучшают свои профессиональные возможности.

Сфера своеязычной терминологии на этой оси пишущий ↔ воспринимающий занимает особое место. Близкие

---

[29] Специалисты по психологической лингвистике выделяют «навык» наряду со «знанием» и «умением» как главные предпосылки, которые обеспечивают человеческую речь (см.: *Верещагин Е. М.* Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов.— ВЯ, 1967, № 6, с. 126).

[30] *Чернышев В. И.* Толковый словарь русского языка (Критический отзыв).— Избр. труды, т. 1. М., 1970, с. 374.

по смыслу к обычным, общеупотребительным словам, они как бы освобождают пишущего от специального их пояснения в тексте, а воспринимающего — от усилий понять их со всей доскональностью и точностью. Ибо и для того и для другого «примерно», «в общем» они понятны. А. А. Реформатский, касаясь генезиса русских терминов, предусматривал возможность именно для своеязычных терминов быть коммуникативно ущербными, когда, исходя из основного, прямого значения, трудно разгадать значение терминологическое [31]. Таким образом, использование целого ряда своеязычных терминов в газетном языке, если они не сопровождаются специальным комментированием, приводит не только к речи сухой и маловыразительной (основная беда, если это иноязычные по происхождению термины), но, как это ни парадоксально, к речи неточной, приблизительной семантически.

Философы и науковеды говорят, что культура — это система запретов. В таком сложном, внутренне противоречивом и постоянно изменчивом организме, каким является нормализованный литературный язык, особенно в его письменно-литературной форме, равновесие между дозволяемым и запрещаемым достигается в повседневной работе; оно связано с преодолением многих трудностей. Овладение культурой речи сопряжено с большими усилиями, постоянной учебой, а если это художественные сферы речи, то с искусством, талантом и профессиональным мастерством.

Язык газеты — это как бы передовой фронт письменного литературного языка. Именно потому, что устоявшиеся, шаблонные схемы в нем совместимы с лексическими и стилистическими неологизмами, здесь и возможен поиск новых форм и новых комбинаций языкового выражения. В этой своеобразной лаборатории литературно-творческого мастерства рождаются лучшие образцы преодоления схематизма и словесного однообразия при встрече с профессионально-терминологической лексикой.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАС — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М., 1948—1965.
БСЭ — Большая советская энциклопедия.

[31] *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955, с. 83.

Вс. радио — Собственноручная запись фрагмента передачи Всесоюзного радио.
В. с. х. сл-рь — Восьмиязычный сельскохозяйственный словарь, т. 1. М., «Колос», 1970.
Зн. незн.— *Гусев В. Г.* Знакомые незнакомцы. М., 1976.
СРДГ — Словарь русских донских говоров, т. 1—3. Ростов н/Д., 1975—1976.
СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1—15. М.— Л., 1965—1979.
Ушаков — Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1935—1940.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ

(на материале космической лексики)

Г. И. Миськевич

«Термины — это не особые слова, а только слова в особой функции».

Г. О. Винокур

«Терминология — это часть словарного состава языка, теснейшим образом связанная с ним, и развивается по тем же законам, что и весь словарный состав».

Ф. П. Сороколетов

Развитие науки и техники в современных условиях требует более активного обращения лингвистов к терминологической работе. Лингвистическое оформление терминов — это именно та область терминологии, которая включается и в сферу задач культуры речи. На чем должны базироваться оценки лингвистов, чем должен определяться языковой анализ общих и частных фактов терминологии, регулирование и упорядочение терминологических систем?

Нам представляется, что исходным, кардинальным моментом, который должен в целом обусловить и подход и метод анализа терминологии, должно быть совершенно отчетливое видение того, каким путем, каким образом формируется, складывается та или иная терминологическая сфера, и прежде всего является ли она итогом сознательной, целенаправленной языковой деятельности или представляет собой результат развития естественно формиру-

ющихся единиц. В первом случае термины должны оцениваться с позиции строгого соответствия системности, логической и языковой обоснованности в зависимости от занимаемого места среди соподчиненных понятий и терминов в системе данной научной или производственной деятельности. Идти в оценке следует от общей организации самой терминосистемы, от идеальных эталонов и по ним «измерять», с ними сопоставлять каждый термин. Во втором случае должны быть выявлены и обнаружены соотношения понятий и знаков в конкретной языковой сфере, раскрыты те объективные внутренние закономерности, которые управляют становлением данной терминологической сферы. В зависимости от этого со всей очевидностью встает необходимость осуществлять разный подход к лингвистическому анализу терминов.

В лингвистической литературе, как известно, равно распространены две прямо противоположные точки зрения на характер формирования терминосистем. Одни исследователи стоят на позиции признания конвенциальности терминосистем, ср.: «...термины не возникают, не появляются, а создаются... терминотворчество в наше время — целиком сознательная языковая деятельность» [1]. Другие исследователи исходят из признания того, что язык терминосистем формируется по законам естественного языка, ср.: «Возникновение новых терминов происходит по тем же законам, что и возникновение новых слов общего языка» [2].

Анализ той или иной терминологической системы и отдельных ее единиц в сфере функционирования, сопоставление полученных характеристик с характеристиками тех же терминов, содержащихся в сфере фиксации [3], долж-

---

[1] *Толикина Е. Н.* Некоторые лингвистические проблемы изучения термина.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Материалы совещания, проведенного Академией наук СССР в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. М., «Наука», 1970, с. 57.

[2] *Сороколетов Ф. П.* История военной лексики в русском языке XI—XVII вв. Л., «Наука», 1970, с. 29.

[3] Термины *сфера фиксации* и *сфера функционирования*, называющие соответственно две области бытования терминологии, предложены В. П. Даниленко в книге «Русская терминология. Опыт лингвистического описания» (М., «Наука», 1977, с. 15 и др.). Выделение двух сфер бытования терминологии — сферы фиксации, представленной специальными терминологическими словарями, сборниками рекомендуемых терминов, терминологическими

ны выявить характер образования и способ становления исследуемой терминологической сферы, обнаружить ту платформу, которая должна быть исходной при выработке всякого рода рекомендаций, касающихся рассматриваемых терминов.

В настоящей статье представлены наблюдения отдельных фактов из области космической терминологии, которая в настоящий период, хотя и находится в стадии формирования, в то же время довольно полно отражена в сфере фиксации. Специфика данной терминосферы определяется тем, что в силу огромного общественного интереса, который вызывает к себе сама космическая область исследования, в силу чрезвычайной актуальности самих реалий, предметов, явлений и процессов термины космонавтики выходят за пределы узкоспециального обращения и получают широкое распространение среди самых различных слоев носителей русского литературного языка, ср.: «Чем актуальнее значимость той или иной профессиональной деятельности в жизни коллектива, чем большее число людей вовлекается в сферу этой деятельности, тем легче и свободнее понятия, явления, действия и процессы, связанные с этой деятельностью, завоевывают всеобщее распространение и известность. Нужды общения приводят к формированию профессиональной лексики, слабо отграниченной от словарного состава других сфер языка» [4].

Космическая терминология, в отличие от многих других терминологических сфер, в своем отношении к словарному составу литературного языка характеризуется отсутствием изолированности, обособленности. Космическая терминология в общем лексическом составе языка не автономна (одним из доказательств, на наш взгляд, может служить очень ранняя по времени фиксация названий понятий, относящихся к области космической терминосферы, словарями общелитературного языка). Свободное и широкое проникновение терминов космонавтики в литературное употребление отмечается в специальном исследовании, посвященном этой терминологической сфере:

ГОСТами, и сферы функционирования, объединяющей термины в их реальной языковой жизни, содержащиеся в специальной литературе — статьях, монографиях, произведениях научно-популярного характера и т. д., представляется принципиальным и перспективным.

[4] *Сороколетов Ф. П.* Указ. соч., с. 4.

«Термины космонавтики разными путями проникают во все стили литературного языка (и прежде всего в газетно-публицистический и научно-популярный жанры литературы), распространяются по многочисленным каналам массовой коммуникации (в различного рода сообщениях газет, журналов, в передачах по радио и телевидению), причем такое распространение характеризуется оперативностью и чрезвычайной широтой» [5].

Такая широкая употребляемость космических терминов в различных жанрах литературного языка, понимаемость их различными слоями носителей литературного языка не ведут, однако, к их детерминологизации. Включаясь в общелитературные контексты, они употребляются, полностью сохраняя свое терминологическое содержание [6]. Именно в силу этой специфики сферой функционирования космической терминологии следует признать как узкоспециальную, так и научно-популярную литературу, статьи в различного рода периодических изданиях — газетах, журналах, обращенных к широкому читателю, и т. п.

В настоящей статье анализируются употребления космических терминов в сфере функционирования, относящиеся к периоду последних двух десятилетий — периоду, когда происходит активное становление средств выражения космических понятий и формирование самой космической терминосферы. Статья содержит анализ некоторых

---

[5] *Пеньковская И. П.* Космическая лексика в русском литературном языке (на материале прессы 60—70-х годов). Канд. дис. Л., 1974, с. 159—160.

[6] Аналогичное явление выхода обширного ряда терминов за пределы узкоспециального обращения, включение их в общелитературное употребление с сохранением при этом терминологических значений исследуются Т. С. Коготковой в сфере общественно-политической терминологии (см.: *Коготкова Т. С.* Из истории формирования общественно-политической терминологии (по материалам последних десятилетий XIX в.).— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971, с. 114—165). В этой же статье автор обращает внимание на то, что исследователи в силу названных особенностей рассматриваемую терминосферу предпочитают называть не общественно-политической терминологией, а общественно-политической *лексикой*. Именно эта же особенность проявляется и при исследовании космической терминологии, которая также именуется исследователями *космической лексикой* (см., например: Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 285, 288 и др.; см. также цитируемую выше работу Н. П. Пеньковской «Космическая лексика в русском литературном языке»).

процессов или особенностей, которые прослеживаются при конкретном анализе отдельных терминов, но которые в целом свидетельствуют об общем характере становления космической терминологии.

В последнее время широкую известность получил взгляд на космическую терминологию как на контролируемую, сознательно регулируемую область терминотворчества, ср.: «Космическая лексика, связанная с научным познанием мира и техническим оснащением этого познания, является примером рационалистического, сознательного словосозидания. Поэтому в целом космические новации в лексике усиливают начало сознательного творчества в словообразовании» [7].

Наблюдения над отдельными звеньями словообразования космической терминологии в сфере функционирования вызывают возражение этой точке зрения, приводят к мысли об отсутствии конвенциальной зависимости терминотворческого процесса. Анализ словообразования космической терминологии позволяет фиксировать отсутствие последовательности, единообразия, языковой логики — отсутствие как бы «генеральной линии» в процессе становления этой терминсферы. Обратимся с этих позиций к анализируемому материалу.

Эпоха расширяющихся и углубляющихся исследований космоса, рождение летательных космических аппаратов определяют появление названий новых научных направлений и областей исследования. Родившаяся научно-техническая дисциплина получает название *космонавтика*. Данное название следует квалифицировать как образование русского языка, возникшее на основе интернациональных морфем — греч. kosmos ‹вселенная› и nautike ‹мореплавание›. Сфера первоначального применения термина — обозначение научной отрасли, связанной с теорией и практическим осуществлением полетов в космос. Ср. первое энциклопедическое определение содержания данного термина: «Космонавтика... наука, изучающая возможности полетов летательных аппаратов в мировом пространстве» [8]. Именно названное реально-понятийное содержание определило и словарное толкование лексического значения слова *космонавтика*, ср.: космонавтика — «полеты

[7] Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 299.
[8] БСЭ. 2-е изд., т. 23, с. 113.

в космич. пространстве; совокупность отраслей науки и техники, обеспечивающих освоение космоса и внеземных объектов» [9]; см. также: «Теория и практика полетов в космос» [10].

Можно привести бесчисленное количество конкретных употреблений термина *космонавтика* в данном значении, например: В настоящее время космонавтика вступила в этап широкого использования результатов исследования космоса для научно-технического прогресса и развития народного хозяйства (Авиация и космонавтика, 1972, № 11, с. 30). Тем не менее как в широком речевом употреблении, так и в узкой специальной сфере термин *космонавтика* начинает расширять сферу своего применения — космонавтикой начинает называться научное направление, осуществляющее исследование внеземных объектов, исследование состояния и происхождения солнечной системы, ср.: Среди первоочередных научных задач космонавтики — исследование современного состояния солнечной системы и ее происхождения, а также ряд задач галактической и внегалактической астрономии (Космонавтика. Маленькая энциклопедия. М., 1970, с. 242); Уже сейчас космонавтика находится на грани непосредственного исследования вещественного состава астероидов, особенно тех из них, орбиты которых проходят в окрестностях Земли (Авиация и космонавтика, 1976, № 5, с. 37).

Следует заметить, что новое значение появилось в нарушение семантических закономерностей, обусловленных словообразовательной структурой слова. В термине *космонавтика* именно обозначение теории и искусства полетов в космосе является структурно мотивированным и определяемым значениями составляющих морфем. Новое значение у слова *космонавтика* стало появляться несмотря на то, что в рассматриваемой терминологической сфере существует название науки о Вселенной — *космология,* которое является структурно и семантически закономерным членом в ряду аналогичных образований и имеет и сложившееся определение обозначаемого научного понятия, и длительную традицию употребления. Расширение семантики, внутреннее семантическое сближение со словом *космология* возникли отчасти, видимо, и под

[9] БСЭ. 3-е изд., т. 13. М., 1973, с. 258; см. также: Советский энциклопедический словарь. М., «Сов. энциклопедия», 1979, с. 645.

[10] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 9-е изд. М., «Сов. энциклопедия», 1972.

влиянием той чрезмерной популярности, которую обрело слово *космонавтика* в современном речевом употреблении.

Так как *космонавтика* как бы частично включило в себя лексическое значение существующего *космология*, оба термина в одном из значений оказались в положении семантических дублетов. Устоявшееся и традиционно утвердившееся в специальной сфере и широком употреблении *космология* начинает в определенных контекстах замещаться *космонавтикой*, сохраняя за собой преимущественно контексты, в которых речь идет о предельно широких и общих исследованиях солнечной системы.

Появление нового значения у термина *космонавтика* вызвало к жизни новые терминологические сочетания, которые разграничивают и фиксируют две сферы, обозначаемые этим термином, ср.: Первоначальное воздействие теоретической космонавтики началось с прикладных наук, а сама практическая космонавтика обязана своим возникновением и развитием прежде всего техническим и другим прикладным наукам (Авиация и космонавтика, 1972, № 8, с. 40).

Приведенный материал показывает, что, хотя термин *космонавтика* и обрел свой статус в сфере фиксации (само понятие определено, термин включен в общие энциклопедии, в отраслевую энциклопедию «Космонавтика», в словари общелитературного языка), продолжается его семантическое развитие — расширение семантического объема, возникновение полисемии. В настоящее время семантический объем термина *космонавтика* не адекватен его семантическому объему, зафиксированному существующими общими и специальными словарями.

Очень интересный материал представляют космические термины с интернациональным элементом *гео-, ге-* (от греч. gē ‘земля’), активно участвующим как при возникновении новых терминов, так и при расширяющемся употреблении существующих, «земных». Этот разряд космических терминов, их употребление, их депотативное содержание убедительно свидетельствуют об отсутствии необходимого структурного единства в образованиях, представляющих космическую терминологию, об отсутствии единых, последовательных закономерностей в «космическом» словообразовании.

В период бурного развития космонавтики запуски космических аппаратов к Луне, Марсу, Венере, начавшиеся прилунения автоматических станций открыли новую эру

в изучении этих небесных тел. Началось комплексное изучение особенностей строения и состава лунной поверхности, структуры и морфологии лунного грунта, поверхности Марса и Венеры.

Образцом для возникающих названий послужило слово *геология,* называющее науку о земной коре, ее составе и строении. Соответствующая область исследования Луны получает аналогичное наименование — *селенология* (соответственно прилагательное *селенологический*). Вышедший в 1968 г. отраслевой словарь космонавтики фиксирует название этой новой области исследования и дает четкое определение содержания самого понятия: «Селенология — раздел планетологии, изучающий литосферу Луны (рельеф, веществ. состав и историю развития лунной литосферы). Главная цель современной селенологии — выяснение истории развития поверхности и литосферы Луны, происхождения кольцевых форм ее рельефа, природы грунтов, оценка их механической прочности» [11]. Ср. также определение содержания этого названия в БСЭ: «Научная дисциплина, посвященная изучению строения и химико-минералогического состава Луны».

Новый термин получает широкое распространение как в сфере специального употребления, так и в текстах научно-популярного характера, ср.: Второй круг вопросов— это селенологические исследования. Для геологов чрезвычайно важно на примере Луны изучить образование гор и других поверхностных формирований без осложняющих обстоятельств (Моск. комсомолец, 1970, 18 нояб.). Вторая, и весьма существенная сторона программы — проведение исследований в таких областях науки, как космическая физика, селенология, астрофизика (Изв., 1971, 11 янв.); ...тесно связаны с чисто селенологическими исследованиями с помощью луноходов и задачи лунной топографии по изучению мелких деталей (Моск. комсомолец, 1970, 18 нояб.).

Исследования аналогичных областей Марса и Венеры не обрели еще таких размеров, не характеризуются той самостоятельностью и автономностью, при которых родившееся направление исследования получает свое наименование. Фиксируются лишь отдельные, как бы случайные обозначения этих пробудившихся направлений ис-

---

[11] Космонавтика. Маленькая энциклопедия. 2-е изд. М., «Сов. энциклопедия», 1970, с. 403.

следования: Уже множатся варианты названий дочерей геологии: селенология (для Луны), ареология (для Марса), афрология (для Венеры). В будущем видятся очертания комплексной науки, изучающей состав, строение и эволюцию планетных тел с обязательным разделом: полезные ископаемые планет Солнечной системы (Труд, 1970, 29 сент.). Приведенные образования представляют собой реализацию потенциальных возможностей функционирующей словообразовательной модели; лексическое наполнение их обусловливается общими закономерностями, характеризующими данную словообразовательную модель в целом, — обозначение наук, изучающих строение небесных тел, названных производящими основами. Удержатся ли они в речевом употреблении, да и вообще будет ли существовать та необходимость в обозначении названных направлений исследования, которая вводит и сами означающие, покажет лишь будущее.

Между тем у термина *селенология* фиксируется появление нового значения — оно начинает употребляться при обозначении собственно строения лунной поверхности, ср.: Общее строение поверхности лунного моря в исследуемом районе является типичным для большинства лунных морей: это мощные излияния базальтовых лав, покрытые сверху рыхлым слоем грунта (реголитом), являющимся продуктом дробления скальных пород в результате различных селенологических процессов (Изв., 1971, 2 февр.); Как предполагается, космонавты будут находиться на Луне за пределами корабля в общей сложности около 7 часов. За это время им предстоит установить на поверхности телевизионную камеру, научные приборы, выполнить селенологическую съемку местности вокруг корабля (Изв., 1970, 14 нояб.). Это значение представляет собой обычный случай метонимического переноса названия, оно появилось у слова *селенология (селенологический)* как бы по аналогии с семантической структурой образца — слова *геология* (ср.: геология: 1. Наука, изучающая состав и строение Земли; 2. Строение земной коры).

С течением времени казалось бы утвердившееся соотношение означаемого и означающего начинает распадаться, устанавливаются новые отношения слова и понятия. Функцию обозначения строения лунной коры берет на себя термин *геология* (соответственно *геологический*), ср.: Совершенно очевидна огромная роль исследования физических условий на Луне, ее рельефа, свойств и состава

лунного грунта, геологии (Правда, 1970, 24 сент.); Мы исследовали грунт, залегающий в разных слоях... Думаю, о значении для науки сегодняшней работы говорить много не надо — она ясна. Хочу только подчеркнуть: столь многогранный и детальный комплексный эксперимент по геологии Луны осуществлен впервые (Комс. правда, 1970, 15 дек.); Было бы очень желательно понаблюдать и за геологическими процессами на Луне (Комс. правда, 1969, 24 июля); Основная цель научных исследований, согласно программе, — изучение геологической структуры поверхности Моря Дождей и не менее загадочного Ущелья Хедли (Неделя, 1971, № 31).

Формируются иные взаимоотношения означаемых и означающих, не аналогичные существующим терминологическим образцам: строение, структура, морфология лунной коры именуется *геологией*, область исследования структуры лунной коры, т. е. геологии Луны, — *селенологией,* ср.: Дело в том, что по механическим свойствам грунта можно судить о характере его формирования и, следовательно, о развитии геологических процессов на Луне, о ее эволюции в целом. А это представляет большой интерес для селенологии (Правда, 1973, 23 янв.).

Утверждаясь в новом значении, термин *геология* (соответственно *геологический*) расширяет сферу своего применения, получает новое семантическое наполнение, начинает обозначать структуру, морфологию коры иных планет (в том числе и Луны). Ср. примеры употребления данного термина для называния строения Марса: Как показал анализ геологической истории Марса, образование кратеров было, по-видимому, основным процессом, формирующим внешний облик значительной части территории планеты (Космические исследования, 1976, № 4, с. 606); Оглядываясь на земной опыт, можно предположить, что специалистам, изучающим геологию Марса, его атмосферу, общие астрономические характеристики планеты — форму, массу, динамику, ее естественных спутников — Фобоса и Деймоса, — результаты экспериментов «Марса-2» и «Марса-3» объективно нужнее (Моск. правда, 1971, 8 дек.). Приведем также примеры употребления термина *геология* (соответственно *геологический*) для называния строения Венеры: станция «Венера-8» обнаружила породу, относительно богатую калием, ураном и торием... Эти данные являются ценным вкладом в изучение геологии Венеры (Правда, 1972, 10 сент.); На Венере

парниковый эффект усиливался в начальной стадии ее геологической эволюции: увеличение температуры приводило к дополнительному выделению углекислого газа и водяного пара в атмосферу, что в свою очередь вело к возрастанию температуры (Правда, 1976, 10 нояб.). И наконец, можно фиксировать контексты, в которых *геология (геологический)* обозначает строение коры планет вообще, ср. официальное название «отдел геологии и морфологии Луны и планет Института космических исследований» (Правда, 1970, 22 сент.); Что может дать науке сравнение геологической истории разных планет? (Изв., 1970, 21 нояб.).

Укрепляющаяся связь *геологии* с новыми означаемыми, возникшая многозначность самого наименования вызывают изменения в сложившейся сочетаемости самого слова: в текстах широкого, неспециального содержания слово *геология*, выступающее в значении, определяемом внутренней формой, начинает употребляться в сочетании с прилагательным *земной*, уточняющим сферу приложения самого названия, ср.: Дальнейшее изучение сходства и различия двух небесных тел — Земли и Луны — позволит нам по-новому взглянуть на земную геологию. Яснее станут некоторые геологические «земные» проблемы, расширятся возможности решения ряда прикладных задач геологии (Веч. Москва, 1970, 26 сент.); Скважина № 200000 открывает новый этап геологического исследования земных недр и должна дать ответ на некоторые еще спорные вопросы (Правда, 1972, 14 нояб.).

Запуски космических аппаратов к планетам Солнечной системы, создание искусственных спутников Луны, Марса, Венеры вызывают необходимость терминации как ближайшей, так и наиболее удаленной от центра планеты, вокруг которой совершается движение, точек на орбитах космических аппаратов. Существовавшие названия этих точек орбиты Луны — соответственно *перигей* и *апогей*, т. е. ближайшая к центру Земли точка лунной орбиты и максимально удаленная от центра Земли [12].

Первые облеты летательных аппаратов вокруг Луны вызывают к жизни новые термины — собственные, изолированные названия ближайшей и наиболее удаленной

---

[12] Об истории слов *перигей* и *апогей* в русском языке см.: *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., «Просвещение», 1973, с. 46—50.

от центра Луны точек орбиты, по которым совершается полет — соответственно *периселений* и *апоселений*, ср.: Параметры орбиты были близки к расчетным. Высота периселения (минимальное удаление от поверхности Луны) составляла 112 километров, высота апоселения (максимальное удаление от поверхности Луны) — 312 километров (Комс. правда, 1968, 25 дек.); 24 апреля в 4 часа 26 минут взлетная ступень стартовала с Луны и вышла на селеноцентрическую орбиту с высотой в апоселении 75, в периселении 16,5 км (Авиация и космонавтика, 1972, № 7, с. 45); Скорость «Аполлона-14» снизилась, и он вышел на близкую к расчетной селеноцентрическую орбиту с высотой периселения 108 км и апоселения 314 км (Авиация и космонавтика, 1971, № 4, с. 45). Оба термина представляют собой образования по «земному» образцу — по аналогии с существующими *перигей* и *апогей (пери-* или *апо-* и название планеты, вокруг которой совершается движение).

Абсолютно закономерным представляется дальнейшее расширение данного словообразовательного ряда, появление новых аналогичных образований при возникающей необходимости в обозначении соответствующих точек орбиты других небесных тел. Так, начавшиеся полеты к Марсу вызвали к жизни новый термин — *периарес* (от греч. названия Марса Arēs), ср.: Поля зрения всех приборов составляют от четверти до одного градуса и при наибольшем приближении к планете — в периаресе принимают излучение участков размером от 6 до 25 километров. С Земли при астрофизических исследованиях Марса удается обычно выделять на Марсе области размером не менее 500 километров (Изв., 1972, 21 марта).

Одновременно с приведенным обозначением появились новые названия ближайшей и наиболее удаленной от центра Марса точек орбиты движения искусственных спутников, образованные иным словообразовательным способом, — *перицентр* и *апоцентр*, ср.: Чтобы облегчить измерения, поле зрения ультрафиолетовых приборов при прохождении спутников в районе перицентра орбиты ориентировано на «горизонт» планеты, т. е. касательно к поверхности Марса (Правда, 1972, 9 янв.); В результате «Марс-2» перешел на пролетную траекторию с расчетной высотой перицентра. Затем в перицентре была включена тормозная двигательная установка, и автоматический посланец Земли вышел на вытянутую эллиптическую

орбиту спутника (Авиация и космонавтика, 1972, № 2, с. 38); В результате проведенного маневра станция «Марс-5» вышла на орбиту искусственного спутника планеты. Параметры орбиты близки к расчетным и составляют: максимальное удаление от поверхности планеты (в апоцентре) — 32 500 километров, минимальное удаление от поверхности планеты (в перицентре) — 1760 километров (Правда, 1974, 14 февр.).

Новые термины разрушили те структурные и семантические особенности, которые, казалось, стали характеристикой данного терминологического ряда: появление названий *периселений* и *апоселений* в ряду *перигей* и *апогей* позволило ожидать в каждом последующем образовании выражения структурной и семантической соотнесенности с собственным названием планет, точки орбит которых будут называться. В новых названиях *перицентр* и *апоцентр* семантическое соотношение составляющих морфем иное: структурно не обозначено само небесное тело, относительно которого называются ближайшая или наиболее удаленная точки орбиты. Новые обозначения активно расширяют сферу своего применения. Осуществление запуска космических аппаратов к Венере утвердило употребление терминов *апоцентр* и *перицентр* для обозначения соответствующих точек движения вокруг Венеры, ср.: ...станции были переведены на пролетные траектории, а затем выведены на орбиты искусственных спутников планеты с параметрами: максимальные удаления от поверхности Венеры (в апоцентрах) — 112 200 и 113 900 километров; минимальные удаления (в перицентрах) — 1510 и 1620 километров (Правда, 1976, 21 февр.).

Обращает на себя внимание тот факт, что новые термины, расширяя сферу своего употребления, начинают вытеснять, казалось бы, утвердившиеся и принятые специальной сферой *апоселений* и *периселений*. Приведем случаи, когда соответствующие точки лунной орбиты терминируются в специальных текстах как *апоцентр* и *перицентр*, ср.: С целью проведения детальной телевизионной съемки выбранных районов лунной поверхности 9 июня в соответствии с программой полета была осуществлена коррекция траектории станции, в результате чего она перешла на эллиптическую орбиту с максимальной высотой над поверхностью Луны (в апоцентре) 244 километра и минимальной высотой над поверхностью Луны (в перицентре) 25 километров (Правда, 1974, 20 июня); 13 июня

после завершения программы телевизионной съемки вновь была проведена коррекция орбиты станции, в результате чего ее апоцентр повысился до 299 километров, а перицентр — до 181 километра. Такая орбита обеспечивает условия для продолжения исследований гравитационного поля Луны, начатых автоматической станцией «Луна-19» в 1971 году (там же).

Приведенный материал позволяет сделать вывод, что термины *апоцентр* и *перицентр* в своей терминосфере в настоящий период развития языка утверждаются как общее, родовое название точек орбиты, наиболее удаленной от того центрального небесного тела, вокруг которого совершается движение (апоцентр), и ближайшей к нему (перицентр). Следует при этом заметить, что «земные» термины *апогей* и *перигей* оказались как бы вне сферы тех изменений, в которые были вовлечены остальные наименования данного тематического ряда. Термины *апоселений — периселений* находятся в одном вариантном ряду с терминами *апоцентр — перицентр*. Для наименования определенных точек орбиты Луны используются как термины *апоселений—периселений*, так и термины *апоцентр — перицентр*. При этом предпочтение, отдаваемое одной из пар наименований, объясняется лишь одним — длительностью традиции употребления терминов *апоселений — периселений*. Употребление же термина *периарес* следует квалифицировать как окказиональное, порожденное закономерностями словообразовательной системы.

Термины с элементом *ге-, гео-*, активно используемым в космическом словообразовании как при возникновении новых терминов, так и при расширяющемся употреблении уже существующих, их денотативное содержание убедительно свидетельствуют о том, что даже в границах одной терминосферы судьба почти каждого члена внутри терминологического словообразовательного ряда складывается индивидуально. Так, вышеприведенный материал показывает, что в терминах *апогей* и *перигей* элемент *ге-* сохраняет свою этимологическую связь с греч. gē и характеризуется тем же семантическим содержанием. Данные термины употребляются только в «земном» применении. Для называния же соответствующих точек орбиты, относящихся к другим небесным телам, используются новые термины — *апоцентр* и *перицентр*. Совершенно по-другому проявляет себя тот же терминоэлемент *гео-* в терминообозначениях структуры, морфологии небесных тел:

«универсальным», вытеснившим все иные названия оказался термин *геология*, который как бы расширил границы своего «земного» применения и стал использоваться для наименования строения, состава именно любого космического тела, в том числе и Земли, при этом элемент *гео-* начал выступать как бы с «погасшим» этимологическим содержанием, утратив тем самым этимологическую связь с греческим источником.

Если обратиться к приводимым названиям наук, то в области этих терминов предстанут прямо противоположные процессы: «земные» термины оказались лишь образцами, эталонами, первыми членами, по образу и подобию которых начали выстраиваться словообразовательные ряды. Так, *геология* (наука, изучающая состав и строение Земли, историю изменений земной коры и органической жизни на ней) порождает *селенологию*, *ареологию*, *венерологию* — названия наук, изучающих строение и состав соответственно Луны (Селена), Марса (Арес) и Венеры. В первом члене данного словообразовательного ряда — *геология* — элемент *гео-* сохраняет свою начальную семантическую характеристику. Обращает на себя внимание факт возникновения нерегулярных структурных и семантических зависимостей: геология — структура коры Луны, селенология — наука, ее изучающая.

Отсутствие последовательности, единого определяющего принципа проявляется и в становлении другой тематической группы — в терминах, составной частью морфологической структуры которых является основа существительного *земля*.

В группе названий колебаний коры различных планет «земной» термин *землетрясение* оказался лишь в положении первого члена расширяющегося словообразовательного ряда; основа *земл-* в термине *землетрясение* сохраняет свою первоначальную семантику. Названные процессы получают свои наименования от названий планет или других небесных тел, где они совершаются. Так, данный словообразовательный ряд, который начинается термином *землетрясение*, включил следующие термины: *лунотрясение*, *венеротрясение*, *звездотрясение*. Ср. контекстные употребления: И лишь как эхо давно прошедших событий на Луне происходят слабые лунотрясения и слабые выделения вулканических газов, которые, как правило, совпадают по времени с действием приливных сил (Изв., 1976, 23 авг.); Пока можно сказать лишь, что кампи молоды,

И, возможно, действует процесс, который их «делает». Какой? Взрывы? Разломы? Венеротрясения? Тогда выходит, что Венера — живая планета (Правда, 1975, 26 окт.); Американцы объясняют ускорение вращения пульсара тем, что его внешняя корка время от времени испытывает звездотрясение, пульсар сжимается, а скорость его вращения увеличивается (Правда, 1974, 6 мая).

Таким образом, при назывании колебаний коры различных небесных тел термин *землетрясение* не был использован как общее, удовлетворяющее во всех случаях наименование. Возник словообразовательный ряд, единицы которого появляются в зависимости от названий небесных тел, в недрах которых наблюдаются процессы «трясения» коры. Возникшие *лунотрясение, венеротрясение, звездотрясение* оказывают определенное влияние на сохранение в производящей основе *земл-* (землетрясение) основного, первоначального значения.

Вместе с тем прямо противоположный процесс происходит с той же основой в другой тематической группе — в обозначениях, называющих процесс опускания на поверхности различных планет, — *приземлиться, приземление*. Семантическая структура приведенных обозначений находится в процессе активного изменения и становления [13]. Данные обозначения утверждаются как номинативные единицы (хотя и не единственные), обозначающие процесс спуска летательных устройств на поверхности различных планет (при этом сама поверхность, на которую совершается спуск, структурно не обозначается). Имеются в виду следующие (и им подобные) употребления: Известно, что «Луна-20» приземлилась в горном труднодоступном районе (речь идет о спуске на Луну. — *Г. М.)* (Комс. правда, 1972, 11 марта); Когда до поверхности планеты оставалось несколько десятков километров, системой автоматики в действие был введен парашют. Как и планировалось, аппарат приземлился на освещенной части Венеры (Веч. Москва, 1972, 24 июля); С посадочного блока космической станции «Викинг-2», приземлившегося на Марсе, поступил ряд цветных фотоснимков (Красная звезда, 1976, 7 сент.).

---

[13] О начальном и последующем периоде употребления названных слов см.: *Земская Е. А.* Как делаются слова. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 10—11; *Миськевич Г. И.* К вопросу о принятии нормой новых слов. Языковая норма и статистика. М., «Наука», 1977, с. 213—217.

Употребление номинативных единиц *приземлиться*, *приземление* в качестве обозначений спуска летательных аппаратов на Луну, Марс, Венеру свидетельствует о «затухании» основного лексического значения у производящей основы *земл-*, о разрыве лексической связи рассматриваемых структур с названием *Земля*. Данный лексический процесс поддерживается употреблениями такого рода, как: На что же похожа эта темная «земля» Луны, которая лежит сейчас на лотке? (Правда, 1976, 26 авг.), когда само слово *земля* начинает обозначать почву, грунт любой планеты, а не только Земли.

Представленный материал может быть рассмотрен и с точки зрения использования в космической терминологии существующих, «земных» терминов. И этот процесс — расширение семантической структуры бытующих земных названий — протекает крайне непоследовательно и неединообразно. Так, при обозначении структуры, морфологии коры различных планет используется «земной» термин *геология*. Соответствующее название науки, исследующей геологию, — *геология* не расширилось за границы «земного» применения. Область изучения геологии каждой планеты получает свою терминацию, определяемую наименованием планеты.

Термины *перигей* и *апогей* остались только в сфере «земного» применения, в то время как ближайшая и наиболее удаленная точки орбиты остальных планет, вокруг которых совершается движение, получили единую, как бы немаркированную терминацию — *перицентр* и *апоцентр*.

При терминации процессов колебаний коры различных планет формируется словообразовательный ряд названий, каждый член которого структурно мотивируется названием соответствующей планеты — *землетрясение, лунотрясение, венеротрясение, звездотрясение,*

В названиях спуска летательных аппаратов на поверхности различных планет земной термин *приземлиться* (и его производные) получает широкое распространение (правда, наряду с такими немаркированными описательными оборотами, как: произвести посадку, опуститься на и т. п.).

Подведем итог сказанному. Специфика, своеобразие космической терминосферы определяется тем, что обозначаемые ею понятия выходят за пределы системы специальных понятий, содержание их обретает широкую из-

вестность и становится частью общеязыковой семантики; сами термины входят в широкое употребление и функционируют как слова общего языка, оставаясь в то же время терминами в своей терминологической системе. Отсутствие замкнутости профессионального терминоупотребления обусловливает связь семантического содержания космических терминов с общеязыковой семантикой. Стихийность, непоследовательность, разнонаправленность, непредсказуемость, отмечаемые как особенности развития отдельных звеньев космической терминологии, свидетельствуют о том, что космическая терминология не представляет собой строгой, последовательной во всех звеньях, выработанной системы, что космическая терминология развивается и функционирует по законам лексических единиц естественного языка, что космические термины живут и развиваются в соответствии с общими языковыми закономерностями, ср.: «Язык дает материал для терминологий, но он же навязывает им принципы своей организации» [14].

Именно признание в космической терминологии языковой сферы, являющейся частью естественного языка, возникающей и развивающейся по его законам, должно явиться тем исходным моментом, который определит языковую политику в отношении данной терминосферы. Проблема регулирования и упорядочения космической терминологии может решаться только на основе всестороннего познания истории самих реалий, глубокого изучения возникновения и развития понятий и их обозначений. Моделирование, узаконивание космических терминов в сфере фиксации должно опираться на те формирующиеся структуры, их лексическое наполнение и денотативное содержание, складывающиеся семантические отношения, которые реально существуют и наблюдаются в сфере функционирования данной терминологии.

---

[14] *Кутина Л. Л.* Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. Материалы совещания, проведенного Академией наук СССР в Ленинграде 30 мая — 2 июня 1967 г. М., «Наука», 1970, с. 89.

О ФОРМИРОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

И. Г. Михайловская

Употребление лексических единиц, преимущественно характерных для определенных функциональных разновидностей, в многообразных подсистемах литературного и, шире, национального языка неизбежно связано с различной реализацией их семантического потенциала. Данное явление принципиально отличается от многозначности терминов, наблюдаемой в терминосферах, где разграничение значений одного и того же слова связано с конкретной научно-производственной и технической областью и как языковое явление рассматривается в общем русле лексической омонимии [1].

Сравнительно с такими терминами особую сложность и специфику имеет круг лексики, который наряду с использованием в общелитературном языке обнаруживает принадлежность к определенной «подсистеме», обслуживающей отдельную практическую область. В этом отношении, в частности, весьма показательна общественно-политическая терминология. Как отмечает Т. С. Коготкова, «одна из причин общепонятности общественно-политической терминологии — действенное использование ее в языке массовой пропаганды и агитации. С этой сферой применения связан и выход общественно-политической терминологии в разговорную (устную) речь, где рассматриваемое свойство общепонятности получает дальнейшее развитие» [2]. Это явление квалифицируется Коготковой как «межфункционально-стилевая омонимия». Наблюдения ав-

[1] Так, В. П. Даниленко приводит целый ряд лексем, обнаруживающих четкую семантико-понятийную дифференциацию в зависимости от их использования в разных терминосферах, например: *морфология* — 1) в естествознании, 2) в языкознании; *допор* — 1) в медицине, 2) в химии, 3) в технике; *ступень* — 1) в музыке, 2) в радиотехнике, 3) в строительстве и т. д. (см.: *Даниленко В. П.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов.— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 18; *Она же.* Лингвистическое изучение терминологии и культура речи.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 307, 315).

[2] *Коготкова Т. С.* Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия».— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 204—215.

тора свидетельствуют о том, что процесс «межфункционально-стилевой омонимии» охватывает не только слова, соотносимые с социально-общественными понятиями, но также железнодорожную и сельскохозяйственную лексику. Положения, высказанные Коготковой, представляются перспективными как в аспекте исследования семантических особенностей той или иной части словарного состава языка в зависимости от функциональной сферы использования, так и в лексикографической работе, где неизбежно встает вопрос о разграничении определений значения слова как единицы языка и его соотношения с обозначаемой дефиницией [3].

В свете приведенных положений известный интерес получает изучение лексики, свойственной юридической сфере, ибо в ней нередко обнаруживается та семантическая и терминологическая «двойственность» лексической единицы, которая, по определению Коготковой, может быть отнесена к «межфункционально-стилевой омонимии». Важно отметить, что названное свойство юридической лексики особо оговаривается в практических рекомендациях юристам, ср.: «Часто в качестве терминов используются не специально образованные слова, а слова и выражения, принадлежащие литературному языку, но получившие профессиональное значение. Это значение, как правило, не совпадает с тем, которое существует в непрофессиональном употреблении. Например, слова *показать, показание, эпизод, привод, задержание, мера пресечения* и др. имеют в юридических текстах вполне определенные значения, отличающиеся от значений и употребления этих слов в других сферах» [4].

---

[3] Различие семантического толкования термина, с одной стороны, и энциклопедического — с другой, подчеркивает Н. З. Котелова: «Термины являются объектом семантического описания толковых словарей и словарей терминологических. Что касается энциклопедий, то в них нивелируются и описываются не языковые знаки, каковыми являются термины, представляющие собой слова и сочетания слов с определенными свойствами, а внеязыковая действительность — люди, предметы, населенные пункты, государства, явления, события, ремесла, отрасли науки и техники и т. д. К словарям обращаются, чтобы получить справку о языке и правильно пользоваться им, к энциклопедиям — чтобы получить справку о действительности» (*Котелова Н. З.* Семантическая характеристика терминов в словарях.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов, с. 30).

[4] *Зубарев В. С., Крысин Л. П., Статкус В. Ф.* Язык и стиль обвинительного заключения. М., 1976, с. 24.

К указанному кругу лексики с полным правом могут быть отнесены однокоренные существительное и глагол *опознание* и *опознать*. В «Юридическом словаре» приводится следующее толкование существительного *опознание* (глагол в данном справочнике не представлен): «*Опознание* — следственное действие, которое заключается в предъявлении свидетелям или обвиняемым человека, трупа или предмета в целях отождествления по образцу, сохранившемуся в памяти опознающего. Перед О. опознающий допрашивается о внешнем виде и особенностях опознаваемого лица, трупа или предмета и об обстоятельствах, при к-рых он их наблюдал, о чем составляется протокол допроса. При О. живых лиц опознаваемое лицо предъявляется вместе с другими в числе не менее трех с учетом их сходства в возрасте, одежде, „словесном портрете". Предмет предъявляется по возможности среди других однородных предметов. Опознающий указывает, опознает ли он какое-л. лицо или предмет и, в положительном случае, — по каким особенностям. О. производится в присутствии двух понятых. О результатах О. составляется протокол» [5].

Почти идентично приведенному толкованию энциклопедическое определение рассматриваемого слова, ср.: «*Опознание, предъявление для опознания,* следственное действие, цель к-рого — предоставить возможность свидетелю (потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому) опознать среди предъявляемых ему лиц, вещей и т. д. объект, наблюдавшийся опознающим в связи с совершенным преступлением или известный ему ранее. Опознающего предварительно допрашивают об обстоятельствах, при которых он видел того или иного человека, предмет, какие факторы способствовали или затрудняли запоминание данного объекта и каковы признаки, позволяющие его опознать. В целях наибольшей достоверности люди, предметы, их фотоснимки и т. п. предъявляются для О. среди сходных с ним объектов. При О. обязательно присутствие понятых. Проведение О. и его результаты фиксируются в протоколе, который рассматривается как одно из доказательств по уголовному делу. Советское уголовно-процессуальное законодательство регламентирует порядок проведения О.» [6].

---

[5] Юридический словарь, т. 2. М., 1956, с. 40—41.
[6] БСЭ. 3-е изд., т. 18. М., «Сов. энциклопедия», 1974, с. 429.

Сопоставление приведенных толкований показывает, что наиболее существенными моментами, общими в обоих случаях, являются: 1) четкое отнесение слова *опознание* к кругу юридической лексики, что подчеркивается, в частности, его определением как «следственного действия»; 2) подробное описание процессуальной стороны данного действия, указание порядка его проведения в судебной (следственной) практике. В этом отношении определения семантики интересующих нас слов в толковых словарях имеют значительное отличие. В первую очередь следует заметить, что развернутыми определениями, как правило, сопровождается однокоренной глагол, но не существительное. В толкованиях постоянно используется глагол *узнать (узнавать)*, сопровождаемый лексико-семантической и грамматической конкретизацией, например: «*Опознавать*... Узнавать кого-, что-либо по каким-либо известным приметам, признакам»[7]; «*опознать*... Узнать по каким-н. признакам, приметам»[8]; «*опознать*... Узнать по каким-н. признакам, приметам, установить тождество кого-чего-н. с кем-чем-н.»[9]. Что касается существительного, то оно единодушно определяется как «*действие по глаг.* опознать».

Однако если в толкованиях значения *опознать* (*опознавать*) наблюдается известное единообразие, то порядок помет, указывающих на жанрово-стилистическую специфику данного глагола, различен. Так, в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова даются две пометы: «офиц. и спец.», а в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова приводится одна — «офиц.» В том и в другом случае пометы предшествуют толкованию значения, тем самым глагол как лексическая единица выражения конкретного понятия полностью отнесен к определенной жанрово-стилистической сфере, характерной главным образом для деловой разновидности русского литературного языка. В «Словаре современного русского литературного языка» помета «спец.» приведена при толковании оттенка значения глагола *опознавать*, который рассматривается как проявление более частного семантического признака по отношению к основному значению,

---

[7] Словарь современного русского литературного языка, т. 8. М., Изд-во АН СССР, 1954, стб. 919.

[8] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1973, с. 414.

[9] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 2. М., 1938, стб. 823.

ср.: «*Спец.* Устанавливать тождество личности или вещей при судебном следствии». В последнем случае вводится элемент, равно характерный для специального и для энциклопедического толкования: указание на судебный характер действия. Однако в специальном и энциклопедическом словарях этот признак характеризует отглагольное существительное, а в толковом словаре он отнесен к глаголу. Более развернутое определение жанрово-стилистической специфики рассматриваемого глагола дается в «Словаре синонимов русского языка», где *опознать* выступает в синонимическом ряду с *узнать, признать, распознать* в значении ‹обнаружить в ком-, чем-л. кого-л. знакомого или что-л. знакомое›: «*Опознать* — официально признать в ком-, чем-л. кого-, что-л., слово имеет терминологический характер, в обиходно-разговорной речи употребляется иногда в том же значении, что *узнать*» [10].

Теснейшая семантическая связь глаголов *узнать — опознать* прослеживается не только в современном русском языке, но и в языке XIX в. Вместе с тем при постоянстве лексикографической параллели *узнать — опознать* примеры употребления второго глагола уже в словарях прошлого столетия отражают такую ситуацию, которая связана с судебным расследованием, например: «*опознавать*, малоупотр. По каким-либо приметам узнавать что. Опознал краденую вещь» [11]; «*опознавать, опознать*... Узнать, признать по памяти или приметам. Я опознал в городе украденную у меня летось лошадь» [12].

Употребление глагола *опознать* в значении ‹узнать по каким-либо признакам, приметам› уходит своими корнями в далекое прошлое. Так, И. И. Срезневский отмечает данное значение у *опознати* в языке повествовательного произведения по списку XV в.: Не в которое время то колѣчко Соломонова жена, а Китоврасова цр҃ца, и *опозна* его, что то колѣчко ее обручалное. Пов. о Китовр. в сп. XV в. [13] Однако в XV в. глагол *опознати* используется

[10] Словарь синонимов русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой, т. 2. Л., 1971, с. 606.

[11] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный, ч. 4. СПб., 1822, стб. 343. В данном словаре слово *опознание* определяется как ‹распознание чего›.

[12] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. СПб., 1881, с. 681. В словаре Даля *опознанье* толкуется как ‹дейст. по гл. на *ть*›.

[13] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка, т. 2. СПб., 1895, стб. 686.

весьма ограниченно; об этом свидетельствует и единственный пример его употребления в «Материалах...» И. И. Срезневского, и данные картотеки Словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР). Но уже начиная с XVI в. глагол *опознати (опознать)* становится более частотным: он фиксируется в таких жанрово разнородных текстах, как былины и деловые акты, например: Тогда ласковой Владимеръ князь велелъ подносить вина имъ заморския, и меда сладкия тотъ часъ по поступкамъ Соловья *опознавали* приводили ево ко княженецкому столу (Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958); а у кого что *опознаютъ* татебное (краденое. — *И. М.)* и тотъ сведетъ сводъ хотя и до десяти сводовъ, и до чеклого татя, а продажы ему въ томъ нѣтъ (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологическою экспедициею имп. Академии наук, т. 1, СПб., 1836).

В рассматриваемый период глагол *опознать* используется в значении 'отличить от чего-, кого-либо, распознать', причем реализация данного значения также не регламентируется жанрово-стилистическими условиями. Ср., например, два контекста, один из которых относится к памятнику деловой письменности, а другой — к житийному: Пеньку получистую и сырецъ вязать на обѣихъ концах куклами, чтобъ потому ихъ отъ чистой пеньки *опознать* было можно бѣ (Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. Изд. имп. АН под ред. Н. Ф. Дубровина, т. 3. СПб., 1891); Богъ же отець его всѣми чтимъ и любимъ, отъ князя честь приемля, бѣ бо воистинну отъ всѣхъ *опознанъ,* яко и правдою украшенъ (Житие преподобного Авраамия Смоленского и службы ему, XIII в. в списке XVI—XVII вв. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1912). Слабая дифференцированность семантической структуры глагола *опознать,* сохранившаяся в более поздний период в русских говорах, отчасти получила отражение при определении этого слова в «Толковом словаре» В. Даля, где приводятся такие семантические параллели, как «проведать», «разузнать», «признать», «открыть» [14].

Картотеки исторических словарей (Институт русского языка АН СССР) не фиксируют однокоренное существительное на *-ние* в языке данного периода. Отмечается

[14] *Даль В.* Указ. соч., с. 681.

лишь единственный случай однокоренного именного образования на *-ка*, близкого по значению существительному *опознание*, ср.: И тотъ Остякъ Анка въ съѣзжей избѣ для *опознанки* ставленъ, и Пось Хульевъ его Анку позналъ, что онъ Анка былъ тутъ съ ними на совѣтѣ въ измѣне (Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. 4. СПб., 1863).

Жанрово-стилистическая расплывчатость глагола *опознать*, отсутствие четких границ в сферах его использования способствуют тому, что даже в XIX в. это слово не является вполне характерным для юридического языка. Показательно, что в речах судебных ораторов и в судебно-деловых текстах, в которых излагаются факты и обстоятельства преступления, вместо *опознать* обычно употребляется глагол *признать (за)*, например: По предъявлении затем отобранных у Мелина, Фагеруса и Кадинского брошки, медальона и портсигара обвиняемому Мироновичу и бывшему конторщику его Илье Беккеру — последние *признали* брошку и медальон *за* несомненно принадлежащие ссудной кассе Мироновича (изложение дела Мироновича, цит. по: *Карабчевский Н. П.* Речи. СПб., 1902, с. 84). Общепринятость *признать (за)* в юридической сфере русского литературного языка конца XIX в. может быть проиллюстрирована сопоставлением двух контекстов, в которых содержится описание одной и той же ситуации; один из контекстов отмечен в изложении судебного дела, другой — в судебной защитительной речи, ср.: Оказалось, что это был студент Московского университета, сын коллежского асессора Алексей Михайлов Данилов. Феллер, Ильин и Шохин положительно *признали* его *за* человека, приезжавшего в магазин Феллера для оценки перстня (изложение дела студента Данилова) (Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах, т. 3. М., 1898, с. 4); Из разных мест получались фотографические карточки заподозренных лиц, и вот, при этих средствах, была добыта фотографическая карточка Кашина, которую Феллер, Шохин и Ильин *признали* сходною с тем лицом, которое являлось не один раз в магазин к Феллеру (речь М. И. Доброхотова в защиту Данилова. — Там же, с. 32).

Еще более показателен пример, где описывается ряд обстоятельств, которые преступники пытались использовать в своих целях и которые сопутствовали процессу опознания: По прошествии некоторого времени Глобо-Ми-

халенко потребовал от него, чтобы он разыскал по крайней мере фотографические карточки этих лиц. Так как непредставление таковых было равносильно новому лишению свободы, то он вместе с Голумбиевским заехал в какую-то фотографию и купил две подходящие карточки. Отклеив снимки их, чтобы не было открыто, где они приобретены, и наклеив снимок на новые картонки, они представили их следователю. Но предварительно они имели свидание с Башкировой, находившейся тогда по болезни под домашним арестом, и убедили ее *признать* только одну из этих карточек. Они учили ее следующим образом: когда ей представят карточку штатского, чтобы она сказала: «похожа, но не могу положительно утверждать», когда же ей предъявят карточку военного, то чтобы она воскликнула: «да, да! это он!» (там же, с. 139). В приведенном контексте отсутствует слово *опознание;* соответствующее следственное действие передается описательно. В качестве семантического эквивалента к *опознать* используется *признать,* причем здесь грамматическая модель употребления *признать* отличается от той, которая фиксируется в приведенном выше примере из изложения дела студента Данилова, ср.: *признать за — признать* кого-л., что-л. Таким образом, предложное сочетание в данном случае уступает место беспредложному, сохраняя управляемое слово в форме вин. падежа. Конструкция *признать* кого—что в значении ‹узнать по внешнему признаку› в современных словарях имеет помету *прост.*[15] или помету *разг.*[16]

В судебной речи наших дней в данной модели глагол *опознать* оттесняет *признать.* Беспредложная конструкция *опознать* с именем в форме им. и вин. падежа становится нормативной, например: Вслед за тем Сазоновой были предъявлены фотографии нескольких человек. Она безошибочно *опознала* Пашкова (речь М. П. Быкова в защиту Дмитриева. — Речи советских адвокатов по уголовным делам. М., 1975, с. 24).

Как правило, описание самого процесса отождествления лица или вещи по определенным приметам, признакам не находит отражения в современной судебной речи; в качестве эквивалента такого описания выступает существительное *опознание,* которое чаще всего используется

---

[15] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд., с. 543.
[16] Словарь синонимов русского языка, т. 2, с. 606.

в конструкции с глаголом *проводить* (обычно в форме страдательного причастия). Указанные конструкции с глаголом *проводить* нередко употребляются в одном контексте с *опознать*. При этом возникает исключающая возможную двусмысленность семантическая координация слов *опознание — опознать*, первое из которых выражает процесс узнавания — отождествления, а второе — «личное» участие в данном процессе человека, привлекаемого по делу (свидетеля, потерпевшего, обвиняемого). .

Отметим, что при введении прямой речи в судебном выступлении имя существительное, как правило, не используется, в то время как формы однокоренного глагола употребляются более свободно, например: В то время у лиц, ведущих расследование, появилось подозрение об участии в этом преступлении Дмитриева. Возникла необходимость в проведении его *опознания*, тем более что Сазонова в своих показаниях от 3 марта заявила: «...второго я вряд ли смогу *опознать*, так как у меня остались в памяти лишь хорошо отглаженные брюки, прямые ноги, серое пальто, мохеровый шарф и серая из кролика шапка» (речь М. П. Быкова в защиту Дмитриева. — Там же, с. 24). Интересно, что в этой же речи содержится квалификация следственного действия, критически оцениваемая защитником, где адвокат М. П. Быков указывает на процессуальное нарушение. Здесь вступает в силу то определение слова *опознание*, которое обусловлено его чисто юридической спецификой, ср.: *Опознание* было проведено, но весьма, я сказал бы, «своеобразно», с грубым нарушением уголовно-процессуального закона. Это *опознание* было проведено в коридоре прокуратуры, куда была приглашена Сазонова. Следователь весьма многозначительно показал глазами на фигуру, стоящую лицом к окну. Таким образом, опознание проводилось по принципу «вид сзади» (речь М. П. Быкова в защиту Дмитриева. — Там же, с. 24).

В публицистической разновидности жанра судебной хроники и судебного очерка анализируемые слова четко обозначают действие при идентификации лиц и предметов, т. е. их употребление полностью отвечает толкованиям, даваемым энциклопедическим и юридическим словарями, например: Светозащитные очки, которые нашли на кухне Ржевской, *опознала* одна из приятельниц Ханенко... Серьги *опознали* многие свидетели (А. Блех, Возмездие. Хроника одного расследования. — Человек и закон, 1976,

№ 3, с. 43); Считанные дни потребовались А. Мирончен-ко, Т. Зубенко и О. Евтушенко, чтобы *опознать* на танц-площадке «двух хулиганов, которые были с Леей» (А. Блех, Следы «Шестого». Хроника одного расследования. — Человек и закон, 1976, № 12, с. 39).

В сфере художественной литературы слова *опознание* и *опознать* в их терминологическом значении отмечаются главным образом в языке произведений, относимых к жанру «милицейской повести». Здесь их использование непосредственно связано с тематической стороной, с обращением авторов к криминалистическому сюжету, к той ситуации, при которой широко употребляется юридическая лексика. В художественном повествовании можно назвать несколько типов подобного употребления. Во-первых, это контексты, характеризующиеся языковой имитацией делового документа. Разумеется, в данном случае автор опирается на подлинную стилевую специфику указанной разновидности литературного языка, в частности используя форму страдательного причастия от глагола *опознать*, например: Сообщение из Москвы гласило: «Фотография убитой Горлиной сослуживцами не *опознана*. Срочно направьте на экспертизу ее паспорт» (А. Адамов, Угол белой стены); Фотография, снятая с паспорта Урушадзе Константина Ревазовича, предъявлена директору завода Пименову, заместителю директора завода Гусеву и начальнику отдела кадров Буряну. Лицо, изображенное на фотокарточке, ими *опознано* — это начальник ОТК фабрики Налбандов Павел Иванович (Ю. Семенов, Огарева, 6). Второй тип определяется тем, что использование рассматриваемых слов наблюдается в составе авторской речи и при этом может сопровождаться репликами персонажей (в жанрах публицистики прямая речь обычно отсутствует в аналогичных случаях), например: Потом Костенко разложил фотографии перед контролером Быковой, и она тоже сразу, без колебаний *опознала* Леньку Самсонова. — Он, прод проклятый, — сказала женщина, — гадюка такая... (Ю. Семенов, Петровка, 38); Костенко позвонил к Садчикову, и тот, взяв с собой Читу, который только перед тем, во время *опознания* его и Сударя работниками лавки и скупки, устроил истерику и рвался ударить Сударя, «как дикого зверя, погубившего его жизнь», срочно выехал в Тарасовку. Сударь, узнав, что они едут в Тарасовку *опознавать* схваченного Прохора, заметно обрадовался, хотя виду старался не подавать (там же).

К третьему типу относятся контексты, в которых *опознать и опознание* включаются в реплики главных действующих лиц повествования, отражая профессиональную речь следователя, например: Он... провел стрелку к следующему кружку: «Семенов» и от него провел стрелку к первому, над которой тоже поставил вопросительный знак. — *Опознание* все-таки неточное, — пояснил он (А. Адамов, Угол белой стены); — Короче говоря, — радостно выпалил Лобанов, — и мамаша и дочка, каждая в отдельности, среди предъявленных им фотографий без колебаний *опознали* Зайчикова (А. Адамов, Дело «пестрых»); Так вот. Сейчас я вам предъявлю для *опознания* фотографию преступника. У него костюм сшит первоклассным мастером (Ю. Семенов, Огарева, 6).

Интересный языковой прием в употреблении существительного *опознание* наблюдается в повести А. и Г. Вайперов «Гонки по вертикали». Герой повести, сотрудник уголовного розыска, описывая внешность женщины (рассказ ведется от первого лица), прибегает к слову *опознание*, но здесь оно не соотносится непосредственно с конкретным следственным действием и является, скорее, не речевым профессионализмом действующего лица, а отражает профессионализм в о с п р и я т и я, ср.: В комнату вошла молодая худенькая женщина из тех, кто доставляет нам самые большие хлопоты при *опознании*, — их лица невозможно вспомнить, расставшись пять минут назад.

Язык «милицейской повести» в целом свидетельствует о том, что употребление слов *опознание* и *опознать* в их терминологическом значении опирается на юридическую сферу, на отображение и изображение известной экстралингвистической ситуации. Таким образом, художественная литература названного жанра способствует не «размыванию» терминологической специфики данных лексем, но, напротив, ее закреплению и устойчивости.

Вместе с тем в одном и том же беллетристическом произведении наряду с *опознать* используется и *узнать*, причем глагол *узнать* выступает как вариант *опознать*, обозначая идентичное действие [17]. Следовательно, в этом

[17] Семантико-понятийная близость *опознать — узнать* способствует употреблению глагола *опознать* в более общем значении ‹узнать›, реализация которого в языке художественной литературы необязательно обусловлена темой и сюжетом «милицейской повести». Так, в Словаре синонимов русского языка приведены

случае не *опознать* выходит за пределы своих терминологических особенностей, а *узнать* испытывает несомненное влияние первого глагола, уподобляясь ему как лексеме юридического языка. Параллельное употребление *узнать—опознать* в одном контексте дифференцируется по признаку «прямая речь — авторская», ср.: Работники скупки и домовой лавки, которые были ограблены восьмого и двенадцатого мая, пришли в управление для того, чтобы *опознать* одного из грабителей. В кабинете у Садчикова посадили трех парней, приглашенных студентов-практикантов из университета... — Вы здесь никого не *узнаете*? — спросил он.— Из тех, что у вас б-были?..— Не *узнаю*, — сказала женщина (Ю. Семенов, Петровка, 38).

Подобная же вариативность может быть отмечена в языке юриста, например в «Записках адвоката» Н. Д. Брауде, жанр которых определяется как «документальная новелла», т. е. относится, скорее, к публицистической разновидности литературного языка. В одной из новелл автор особо акцентирует внимание на том моменте, когда в процессе судебного заседания возникает необходимость отождествления обвиняемого с преступником. Н. Д. Брауде прибегает к почти дословной передаче перекрестного допроса свидетеля о внешности преступника: «Прокурор. В чем он был одет? Савельев. Как я помню, на нем была шапка-ушанка и пиджак, не то полусуконный, не то ватный. Мужчина видный, ростом выше меня. Лицо крупное. Трудно сказать, *узнаю* его или нет... Защитник. Посмотрите на Камбарова. Вы можете точно сказать, что видели именно этого человека на кладбище? Савельев. Точно *признать* не могу». Таким образом, в устной речи человека, не имеющего отношения к юриспруденции, привлеченного к рассмотрению судебного дела, в качестве вариантов к *опознать* выступают *узнать* и *признать*. Однако, передавая содержание своей защитительной речи и специально останавливаясь на показаниях свидетеля Савельева, Н. Д. Брауде использует терминологи-

---

следующие контексты из поэтических и прозаических произведений, иллюстрирующие указанное значение: Когда же из победного похода/В полярный возрожденный городок/Вернулся он к трудам оленевода/И *опознать* знакомых мест не мог (Л. Стекольников, Старожил); Федот еще издали *опознал* своих земляков (Г. Седых, Даурия, ч. 3, XXVI) (см.: Словарь синонимов русского языка, т. 2, с. 606).

ческое *опознать* в таком контексте, который подтверждает смысловую и семантическую соотнесенность слова *опознать* с вариантами *узнать* и *признать*, ср.: Подкрепляя первую часть этой версии, я сослался на то, что студент Савельев в судебном заседании не *опознал* в Камбарове человека, которого он видел на кладбище, а лишь указал на сходство с ним по фигуре [18].

Из сказанного следует, что реализация терминологического значения отдельной лексемы в конкретной общественно-функциональной разновидности языка отнюдь не противоречит тому явлению, когда это слово в своем использовании выходит за пределы характерной для него стилевой сферы. Данный процесс отражает некоторые тенденции языкового движения и развития, при котором «специальное» слово проникает в язык художественной литературы именно в своем терминологическом значении. Это справедливо как в отношении рассмотренного глагола, так и в отношении однокоренного существительного.

В становлении глагола *опознать* как юридического термина значительную роль сыграло его употребление в определенных ситуациях, связанных с внеязыковым фактором, когда наиболее существенным моментом являлся момент отождествления одного предмета (лица) с другим предметом (лицом). Эти ситуации по своему общественно-социальному характеру, как правило, находятся в ведении юриспруденции. Таким образом, слово, выражающее соответствующее действие, является наиболее удобным, наиболее оптимальным с позиций нормативных требований данной сферы. Как свидетельствуют факты истории русского литературного языка, однокоренное существительное появилось значительно позднее, чем глагол, и свою терминологическую специфику приобрело при его непосредственном функциональном и семантическом воздействии.

[18] *Брауде П.* Записки адвоката. М., 1974, с. 152—153.

К ВОПРОСУ О «СПЕЦИАЛЬНЫХ» СЛОВАХ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Н. Г. Михайловская

Проблема соотношения терминологической лексики с общелитературной не имеет однозначного решения. Данное соотношение определяется, с одной стороны, «специальным» назначением слов-терминов, имеющих сравнительно узкую сферу применения, а с другой — универсальностью, практической незамкнутостью использования слов общелитературных. Указывая на сложность этой проблемы, В. П. Даниленко пишет: «При включении терминологии в лексику общелитературного языка теряется ее функциональная и собственно языковая специфика, утрачивается особый критерий ее оценки. Однако и противоположный прием — изъятие терминологии из лексики общелитературного языка и анализ ее вне определенной языковой системы неправилен и также чреват неизбежным искажением фактических процессов, специфических и общих, распространяющихся на терминологию»[1].

Такая постановка вопроса делает целесообразным ограничение исследуемого материала в двух аспектах: 1) в аспекте выбора определенного лексико-семантического единства, включающего единицы терминологические и нетерминологические, что должно способствовать выявлению соотношения лексем по параметру *общелитературное — специальное;* 2) в аспекте обращения к отдельной общественной языковой сфере, функциональной разновидности, что позволит проанализировать те и другие компоненты лексико-семантического единства в плане их употребления, в плане их нормативных характеристик.

В настоящей статье рассматривается лексико-семантическая группа глаголов речи (глаголов dicendi) так, как она реализуется в современных судебных выступлениях.

Указанная группа неоднократно привлекала внимание исследователей и в плане сопоставления семантических структур компонентов, входящих в ее состав, и в плане экспрессивно-эмоциональных дифференциаций, и в плане

---

[1] *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977, с. 7.

функциональных возможностей, обусловленных главным образом стилистическими задачами в текстах художественной литературы. В сфере художественной литературы многообразие и многочисленность членов избранной группы проявляются особенно наглядно, так как здесь взаимодействие компонентов определяется не столько тождеством их семантики, сколько называнием «одного и того же» по разным, иногда противоположным, признакам (например, «шептать» — «кричать»). Таким образом, в отношения контекстуальных вариантов втягиваются глаголы, которые в лексической системе языка могут квалифицироваться как антонимы. Наряду с этим акт речи обозначается также глаголами, выходящими за пределы собственно лексико-семантического единства, соотносимыми с признаками определенной разговорной манеры, с признаками кинетическими[2]. Подобные глаголы, обозначающие не только речевой процесс в прямом смысле, но и различные действия и чувства, нацеленные на передачу внутреннего, душевного состояния, требуют классификации, в основе которой лежат самые различные семантико-понятийные признаки[3]. Однако в любом случае основными компонентами рассматриваемой лексико-семантической группы являются глаголы *говорить* и *сказать*. Статус данных глаголов как стержневых определяется не только их частотностью в литературном языке, но также их стилистической и экспрессивной нейтральностью: при употреблении этих глаголов с эмоциональной установкой они,

---

[2] Так, например, В. А. Витовская в языке романа Л. Леонова «Русский лес» в качестве глаголов речи отмечает такие, как *бросить, шелестеть, махнуть* и др. (см.: *Витовская В. А.* К вопросу о стилистическом использовании глаголов речи в романе Л. Леонова «Русский лес».— В кн.: Вопросы языкознания. Самарканд, 1967, с. 119).

[3] Анализируя глаголы, вводящие прямую речь, в трилогии М. Горького, О. П. Фонякова выделяет следующие шесть групп: 1) собственно глаголы речи («говорения»), выражающие понятие речевого высказывания в своем прямом основном значении; 2) глаголы, обозначающие включение в речевой процесс — беседу, спор, разговор; 3) глаголы звукового выражения, сопровождающего высказывание; 4) глаголы, обозначающие различные чувства и переживания человека; 5) глаголы конкретно-физического действия; 6) глаголы, которые передают начало какого-нибудь действия (см.: *Фонякова О. И.* О полисемии глаголов, вводящих прямую речь, в автобиографической трилогии М. Горького.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 125—128).

как правило, сопровождаются соответствующими словами обычно наречного образования (типа *гневно, визгливо, глухо* и т. д.).

Рассматривая нейтральные глаголы *говорить* и *сказать*, Г. В. Степанова выделяет в семантической структуре первого глагола два типа значений — речевые и неречевые: 1) «пользоваться, владеть речью; выражать мнение, мысли, сообщать факты; произносить что-либо, высказывать, сообщать печатно или письменно; вести разговор, беседовать, разговаривать; толковать, обсуждать»; 2) «внушать, вызывать какие-либо чувства, мысли; подсказывать, предсказывать (о предчувствии и т. п.); свидетельствовать о чем-либо, указывать на что-либо, быть доводом в пользу чего-либо; сказываться, проявляться в чьих-либо действиях, поступках, словах и т. п.»[4] Сопоставление приведенных толкований показывает, что планы «речевого» и «неречевого» очень часто оказываются не изолированными, но взаимопересекающимися, не исключающими друг друга, но, напротив, предполагающими один другой. Ср. два определения: «выражать мнение, мысли, сообщать факты» (речевой план) — «свидетельствовать о чем-либо, указывать на что-либо, быть доводом в пользу чего-либо» (неречевой план). По существу здесь идет речь об определенной информации и об интерпретации этой информации в конкретных условиях текста, создаваемых лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Поскольку «сообщение фактов», а тем более «выражение мнения» имеет определенную целевую установку, постольку функция сообщения связана с функцией воздействия. Эти функции, как указывал В. В. Виноградов, лежат в русле общественного использования языка: «При выделении таких общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие, могли бы быть в общем плане структуры языка разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)»[5].

Данное положение может быть распространено на синтез общественных функций языка в конкретной функцио-

[4] *Степанова Г. В.* Лексико-семантическая группа глаголов речи в современном русском языке. Автореф. канд. дис. М., 1970. с. 9.
[5] *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 5—6.

нальной сфере словоупотребления, в отдельном типе литературного изложения[6]. В этом отношении показательна сфера современной судебной речи, характеризующаяся признаками публицистического и делового стиля и имеющая достаточно четкую и определенную область применения. Глаголы dicendi здесь являются одними из самых употребительных лексических единиц, и потому анализ их использования весьма эффективен для обнаружения их нормативных характеристик и для выявления некоторых специфических свойств судебной речи[7] на лексическом «ярусе» языка.

Широкая употребительность глаголов dicendi в судебных выступлениях адвокатов объясняется в первую очередь тем, что юристы постоянно привлекают свидетельские показания, показания потерпевших и подсудимых, выводы обвинения и т. д. В показаниях содержатся главным образом обстоятельства и факты рассматриваемого дела, и потому их изложение в судебной речи всегда имеет целевую направленность: информационная функция (функция сообщения), выступая в единстве с функцией воздействия, в конечном итоге подчиняется ей.

Глаголы dicendi используются при введении косвенной речи и прямой. Привлеченный материал позволяет выделить следующие глаголы (располагаем их в алфавитном порядке): *говорить, заявить (заявлять), информировать, отмечать, подтвердить, показать (показывать), пояснить, предлагать, рассказать (рассказывать), сказать, сообщить, указать (указывать), утверждать.* При анализе перечисленных глаголов в функции введения прямой или косвенной речи между ними устанавливается определенная дифференциация. Из 13 глаголов (мы не учитываем в данном случае парных образований по виду) прямую речь вводят восемь: *говорить, заявить, подтвердить, показать, предлагать, сказать, сообщить, пояснить,* ср.: Второй уликой была шапка Дмитриева. И в отношении шапки Сазонова *говорила*: «Серая кроличья шапка». Дмитриев *подтвердил:* «Да, я носил кроличью шапку» (25); Она *заявила* в судебном заседании 7 декабря: «Я категорчес-

---

[6] См. об этом: Русский язык в современном мире. М., «Наука», 1974, с. 192—193.

[7] Материалом для настоящей статьи послужили «Речи советских адвокатов по уголовным делам» (М., 1975). В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

ки не могу утверждать, что это был именно Дмитриев» (25); Свидетели *говорят:* «Пила в магазине с грузчиками и шоферами» (80); Товарищ прокурор *предлагает:* «Не обращайте внимания на то, что говорит Лобанов в суде» (9); Прокурор *говорит:* «Лобанов отказывается теперь от своих показаний, стремясь уменьшить объем своего обвинения» (10); Она (свидетель Мурзина.— *Н. М.*), в частности, *сообщила:* «9 апреля утром мы мужа ругали за пьянку. Он сказал, что ничего не может с собой поделать» (162); Мешков *сказал* суду: «Коровина и Миронова я знаю, но с Мироновым у меня ни разу не было разговора про отгрузку пряжи» (138); Гусев *показал* в суде: «Основным потребителем пряжи были наши предприятия» (136); Муханова *пояснила* суду: «Я и Мамедова боялись Норнова» (54).

Наиболее постоянно глагол dicendi используется препозиционно по отношению к вводимой реплике. В редких случаях глагол речи занимает интерпозицию, например: — Пять рублей были оставлены мною, — *сказала* Горина, — для оплаты такси и то потому, что там не было меньшей купюры (37); — Я решил, — *показывает* Никешин, — идти в сберегательную кассу, так как там всегда стоит милиционер, и, если я что-то сделаю, меня задержат (159). В интерпозиции глагол речи может сочетаться со словом *так,* ср.: — Валерия стало сносить течением в основное русло реки, и в этот момент на берегу появился Сергей Ранов, — *так показал* тот же свидетель Ларионов, — Сергей бросился в воду и поплыл по диагонали (119).

Аналогичное употребление отмечено у глагола *говорить,* но здесь следует отметить, что отсутствие кавычек в тексте судебной речи заставляет предполагать не дословную передачу чужой речи, но ее основной смысл и содержание, ср.: Мы многих продавцов заподозрили, *говорит* прокурор, большинство оказалось невиновными... Но часть продавцов уличена — и среди них Светлова. Правда, ее участие в преступлении было сравнительно редким. Но все же оно налицо. *Так говорит* прокурор (5). Необычность приведенного примера для современной судебной речи заключается не только в интерпозиционном использовании *говорить,* но и в стилистической нагрузке, которую несет данный глагол, являясь своеобразной «рамкой» контекста. Намеренно подчеркивая мнение обвинения, защитник в заключительном предложении исполь-

зует наречие *так* в значении «таким образом, не как-нибудь иначе» в сочетании с анализируемым глаголом. Но пунктуационное оформление сочетания *так говорит* отличается от оформления сочетания *так показал*, которое употребляется в функции непосредственного введения прямой речи: сочетание *так говорит* пунктуационно отрывается от передачи прямой речи, приобретая бо́льшую смысловую самостоятельность. Благодаря этому *говорить* отчасти теряет ту нейтральность, которая свойственна ему как единице лексико-семантической системы.

Иногда один и тот же глагол речи при ссылке на показание используется дважды в сравнительно небольшом по объему тексте с целью подчеркнуть важность, достоверность свидетельства для рассматриваемого дела, например: В отношении остальных трех накладных Лобанов *заявил*: «В них я вижу несовмещение, значит, по ним произведен для Светловой отпуск неучтенных мячей»... Вот как он дословно *заявил:* «Неучтенную продукцию Светлова ни разу не получала» (9). Если при первом употреблении глагол *заявить* функционально тождествен другим глаголам, вводящим прямую речь (*сообщить, сказать, говорить* и др.), то во втором употреблении он «обрастает» определениями: *вот как* (в значении указания), *дословно* (в значении «совершенно точно, слово в слово»).

В функции введения косвенной речи зафиксировано семь глаголов: *заявить (заявлять), информировать, отмечать, показать (показывать), рассказать, (рассказывать), указывать, утверждать,* например: Больше того, эти люди *информировали* Порнова, что с документами цехов все в порядке (41); свидетель Кротова *показала,* что когда она вышла на дорогу и у поворота обернулась, то увидела, что дверь магазина пломбировали три человека (19); Прокурор же *отмечает,* что такие доказательства достаточны для осуждения Светловой (10); 9 апреля в 10 час. Никешин был принят начальником отделения милиции, которому откровенно *рассказал,* что в своем увлечении спиртным зашел слишком далеко (159); Он взволнованно *рассказывал* вам, что передумал по этому поводу, как хотел освободиться от куртки, оставить ее в лесу (106); Порнов *указывает,* что погрузочно-разгрузочные работы оплачиваются по бешеным расценкам (46).

В судебном выступлении адвоката один и тот же глагол может использоваться и в ссылке на мнение обвине-

ния, и в ссылке на показания свидетеля или обвиняемого (подобный случай отмечался при введении прямой речи в отношении глагола *говорить*), ср.: 1. Обвинение, исходя из заключения судебно-медицинского эксперта, *заявляет,* что удар автомобилем был нанесен сзади, в спину потерпевшего (67); Кстати, здесь на суде Хельга Оя и Яан Кырге *заявили,* что они любят друг друга (88); 2. Обвинение *утверждает,* что фабрика ежегодно не выполняла план поставки пряжи (135); Кырге *утверждает,* что он хотел напугать Карла Оя и заставить его уйти и поэтому, стоя на крыльце, выстрелил вверх (90).

Сопоставление глаголов по признаку введения прямой речи и косвенной говорит о некотором количественном преобладании лексем, вводящих прямую речь; два члена рассматриваемой группы употребляются и при включении прямой речи, и при включении косвенной — *показать* и *заявить*.

Более расширенные контексты иллюстрируют использование нескольких глаголов dicendi без явных функциональных различий. Это наблюдается в трех типах употребления: 1) при включении прямой речи, 2) при включении косвенной речи, 3) при последовательном чередовании прямой и косвенной речи. 1-й тип: Губин в суде *показал:* «За что платили деньги Порнову — не знаю, он никакой помощи не оказывал. Я даже побаивался Порнова»... Атласин *говорил* в суде: «Ни Одноухов, ни Порнов не знали, что делается в трикотажных цехах» (54); Сидоров *заявляет:* «Безнарядная отгрузка пряжи, на мой взгляд, не является преступлением...» Гусев *показал* в судебном заседании: «Я признаю, что накладывал визы на отпуск пряжи Миронову» (134). 2-й тип: Порнов *показывал,* что он вообще-то знал, что сырье приобретается незаконно, какими-то обходными путями. Конкретизируя эти показания, Порнов *указывал,* что он действительно принимал участие в оформлении документов по этим преступным сделкам и производил оплату счетов (43). 3-й тип: Подсудимые неизменно *показывали,* что они не помышляли о завладении курткой Снежкова. «Нам такое даже в голову не приходило», — *сказал* Петренко (105); Грейдинг *показывал:* «Я установил преступную связь с директором фабрики Мироновым и через него сделал отправки пряжи. За отправку пряжи я давал Миронову из расчета 20—30 коп. за килограмм». На следующем допросе Грейдинг вновь *утверждает,* что, бывая на фабрике Ми-

ронова, установил с ним преступные отношения, платя 20—30 коп. за килограмм пряжи (143).

При последовательном употреблении конструкции, содержащие прямую и косвенную речь, выступают по отношению друг к другу в функции детализации, конкретизации отдельных фактов и обстоятельств судебного дела. Этим объясняется тесная смысловая и понятийная связь глаголов dicendi внутри отдельных фрагментов судебной речи. На этом в значительной степени базируется та возможность лексического варьирования, которая допускает использование одного глагола вместо другого в идентичных условиях контекста. Вместе с тем при классификации глаголов dicendi, основанной на трех признаках: звуковая форма речи; речь как средство сообщения (информационный признак); речь как средство общения (коммуникативный признак) [8], данные глаголы распределяются по разным подгруппам.

Материал, привлеченный в настоящей статье, свидетельствует о том, что в современных судебных выступлениях полностью отсутствуют глаголы, характеризующие звучание речи (типа *басить, тараторить, шепелявить* и т. д.); очень немногочисленны случаи использования глаголов подгруппы «речь как средство общения». Глаголы же, относимые к подгруппе «речь как средство информации», представлены чрезвычайно широко. Однако и эти глаголы не представляют собой лексико-семантического единства в строгом смысле, так как отличаются по отношению друг к другу разными оттенками. Ср., например, следующие определения [9]: *информировать* ‹дать (давать) информацию› (т. е. ‹сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-н.›); *отметить* ‹обратить внимание, указать на кого-что-н., заметить›; *подтвердить* ‹признать правильность чего-н., засвидетельствовать, удостоверить›; *пояснить* ‹сделать более ясным, объяснить, истолковать›; *рассказать* ‹словесно сообщить, сообщить что-н.›; *сообщить* ‹уведомить кого-н. о чем-н., довести до чьего-н. сведения›; *указать* ‹дать узнать, показать, назвать для сведения›.

Семантическая дифференциация на уровне отдельных оттенков приводит к тому, что компоненты подгруппы

---

[8] См. об этом: *Степанова Г. В.* Указ. соч., с. 7.

[9] Толкования значений приводятся по кн.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд., М., 1973.

«речь как средство информации» выступают в качестве членов разных синонимических рядов, причем один и тот же глагол в своих разных значениях фигурирует в нескольких синонимических «сцеплениях». Ср., например, синонимические ряды (толкования приводятся только при глаголах, отмеченных в судебных выступлениях): 1) Свидетельствовать, *указывать*, доказывать, подтверждать, удостоверять, знаменовать, *говорить*. Общее значение синонимов — ‹служить, являться свидетельством, подтверждением и т. п. чего-л., указанием на что-л.›; *указывать* ‹содержать указание на что-л., приметы чего-л.,›; *говорить* ‹содержать указания на что-л., свидетельствовать о чем-л.› [10]; 2) *говорить*, *сообщать*, *заявлять*, высказывать, изрекать, вещать, толковать. Общее значение синонимов — ‹устно сообщать, излагать что-л.›; *говорить* имеет самое широкое значение — ‹вслух выражать свои мысли, впечатления, делать замечания, сообщать, о чем-л.› и т. д.; *сообщать* ‹говорить что-л. о чем-л., чтобы сделать это известным кому-л.›; *заявлять* ‹ставить в известность о чем-л., что для говорящих является решенным, принятым, что реально существует› и т. п. [11]; 3) *сообщить*, известить, оповестить, уведомить, осведомить, *информировать*, проинформировать, довести до сведения. Общее значение синонимов — ‹передать кому-л., какие-л. сведения, известия, поставить в известность, дать знать о чем-л.›; *сообщить* — основное слово для выражения значения... слова *информировать* и *проинформировать* употр. в официально-деловой речи по отношению к передаче сведений, фактов официального характера [12].

Судебное выступление как определенная функциональная разновидность современного литературного языка имеет характерную особенность, заключающуюся в том, что излагаемые факты и обстоятельства с опорой на конкретные свидетельства приобретают официальную направленность. Поэтому не случайно среди глаголов dicendi, вводящих прямую и косвенную речь в тексте выступления судебного оратора, наиболее частотным и употребительным является глагол *показать*, с которым другие глаголы данной лексико-семантической группы вступают в отношения смысловой корреляции (см. приведенные выше

---

[10] См.: Словарь синонимов русского языка. т. 2. Л., 1971. с. 398.
[11] Там же. т. 1. Л., 1970, с. 240.
[12] Там же. т. 2. с. 469.

примеры на совместное использование глаголов в контексте). Данная корреляция еще более подчеркивается при употреблении в контексте существительного *показание*, которым обозначаются те или другие свидетельства, например: В суде Грейдинг *показал* следующее: «Я передал Миронову 5000 руб., сколько у меня попросил Миронов». На предварительном следствии Грейдинг *говорил* о второй сделке с Мироновым, по которой он отдал Миронову за организацию отгрузки 4600 руб. В суде Грейдинг стал уточнять эти *показания*. Он *заявил*... (144); В одном из своих *показаний* Николаев *рассказал*, что после нанесения удара он положил сапожный нож в карман своего пальто... Коля *показал*, что вытер нож носовым платком, а затем перевязал порезанный им палец руки (195). Примечательно, что и существительное *показание* (*показания*), в свою очередь, нередко соотносится по смыслу с существительным *рассказ* для называния «одного и того же», например: Но то, что дальше говорит мой подзащитный, выглядит так же странно, как и его *рассказ* о том, что он сидел в клубе, держа в каждой руке по ножу. Коля рассказывает, что, выставив вперед два ножа, он побежал от клуба к забору... Я не буду пока анализировать *показания* моего подзащитного (189).

Глагол *показать (показывать)* многозначен. Его «юридическое» значение реализуется в конструкциях с союзом *что* и определяется как ‹дать показание›. Его другое значение, характерное для юридической сферы, связано с предложной конструкцией (*показать на кого/что*) и толкуется как ‹дать показание против кого-н.› [13] В привлеченных текстах *показать* во втором значении не зафиксировано. Однокоренное существительное *показание* имеет значение ‹ответ на допросе›. В силу того что реализация указанных значений слов *показать* и *показание* осуществляется главным образом в юридической сфере, эти слова относятся к кругу специальной лексики, обязательной для юридического документа. Так, авторы пособия «Язык и стиль обвинительного заключения» настоятельно рекомендуют придерживаться юридической терминологии в тех случаях, когда литературный язык дает возможность выбора варианта. Они пишут: «Если следователь напишет „во время расспросов“ вместо *во время допроса*, „преступ-

---

[13] *Ожегов С. И.* Указ. соч., с. 504.

нику дали три года“ вместо *преступник приговорен к трем годам*, „беседуя со следователем, обвиняемый рассказал“ вместо *на следствии обвиняемый показал...* то он тем самым выйдет за рамки юридического стиля, „сползет“ в стиль беллетристический, неуместный для обвинительного заключения из-за расплывчатости, неоднозначности выражений» [14].

Ориентация на специальную лексику в юридической сфере опирается в первую очередь на понятийное содержание слова, которое не вполне идентично его семантическому толкованию. При сравнении определения существительного *показание* в толковом словаре и в словаре специальном обнаруживается, что в общелитературном употреблении это слово имеет некоторую семантическую ограниченность, так как здесь оно соотносится с обозначением речевого акта по признаку «вопрос — ответ» (‹ответ на допросе›). В специальном же словаре толкование существительного *показание* разделяется на две статьи, ср.: 1) «показания обвиняемого (подсудимого) — личное объяснение обвиняемого (подсудимого) по существу предъявленного ему обвинения или его сообщение об обстоятельствах расследуемого или рассматриваемого судом дела»; 2) «показания свидетеля — сообщение свидетеля органам расследования или суду в порядке, установленном законом» [15].

Таким образом, обозначение речевого процесса словом *показание* идет не столько по признаку «вопрос — ответ», сколько по признаку информационному. *Показание* может обозначать развернутый рассказ и без предварительных вопросов по существу дела. Именно такое употребление слов *показать* и *показание* характерно для судебной речи.

Как показывает привлеченный материал, в современной судебной речи происходит «перераспределение» глаголов dicendi, когда ведущим компонентом группы оказывается слово, находящееся на периферии лексической системы литературного языка. Его значимость в данной функциональной разновидности определяется не только частотностью, но и общепринятостью в юридической сфере в целом. Общелитературные же глаголы dicendi здесь

---

[14] *Зубарев В. С., Крысин Л. П., Статкус В. Ф.* Язык и стиль обвинительного заключения. М., 1976, с. 24—25.

[15] Юридический словарь, т. 2. М., 1956, с. 147.

испытывают семантическое уподобление ведущему компоненту группы, при котором их дифференциальные оттенки, свойственные им как единицам лексико-семантической системы, нивелируются — и не всегда оправданно. Однако самый факт использования общелитературных лексем наряду со словами терминологического характера существенно отличает судебную речь от других юридических текстов, в частности официально-деловых.

Исходя из того, что судебное выступление является разновидностью публичной речи, оно должно в целом ориентироваться на требования, предъявляемые к ораторскому мастерству. Поэтому опасения некоторой «беллетристичности» или «расплывчатости формулировок» в данном случае излишни. Напротив, злоупотребление терминами, даже при анализе фактов и обстоятельств дела, «сушит» судебную речь, снижает ее убедительность, ее действенную силу, ее эмоциональный накал. Точность и правильность языка судебного выступления зависит не столько от терминов, сколько от целесообразного и умелого использования оратором всех ресурсов литературной лексики.

II

ОРФОГРАФИЯ И ГРАММАТИКА

(на материале терминологической лексики)

Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая

«Всякая система письма будет проста... и легка, если она прозрачна с точки зрения своего построения на одном каком-нибудь принципе», — писал С. П. Обнорский [1]. Единый орфографический принцип, которому подчиняются все или подавляющее большинство написаний, был и остается идеалом лингвистов, занимающихся проблемами орфографии. В основе современной русской орфографии лежит такой единый принцип — фонематический. Однако он определяет написание гласных и согласных внутри слова. Когда же пишущему приходится иметь дело с написаниями слитными, раздельными или дефисными, становится очевидным, что эти написания определяются другими языковыми закономерностями: основой фонематического письма является передача фонем буквами; при слитном, раздельном и дефисном написании речь идет не о фонематических явлениях, а о языковых явлениях иного порядка, которые передаются на письме и иными средствами орфографии, а именно: контактом, дефисом, пробелом. Определить, какие языковые закономерности лежат в основе данного раздела орфографии, и является задачей настоящей работы.

Для того чтобы установить эти языковые закономерности, необходимо было изучить не только теоретические работы по сложным словам и орфографические правила, регламентирующие данный раздел орфографии, но и про-

[1] *Обнорский С. П.* Об установлении единой орфографии и пунктуации русского языка.— Учительская газета, 1939, 11 нояб.; *Он же.* Основные принципы орфографической нормализации.— РЯШ, 1939, № 5—6, с. 5—13.

анализировать орфографическую практику. Из множества орфографически нормированных изданий — газет, журналов, книг, словарей, ГОСТов — в качестве основного источника для своих наблюдений авторы выбрали 3-е издание Большой Советской Энциклопедии. «В самом понятии „Большая Советская Энциклопедия“ уже заключены авторитетность, ответственность, государственность»,— пишет Н. П. Мостовенко[2]. Была осуществлена сплошная выборка сложных слов из 30 томов БСЭ. Она дала возможность составить картотеку, в которой равномерно охвачена терминология всех областей науки, техники, искусства и т. д. в объеме, определяемом задачами БСЭ, рассчитанной на «широкий круг читателей» и обращенной к «читателю-неспециалисту»[3]. Кроме этого основного источника также были использованы: Тезаурус научно-технических терминов (М., 1973), Политехнический словарь (М., 1976), Советская терминология (т. 10. М., 1970), Орфографический морской словарь (М., 1974), Словарь-справочник по медицинской терминологии (М., 1973), Технический словарь по строительству и промышленности строительных материалов (М., 1976), ГОСТы и проекты ГОСТов, присылаемые в Институт русского языка АН СССР на рецензирование с 1972 по 1979 г., а также периодическая печать (центральные газеты за тот же период). По этим источникам была составлена картотека сложных слов, содержащая свыше 60 тыс. карточек.

Такой объем материала позволил авторам достаточно тщательно изучить орфографическую практику и в ряде случаев прийти к оправданным рекомендациям, вытекающим из языковых закономерностей. К рассматриваемому разделу орфографии вполне могут быть отнесены слова: «Одновременно с сознательным строительством русской орфографии на научной базе протекал процесс ее стихийного преобразования, когда практическое осуществление новшеств опережало теоретические рекомендации. Только для поверхностного взгляда этот стихийный процесс, зачастую идущий вопреки строгим правилам и регламентациям, может показаться анархически бессодержательным. Множество частных изменений объединяется в единонаправленное, целостное движение русской орфографии.

[2] *Мостовенко П. П.* Дефиниция в советских универсальных энциклопедиях.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976, с. 121.

[3] Там же, с. 122, 124.

Орфографические рекомендации даже весьма авторитетных лиц оказывались безрезультатными, если они явно шли наперекор этой стихийной, внутренне определенной тенденции в развитии русского письма» [4].

I. Наблюдение за «стихийной, внутренне определенной тенденцией» в группе слитных, дефисных и раздельных написаний особенно показательно тогда, когда какое-либо языковое явление, будучи достаточно распространенным, существует в письменной практике, не имея орфографических правил.

Остановимся на весьма разнородной группе слов, в которой при существующем орфографическом разнобое трудно найти объединяющее ее общеязыковое основание. Речь идет о словах типа *брутто-вес, нетто-вес, экспресс-лаборатория, экспресс-анализ, экспресс-информация, мини-куры, мини-мода, часы-пик, форма хаки, коми язык* и др.

Эта очень продуктивная категория, получившая преимущественное распространение в терминологической сфере языка, наиболее полно описана в фундаментальном труде «Русский язык и советское общество» в книге «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» [5]. Речь идет о новом грамматическом классе слов, который не регулируется действующими орфографическими правилами. Класс продуктивный, правил нет, но орфографическая фиксация наличествует. Попытаемся проанализировать орфографическую практику. При поверхностном взгляде на этот материал обнаруживается полнейший разнобой в его орфографическом оформлении. Одновременно можно встретить *коми язык, комиязык, коми-язык, часы «пик», часы-пик, часы пик* и др. [6]

Однако при более внимательном изучении наблюдаемого материала можно в этом разнобое увидеть определенный порядок. Решающим для орфографического оформ-

---

[4] Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии. М., 1965, с. 19—20.

[5] Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968, с. 105—135.

[6] Показательным в смысле орфографического оформления этой группы слов является, в частности, и материал в указанном разделе монографии «Русский язык и советское общество»: авторов монографии не интересовало написание изучаемой группы слов, в иллюстративном материале они сохраняли написание источников.

ления оказалось положение несклоняемого определения по отношению к определяемому слову: несогласованное несклоняемое определение может стоять после определяемого слова или перед ним. В положении после определяемого слова преимущественно встречается раздельное написание, т. е. пишется: *брюки гольф, часы пик, вес брутто, цвет электрик, пальто реглан, каюта люкс, стиль модерн, язык хинди, суп харчо, бобы какао* и т. п. В положении перед определяемым словом преимущественно встречается дефисное написание: *экспресс-анализ, экспресс-диагностика, экспресс-интервью, экспресс-информация, экспресс-лаборатория, экспресс-метод, экспресс-методика, экспресс-протезирование, коми-язык, коми-литература, коми-заимствование, брутто-вес, нетто-вес, какао-паста, какао-порошок* и т. п.

Такое орфографическое разграничение соответствует грамматической сущности явления: постпозиция для рассматриваемого типа является нормальным, «прямым» порядком слов, ср.: *пальто ученика, публика амфитеатра* и *пальто беж, язык хинди*. Этот нормальный порядок слов для несогласованных несклоняемых определений орфографически оформляется раздельным написанием. Когда же такое несклоняемое определение находится перед определяемым словом, то этот инвертивный для него порядок слов оформляется дефисным написанием. Сформулированный орфографический принцип распространяется на достаточно широкий круг, казалось бы, разноструктурных языковых явлений. Так, ими определяется написание на наших глазах возникшей группы слов с *мини-, миди-, макси-*: мини-альпинарий (Наука и жизнь, 1975, № 6, с. 151), мини-арт (БСЭ, т. 16, стб. 1196), мини-баскетбол (Сов. спорт, 1973, 23 янв.), мини-диктофон (Неделя, 1975, № 22), мини-Европа (Изв., 1971, 21 дек.), мини-длина (Силуэт, 1972, № 3, с. 52), мини-компьютер (Наука и жизнь, 1973, № 3, с. 100; 1975, № 8, с. 8), мини-конкурс (Неделя, 1975, № 29), мини-кроссворд (Наука и жизнь, 1975, № 1, с. 153), мини-куры (проект ГОСТа), мини-матч (Комс. правда, 1975, 15 июня), мини-метеорит (Знание — сила, 1976, № 2, с. 23), мини-платформа (Изв., 1973, 23 февр.), мини-рация (Неделя, 1975, № 22), мини-рецензия (Сов. экран, 1973, № 1), мини-станция (Изв., 1976, 29 июля), мини-фактор (проект ГОСТа), мини-фотоаппарат (Наука и жизнь, 1973, № 3, с. 100), мини-футбол (Веч. Москва, 1975, 19 мая), мини-юм (раздел в

журн. «Юность»), мини-цитаты (Современная русская лексикография, 1976. Л., 1977, с. 34). Ограничимся приведенными примерами, хотя ими не исчерпывается материал в группе слов с *мини-, миди-, макси-* в картотеке.

Показательно, что в то время, когда исследователи еще не пришли к единому мнению в трактовке явлений типа *мини-, миди-, макси-* (приставка это или что-либо другое) [7], орфографическая практика уже определила грамматическую сущность рассматриваемой группы слов. В языке части *мини-, миди-, макси-* ведут себя так же, как рассмотренные выше аналитические прилагательные (типа *брутто-вес, вес брутто*), поскольку они свободно употребляются в постпозиции по отношению к определяемому слову.

К группе аналитических прилагательных могут быть отнесены и образования типа «СВЧ-лучи», «лучи СВЧ». Картотека позволяет судить о многочисленности и разнообразии этой группы, а также о том, что после неизбежных орфографических колебаний возобладал принцип орфографического оформления аналитических прилагательных: в препозитивном употреблении — дефис, в постпозитивном — раздельное написание. Приведем достаточно большое количество примеров, чтобы показать разнообразие и употребительность этой терминологической группы, в которую включаются сочетания двух или более букв латинского и русского алфавитов: CH_3-группа (БСЭ, т. 19, стб. 1194), SO_4-тетраэдр (БСЭ, т. 25, стб. 1247), QSL-карточка (БСЭ, т. 11, стб. 1444), NCO-группы (БСЭ, т. 21, стб. 665), OH-группа (БСЭ, т. 18, стб. 84; т. 24, кн. I, стб. 971; т. 19, стб. 1428), CN-цикл (БСЭ, т. 25, стб. 1485), CNO-цикл (БСЭ, т. 17, стб. 1256), DL-формы (БСЭ, т. 21, стб. 211), CH-группа (БСЭ, т. 12, стб. 1121), ИК-спектры (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 876); ИК-флуоресценция (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 883), ИК-поглощение (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 884), ИК-излучение (БСЭ, т. 16, стб. 1369), ИК-область (БСЭ, т. 16, стб. 1369), ИК-спектрометры (БСЭ, т. 16, стб. 1369), ИК-спектр (Проект ГОСТа), ИК-телескоп-спектрометр [ср. в ином на-

---

[7] Ср.: *Миськевич Г. И., Чельцова Л. К.* К вопросу об орфографии новых слов (на материале существительных с *мини-, миди-, макси-*).— В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания. М., 1974; *Голанова Е. И.* Слитное и дефисное написание препозитивных морфем в современном русском языке (на материале имен существительных).— Там же.

писании: (ИК) области (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 870), ИК лучи (Наука и жизнь, 1975, № 3, с. 74)]; СРТ-инвариантность (БСЭ, т. 18, стб. 668; т. 25, стб. 1288), СРТ-неинвариантность (БСЭ, т. 25, стб. 1288), СРТ-преобразование (БСЭ, т. 25, стб. 1287), СРТ-теорема (БСЭ, т. 18, стб. 668); МГД-установка (БСЭ, т. 25, стб. 1382), МГД-генератор (БСЭ, т. 19, стб. 1802; т. 25, стб. 1382), МГД-насос (БСЭ, т. 13, стб. 47), МГД-электростанция, МГД-преобразование (Изв., 1976, 20 сент.), МПД-транзистор (БСЭ, т. 21, стб. 525), МПД-генератор (БСЭ, т. 17, стб. 220); ВЭД-линии (проект ГОСТа); ОНЧ-излучение (БСЭ, т. 20, стб. 1005); ЭПУ-автомат (проект ГОСТа); УФ-квант, УФ-свет (БСЭ, т. 22, стб. 88), УФ-лучи (проект ГОСТа), УФ-спектры (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 556); ЛОР-онкология (БСЭ, т. 19, стб. 6); СВЧ-устройства (БСЭ, т. 15, стб. 460), СВЧ-мощность (проект ГОСТа), СВЧ-электрод (проект ГОСТа), СВЧ-разряд (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 882), СВЧ-колебания (проект ГОСТа), СВЧ-поле, СВЧ-импульсы (проект ГОСТа), СВЧ-фотопроводимость (Веч. Москва, 1971, 27 мая). Ср. в ином написании: СВЧ диапазон (БСЭ, т. 22, стб. 1171), СВЧ колебания (БСЭ, т. 25, стб. 976), СВЧ плазмотрон (БСЭ, т. 19, стб. 1808), СВЧ энергия (БСЭ, т. 20, стб. 26), СВЧ генератор (БСЭ, т. 11, стб. 1065), СВЧ мосты, СВЧ гироскопы, СВЧ оборудование (Тезаурус научно-технич. терминов, с. 309), СВЧ схема, СВЧ энергия (проект ГОСТа), СВЧ генератор (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 1159).

Когда же буквенные сочетания стоят после определяемых слов, они, как правило, не испытывают колебаний в написании и пишутся раздельно, например: генератор СВЧ (проект ГОСТа), схема СВЧ (проект ГОСТа), радиоприемники СВЧ, диапазон СВЧ (БСЭ, т. 11, стб. 1773), колебания СВЧ (БСЭ, т. 18, стб. 860), устройства СВЧ (БСЭ, т. 21, стб. 735), фильтр СВЧ (проект ГОСТа), устройство АРУ (проект ГОСТа), фильтр RC (проект ГОСТа), фильтр LC (проект ГОСТа).

Наиболее наглядно демонстрируют сформулированное выше орфографическое правило такие случаи, как: теорема СРМ, но СРМ-теорема (БСЭ, т. 25, стб. 1287); СВЧ-устройства (БСЭ, т. 15, стб. 460), но устройства СВЧ (БСЭ, т. 21, стб. 735); СВЧ-колебания (проект ГОСТа) и колебания СВЧ (БСЭ, т. 18, стб. 860) и т. д.

В группе написаний с буквенными сочетаниями следует выделить образования со второй частью — причасти-

ем. Грамматическая специфичность подобных образований заключается в невозможности употребления буквенных сочетаний в постпозиции по отношению к причастным формам в пределах сложного слова: РНК-содержащий (БСЭ, т. 22, стб. 81; т. 18, стб. 1368; т. 16, стб. 1347, 1350), ДНК-зависимый (БСЭ, т. 22, стб. 236), ИК-излучающие лазеры (БСЭ, т. 27, стб. 1725). По своей грамматической природе эти образования аналогичны образованиям типа *фосфорсодержащий, азотфиксирующий* и др. Постпозитивное употребление возможно лишь в свободном сочетании, ср.: *фиксирующий азот, содержащий фосфор* и др. Итак, *РНК-содержащий* — это то же, что *фосфорсодержащий*. Однако по преимуществу образования, содержащие буквенные сочетания плюс причастную форму, пишутся через дефис (правда, в журн. «Наука и жизнь», 1974, № 3, на с. 65 встретилось слитное написание *РНКсодержащий, ДНКсодержащий*). Дефисное написание может быть объяснено двумя причинами: во-первых, сложившейся орфографической практикой для группы слов с буквенными сочетаниями (ср.: *ИК-лучи, ИК-техника, ИК-термальная аэросъемка* и *ИК-излучающие лазеры*) и, во-вторых, графическим неудобством: в русской графике по преимуществу используется только одна прописная буква в начале слова (появившиеся в последнее время сложносокращенные слова типа *БелАз, НИИгаз, ПечорНИИнефть* и др. принадлежат к другому типу образований). Таким образом, на наш взгляд, логично сохранить дефисное написание и в группе буквенных сочетаний с причастием. Следует отметить, что группа сложных слов с буквенными сочетаниями продуктивна (в частности, это демонстрируется приведенным здесь материалом) и соединяется с разными частями речи: существительными, прилагательными и причастиями.

К обширной группе несклоняемых аналитических прилагательных целесообразно отнести и образования типа: ферми-система (БСЭ, т. 16, стб. 608), ферми-сфера (БСЭ, т. 27, стб. 908), ферми-частица, ферми-уровень (БСЭ, т. 27, стб. 910), бозе-газ (БСЭ, т. 3, стб. 1381), бозе-жидкость (БСЭ, т. 11, стб. 1701), бозе-конденсат (БСЭ, т. 11, стб. 1702), бозе-система (БСЭ, т. 11, стб. 1727), бозе-частица (БСЭ, т. 3, стб. 1382), фурье-спектроскопия (БСЭ, т. 17, стб. 1319), фурье-спектрометры (БСЭ, т. 16, стб. 1369) и т. д.

В приведенных примерах *Ферми*, *Бозе*, *Фурье* и др.— несклоняемые имена собственные. Они могут стоять перед определяемым словом или после него: *ферми-поверхности* и *поверхности Ферми* (БСЭ, т. 27, стб. 1112); *фурье-синтез* и *синтез Фурье* (БСЭ, т. 17, стб. 1291); *карно-цикл* и *циклы Карно* (БСЭ, т. 25, стб. 1432).

Образования типа *ферми-поверхности* и *поверхности Ферми* представляют собой частный случай более обширной и весьма распространенной в терминологии группы, включающей одно или несколько имен собственных (склоняемых или несклоняемых) плюс определяемое слово: Холла эффект (БСЭ, т. 25, стб. 1525), Тиндаля эффект (БСЭ, т. 25, стб. 1664), Доплера эффект (БСЭ, т. 11, стб. 1784), Римана интеграл, Римана сфера и сфера Римана (БСЭ, т. 22, стб. 333), ряд Маклорена и Маклорена ряд (БСЭ, т. 25, стб. 1065), эффект Зеебека (БСЭ, т. 25, стб. 1459), эффект Дюфура (БСЭ, т. 25, стб. 1437), Шпольского эффект и спектры Шпольского (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 885); Бозе—Эйнштейна статистика, Ферми—Дирака статистика (БСЭ, т. 27, стб. 1008), Кюри—Вейса закон (БСЭ, т. 27, стб. 938), эффект Черенкова—Вавилова (БСЭ, т. 27, стб. 1111), Риги—Ледюка эффект (БСЭ, т. 22, стб. 251), Джоуля—Томсона эффект (БСЭ, т. 25, стб. 1491), процесс Джоуля—Томсона (БСЭ, т. 25, стб. 1491).

Если имя собственное имеет склоняемую форму, то речь идет о свободном словосочетании, где отношения между членами выражены флексией. Когда же имя собственное имеет несклоняемую форму, то по своей морфологической природе оно становится в ряд с аналитическим прилагательным, и соответственно его написание зависит от места несклоняемого имени собственного по отношению к определяемому им слову. Итак, отсутствие форм склонения имени собственного в препозитивном положении диктует его дефисное написание с определяемым существительным.

До сих пор мы говорили о морфологически несклоняемых именах собственных (т. е. оканчивающихся на *-о*, *-е*, *-и*, *-у*, *-а* ударное). Близки к рассмотренной группе и словосочетания, в которых в качестве определения используется склоняемое имя собственное, но употребляющееся в данном словосочетании в несклоняемой форме. И в этом случае отсутствие склонения орфографически выражается дефисом: кроппинг-процесс (БСЭ, т. 14,

стб. 1515), джонсон-эффект (Научно-технич. терминология, X, с. 56), адамар-спектрометры (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 876), маммут-насос (ср. насос Маммута) (БСЭ, т. 17, стб. 900).

Отсутствие орфографических правил для рассмотренной группы не могло не сказаться на орфографической практике. Собранный материал позволяет говорить о том, что в большинстве случаев еще не сформулированное правило соблюдается пишущими. При этом, естественно, встречаются и орфографические колебания, ср. фурье-преобразование (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 869), фурье-спектрометры (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 869), фурье-спектроскопия (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 869; т. 17, стб. 1319), фурье-компонент (БСЭ, т. 27, стб. 1500) и фурье ряд (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 865); ферми-уровень (БСЭ, т. 27, стб. 910), ферми-частица (БСЭ, т. 27, стб. 910), ферми-ОН (БСЭ, т. 27, стб. 910) и ферми поверхность (БСЭ, т. 27, стб. 1112).

По нашим наблюдениям, колебания чаще встречаются в сочетаниях, имеющих единичный характер, например: Риккати уравнение (БСЭ, т. 27, стб. 264), Бернулли уравнение (БСЭ, т. 22, стб. 2611), Паули принцип (БСЭ, т. 25, стб. 956), Соре эффект (БСЭ, т. 24, кн. I, стб. 565) [8].

Итак, орфография позволяет объединить в одну группу на первый взгляд разнородные явления, такие, как *брутто-вес, каюта люкс, мини-компьютер, СВЧ-излучение, ферми-частица, поверхность Ферми,* на основании двух общих грамматических показателей — неизменяемости определяющего слова и его места по отношению к определяемому. Грамматические показатели позволяют сформулировать единое непротиворечивое орфографическое правило.

---

[8] Поскольку в образования рассмотренного выше типа включаются имена собственные, то, естественно, встает вопрос о написании в них прописной буквы. В орфографической практике нет последовательности в написании данных образований со строчной или прописной буквы. Если регламентировать орфографическую практику, то образования, в которых имена собственные предшествуют определяемому слову и пишутся через дефис, следует писать со строчной буквы, поскольку они представляют собой сложные прилагательные и имя собственное теряет в них свою самостоятельность; в образованиях же, где имена собственные пишутся раздельно, их следует давать с прописной буквы: кюри-терапия, бозе жидкость, маммут насос, но эффект Тиндаля, жидкость Бозе и т. д.

II. Выше говорилось о наблюдении за орфографической практикой в тех случаях, когда орфографические правила не сформулированы. Но не менее важно наблюдать орфографическую практику и тогда, когда правила существуют, а орфографическая практика им не подчиняется. Речь пойдет о написании сложных прилагательных [9]. «Если первая часть сложного прилагательного имеет формально выраженную основу прилагательного, словообразовательно — наличие суффикса, то ее самостоятельность на письме выражается дефисным написанием, если же первая часть сложного прилагательного лишена формальных признаков прилагательного, то ее несамостоятельность выражается на письме в слитном написании» [10]. Практически это правило было реализовано в опыте словаря-справочника «Слитно или раздельно?» [11] Однако реализация правила была проведена в словаре недостаточно последовательно в силу ряда объективных причин. Новая картотека сложных слов (60 000 карточек) и специальная картотека разнописаний (3000 карточек) убеждают, что в орфографической практике найденный принцип написания сложных прилагательных проводится последовательнее, чем это сделано в словаре «Слитно или раздельно?»

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что допущенные в словаре отступления от приведенного выше орфографического правила, нарушившие логику и единообразие рекомендаций, оказались неоправданными. Продемонстрируем это достаточно большим количеством примеров: безусловно-рефлекторный (БСЭ, т. 29, стб. 349), бумажно-слоистый (БСЭ, т. 18, стб. 1811), бумажно-денежный (БСЭ, т. 4, стб. 826), видовременной (Веч. Москва, 1970, 30 сент.), винно-кислый (БСЭ, т. 2, стб. 273), влажно-субтропический (БСЭ, т. 1, стб. 758), влажно-тропический (БСЭ, т. 12, стб. 110), влажно-экваториальный (БСЭ, т. 22, стб. 1709), водно-спортивный (БСЭ, т. 12, стб. 961; Изв., 1978, 17 июля), восточно-славянский (БСЭ,

---

[9] Правило о написании сложных прилагательных было сформулировано в работах: *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов.— В кн.: Нерешенные вопросы русского правописания; *Они же.* Сложные слова. М., 1974.

[10] *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Сложные слова, с. 33.

[11] Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. М., 1972; 2 е, стереотипное изд. М., 1976.

т. 25, стб. 1619; т. 3, стб. 1701), восточно-азиатский (БСЭ, т. 10, стб. 979; т. 9, стб. 995), геолого-изыскательский (БСЭ, т. 10, стб. 1615), геолого-промысловый (Веч. Москва, 1972, 13 июня; проект ГОСТа), геолого-разведочный (БСЭ, т. 14, стб. 707; т. 21, стб. 329), геолого-съемочный (БСЭ, т. 21, стб. 471), горно-егерский (БСЭ, т. 19, стб. 1485), горно-ледниковый (БСЭ, т. 1, стб. 256; т. 20, стб. 857; т. 5, стб. 1209), горно-пехотный (БСЭ, т. 10, стб. 641; т. 1, стб. 1406; т. 3, стб. 509), горно-рудный (проект ГОСТа), горно-технический (БСЭ, т. 7, стб. 285; т. 1, стб. 570), горно-спасательный (БСЭ, т. 7, стб. 288), древесно-слоистый (БСЭ, т. 19, стб. 1911), древесно-стружечный (Неделя, 1975, № 29), древесно-волокнистый (Неделя, 1975, № 29), естественно-исторический (БСЭ, т. 3, стб. 280, 992, 996, 1020; т. 2, стб. 684), естественно-научный (БСЭ, т. 8, стб. 379; Веч. Москва, 1972, 29 нояб.), железисто-кремнистый (БСЭ, т. 13, стб. 1137), железисто-магнезиальный (БСЭ, т. 16, стб. 1646), западно-европейский (БСЭ, т. 5, стб. 1471; т. 24, кн. I, стб. 1312; т. 18, стб. 268; т. 22, стб. 754; т. 23, стб. 736, 1816), западно-монгольский (БСЭ, т. 16, стб. 1505), западно-сибирский (БСЭ, т. 9, стб. 1006), квантово-механический (БСЭ, т. 14, стб. 1622; т. 12, стб. 1749; т. 16, стб. 12; Тезаурус научно-технич. терминов, с. 264, 285; Наука и жизнь, 1975, № 6, с. 10), кишечно-сосудистый (БСЭ, т. 6, стб. 405), конно-артиллерийский (БСЭ, т. 23, стб. 997), конно-спортивный (БСЭ, т. 22, стб. 1215; Программа телевидения и радиовещания, 1972, № 20), костно-мозговой (БСЭ, т. 15, стб. 216; Веч. Москва, 1973, 14 марта), костно-пластический (БСЭ, т. 18, стб. 1595), ликероводочный (БСЭ, т. 11, стб. 989), лироэпический (БСЭ, т. 16, стб. 1042), медно-колчеданный (БСЭ, т. 2, стб. 639; т. 12, стб. 8, 1037), медно-литейный (БСЭ, т. 3, стб. 545), минно-артиллерийский (БСЭ, т. 3, стб. 640; т. 4, стб. 705), минно-взрывной (Тезаурус научно-технич. терминов, с. 41, 112, 142; БСЭ, т. 5, стб. 660, 1648), минно-подрывной (БСЭ, т. 19, стб. 694, 705), минно-тральный (БСЭ, т. 2, стб. 1550), молочно-кислый (проект ГОСТа; БСЭ, т. 19, стб. 1774), молочно-консервный (БСЭ, т. 17, стб. 627; т. 19, стб. 1071; т. 5, стб. 966; т. 13, стб. 1799; т. 14, стб. 1284), молочно-маслодельный (БСЭ, т. 7, стб. 1026), молочно-товарный (Изв., 1973, 1 февр.), мясопептонный (БСЭ, т. 24, кн. 1, стб. 1373), нервно-рефлекторный (БСЭ, т. 6, стб. 403), носослезный (БСЭ, т. 18, стб. 397), овощебахчевой (БСЭ,

т. 1, стб. 1066), овощемолочный (БСЭ, т. 12, стб. 982), окисно-карбонатный (БСЭ, т. 2, стб. 95), пальчато-рассеченный (БСЭ, т. 19, стб. 448; т. 9, стб. 538), пальчато-сложный (БСЭ, т. 15, стб. 352; т. 1, стб. 992), пахотно-пригодный (БСЭ, т. 8, стб. 1316), перисто-рассеченный (БСЭ, т. 15, стб. 287), поперечно-полосатый (Наука и жизнь, 1975, № 1), родоплеменной (БСЭ, т. 13, стб. 883; т. 2, стб. 4; т. 14, стб. 448; т. 12, стб. 455, 1329), сернисто-медный (БСЭ, т. 26, стб. 1170), сербско-хорватский (БСЭ, т. 19, стб. 301; т. 24, стб. 64, 759; т. 3, стб. 316; т. 5, стб. 127), хлопчато-бумажный (проект ГОСТа), центрально-азиатский (Веч. Москва, 1973, 12 февр.), центрально-американский (БСЭ, т. 3, с. 39), центрально-восточный (БСЭ, т. 3, стб. 72), церковно-приходский (БСЭ, т. 9, стб. 250; т. 5, стб. 1484; т. 19, стб. 905; т. 16, стб. 1482; т. 17, стб. 32; т. 18, стб. 322), церковно-славянский (БСЭ, т. 16, стб. 1309; т. 24, стб. 1126), южно-индийский (БСЭ, т. 25, стб. 722), южно-африканский (БСЭ, т. 20, стб. 1289), южно-таежный (БСЭ, т. 5, стб. 906).

Приведенные орфограммы тем более показательны, что «Орфографическим словарем русского языка», словарем «Слитно или раздельно?», «Справочником для работников печати» К. И. Былинского и Н. Н. Никольского и различными пособиями по орфографии (например, «Справочник по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя) рекомендуются в ином написании — в строгом соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации» § 80, п. 2: «...пишутся слитно сложные имена прилагательные, образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому». И *естественно-научный* (приведенный в качестве образца в тексте «Правил»), и *церковно-приходский*, и *костно-мозговой*, и *конно-спортивный*, и *квантово-механический*, и *минно-взрывной*, и др. должны писаться слитно по этому правилу. А *ликероводочный, носослезный, овощебахчевой, овощемолочный, родоплеменной, видовременной* должны писаться через дефис в соответствии с § 81, п. 2: «...пишутся через дефис сложные имена прилагательные, образованные из двух или более слов, обозначающих равноправные понятия» [12]. Слова же *восточно-славянский, восточно-азиатский, западно-европейский, западно-монголь-*

[12] Критику соответствующих пунктов «Правил» см.: *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Сложные слова, с. 13—41.

ский, западно-сибирский, южно-индийский, южно-африканский следует писать через дефис в соответствии с § 81, т. е. только тогда, когда они «входят в состав географических собственных имен». В приведенном выше списке эти слова даны в значении имен нарицательных. Слова *железисто-кремнистый, железисто-магнезиальный, окисно-карбонатный, сернисто-медный* принято писать слитно как химические термины.

Итак, приведенный нами список слов, который может быть значительно увеличен, распадается на отдельные группы слов, подчиняющиеся действию разных правил. И все эти правила, равно как и рекомендации «Орфографического словаря», игнорировались авторами, редакторами и корректорами 3-го издания БСЭ, которые руководствовались своей орфографической интуицией.

При всем разнообразии слов в приведенном выше списке в них можно обнаружить общее — наличие или отсутствие суффикса в первой части сложных прилагательных: когда суффикс есть — прилагательное пишется через дефис, когда суффикса нет — прилагательное пишется слитно. Таким образом, орфографическая интуиция авторов, редакторов и корректоров 3-го издания БСЭ и других авторитетных изданий строится на весьма прочном грамматическом основании. Поэтому целесообразно не ломать такую орфографическую практику, а, поняв, учесть ее и в соответствии с ней строить орфографические правила написания сложных прилагательных.

Рассмотренное выше правило распространяется и на сложные прилагательные, состоящие более чем из двух основ. Соответственно будут писаться слитно прилагательные типа: нефтеводогазопроводный, газошлакозолобетонный (словарь «Слитно или раздельно?»); через два дефиса — прилагательные типа садово-виноградарско-животноводческий (БСЭ, т. 12, стб. 57), карбонатно-хлоридно-сульфатный (БСЭ, т. 20, стб. 314), интеллектуально-эмоционально-волевой (БСЭ, т. 15, стб. 299). Если в состав сложного прилагательного входят суффиксальные и бессуффиксальные основы, то и они пишутся по общему правилу: посолобно-глазничный (Медицинская энциклопедия, далее — МЭ), крупнополынно-тырсовый (БСЭ, т. 16, стб. 888); нижнегорно-равнинный, нижнегорно-лесной (БСЭ, т. 1, стб. 722), льнопрядильно-ткацкий (БСЭ, т. 13, стб. 875), лесолугово-степной (БСЭ, т. 26, стб. 1279), зубочелюстно-лицевой (Моск. правда, 1972, 22 мая), зо-

лотоколчеданно-полиметаллический (БСЭ, т. 11, стб. 426), зерноочистительно-сортировальный (БСЭ, т. 9, стб. 1558), фотомагнитно-электрический (Научно-техническая терминология, т. 10, с. 248), аортоподвздошно-бедренный (МЭ), лингвогносеолого-психологический (В. Г. Костомаров, Русский язык на газетной полосе. М., 1971, с. 253); льноводческо-хмелекартофельно-зерновой (БСЭ, т. 9, стб. 670), корундосапфирно-слюдяно-микроклиновый (Геологический словарь, т. 1. М., 1972), кустарниково-лугостепной (БСЭ, т. 2, стб. 30), известково-глинопесчаный, известково-шлакопесчаный (БСЭ, т. 1, стб. 341), затылочно-нижнетеменной (БСЭ, т. 1, стб. 529), борно-цинконафталанный (МЭ).

III. Контакт, дефис, пробел — этот ограниченный набор орфографических средств, которыми располагает пишущий при оформлении словосочетаний и сложных слов, позволяет различать и такие тонкие грамматические категории, как качественность и относительность прилагательных.

Приведем примеры:

1) жизненно важный
жизненно достоверный
жизненно необходимый
жизненно правдивый
жизненно яркий
(БСЭ, т. 7, стб. 1297)
жизненно функционирующий
(БСЭ, т. 20, стб. 33)
жизненно-конкретный (БСЭ, т. 11, стб. 981; т. 23, стб. 889)
жизненно-непосредственный (БСЭ, т. 16, стб. 841)
жизненно-практический (БСЭ, т. 16, стб. 1666)
жизненно-социальный (БСЭ, т. 25, стб. 885)
жизненно-философский (Вопросы литературы, 1974, № 5, с. 193)

2) материально выраженный
материально мотивированный (БСЭ, т. 11, стб. 1568)
материально ощутимый (БСЭ, т. 3, стб. 830)
материально выгодный
материально зависимый
материально заинтересованный
материально-бытовой (Краткое пособие по медицинской терминологии. М., 1976)
материально-вещевой (БСЭ, т. 16, стб. 1190)
материально-вещественный (БСЭ, т. 3, стб. 814)
материально-информационный (Коммунист, 1971, № 18, с. 88)
материально-правовой (БСЭ, т. 12, стб. 1288)

материально-практический (БСЭ, т. 1, стб. 1637)
материально-предметный (БСЭ, т. 16, стб. 1643)
материально-социальный (БСЭ, т. 5, стб. 810)
материально-сырьевой (Сложные слова)
материально-технический (Веч. Москва, 1968, 17 июля)
материально-финансовый (БСЭ, т. 15, стб. 1826)
материально-ходовой (БСЭ, т. 20, стб. 324)
материально-экономический (За рубежом, 1973, № 12)
материально-экспериментальный (БСЭ, т. 3, стб. 1459)
материально-энергетический (БСЭ, т. 9, стб. 600)
материально-конструктивный (Слитно или раздельно?)
материально - производственный (там же)

3) сравнительно безопасный (БСЭ, т. 3, стб. 1384)
сравнительно большой
сравнительно высокий (БСЭ, т. 4, стб. 639)
сравнительно быстрый (БСЭ, т. 4, стб. 322)
сравнительно длинный (БСЭ, т. 3, стб. 1689)
сравнительно короткий (БСЭ, т. 9, стб. 865)
сравнительно крупный (БСЭ, т. 22, стб. 59)
сравнительно малый (БСЭ, т. 16, стб. 868)
сравнительно медленный
сравнительно-анатомический (МЭ)
сравнительно-генетический (БСЭ, т. 24, стб. 1052)
сравнительно-гистологический (МЭ)
сравнительно-индоевропейский (БСЭ, т. 16, стб. 1061)
сравнительно-исторический (Слитно или раздельно?)
сравнительно-литологический (БСЭ, т. 19, стб. 293)
сравнительно-морфогенетический (БСЭ, т. 9, стб. 594)
сравнительно-морфологический (БСЭ, т. 3, стб. 549)
сравнительно-онтогенетиче-

ный (БСЭ, т. 7, стб. 884)
сравнительно мирный (БСЭ, т. 4, стб. 1385)
сравнительно мягкий (БСЭ, т. 11, стб. 1242)
сравнительно небольшой (БСЭ, т. 6, стб. 5)
сравнительно невысокий (БСЭ, т. 24, стб. 859)
сравнительно негустой (БСЭ, т. 9, стб. 1003)
сравнительно немногочисленный (БСЭ, т. 6, стб. 1282)
сравнительно нехолодный (БСЭ, т. 18, стб. 13)
сравнительно низкий (БСЭ, т. 9, стб. 439)
сравнительно ограниченный (БСЭ, т. 25, стб. 899)
сравнительно простой (БСЭ, т. 22, стб. 920)
сравнительно прочный (БСЭ, т. 4, стб. 1243)
сравнительно развитый (БСЭ, т. 25, стб. 426)
сравнительно регулярный (БСЭ, т. 18, стб. 412)
сравнительно редкий (БСЭ, т. 2, стб. 355)
сравнительно рыхлый (БСЭ, т. 11, стб. 1090)
сравнительно свободный (БСЭ, т. 18, стб. 170)
сравнительно слабый (БСЭ, т. 21, стб. 525)
сравнительно стабильский (БСЭ, т. 16, стб. 1803)
сравнительно-описательный (БСЭ, т. 10, стб. 217)
сравнительно-патологический (БСЭ, т. 5, стб. 1123)
сравнительно-правовой (БСЭ, т. 10, стб. 1534)
сравнительно-психологический (БСЭ, т. 4, стб. 661)
сравнительно-семасиологический (БСЭ, т. 4, стб. 246)
сравнительно-социологический (БСЭ, т. 14, стб. 1308)
сравнительно-типологический (БСЭ, т. 22, стб. 776)
сравнительно-физиологический (БСЭ, т. 16, стб. 1086)
сравнительно - филогенетический (БСЭ, т. 16, стб. 1803)
сравнительно-фонетический (БСЭ, т. 10, стб. 379)
сравнительно-экологический (БСЭ, т. 16, стб. 1803)
сравнительно-эмбриологический (БСЭ, т. 9, стб. 929)
сравнительно-этнографический (БСЭ, т. 19, стб. 327)

ный (БСЭ, т. 19, стб. 177)
сравнительно сухой (БСЭ, т. 14, стб. 98)
сравнительно теплый (БСЭ, т. 12, стб. 1494)
сравнительно тонкий (БСЭ, т. 18, стб. 971)
сравнительно узкий (БСЭ, т. 3, стб. 1839)
сравнительно устойчивый (БСЭ, т. 16, стб. 1086)
сравнительно холодный (БСЭ, т. 11, стб. 1128)
сравнительно яркий (БСЭ, т. 6, стб. 145)

4) качественно единообразный
качественно неполноценный (БСЭ, т. 1, стб. 188)
качественно новый (БСЭ, т. 6, стб. 711)
качественно-количественный (БСЭ, т. 21, стб. 42)
качественно-люминесцентный (Геолог. слов., т. 1, с. 45)
качественно-теоретический (БСЭ, т. 20, стб. 368)

Групп, подобных названным, великое множество. Не будем приводить материал, а лишь назовем некоторые из них с первыми частями *идейно-, избирательно-, классово-, морально-, методически-, механически-, минимально-, практически-, пространственно-, рационалистически-, реалистически-, функционально-, художественно-, экономически-, экспериментально-* и др., в которых орфограммы распадаются аналогичным образом.

В рассматриваемых орфограммах орфографический знак пробела в синтаксисе эквивалентен словосочетанию, состоящему из наречия и причастия или прилагательного. Многие исследователи, занимающиеся проблемами словосочетания, отмечали теоретическую трудность разграничения словосочетания и сложного прилагательного[13], что в

[13] См.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956, с. 102; *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947, с. 345; *Прокопович И. И.*

письменной практике вызывало и вызывает орфографический разнобой [14]. Лингвисты, занимающиеся проблемами орфографии, пытались найти основания, которые помогли бы пишущему различить словосочетания и сложные прилагательные. Самостоятельным словом в словосочетании могло быть только наречие. И теоретическая и практическая сложность заключалась в отсутствии критериев для определения наречия [15]. Однако при этом недостаточно внимания уделялось грамматической природе второй части словосочетания или сложного прилагательного. Между тем приведенный выше материал достаточно наглядно иллюстрирует, что критерий для разграничения наречия и неналечия заключается именно в грамматической природе второй части: если вторая часть — причастие, то с ней по преимуществу сочетается наречие; если вторая часть — прилагательное, то с ней может сочетаться и наречие и неналечие (прилагательное). Наречия в подавляющем большинстве случаев сочетаются с качественными прилагательными, соответственно относительные прилагательные имеют в первой части прилагательное, а не наречие. Трудность заключается в том, что первые части сложных прилагательных и наречия в составе словосочетаний омонимичны. Достаточно сравнить правую и левую колонку с первой частью *сравнительно-*. Очевидно, ни у кого из пишущих не вызывает сомнения раздельное написание наречия *сравнительно* с такими качественными прилагательными, как *большой, быстрый, короткий, густой, холодный* и т. д. Материалы БСЭ наглядно демонстрируют последовательно проведенное дефисное написание сложных прилагательных с первой частью *сравнительно-* и второй частью — относительными прилагательными *-анатомический, -гистологический, -генетический, -исторический, -морфологический, -психологический, -семасиологический* и др.

Имеющаяся у авторов картотека позволяет и относительно рассматриваемой группы слов сделать некоторые заключения более общего характера. Есть слова, которые по преимуществу являются наречиями, такие, как *макси-*

Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, с. 342.

[14] *Прокопович Н. Н.* Указ. соч., с. 340.

[15] См.: *Шапиро А. Б.* Русское правописание. М., 1951, с. 132—133; *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1967, с. 50—52.

мально, произвольно, наречия на *-ски* и некоторые другие. Соответственно их написание не вызывает затруднений. Напротив, есть первые части сложных прилагательных, которые лишь в редких случаях выступают в роли наречия, такие, как *программно-, промышленно-* и др. Только первой частью прилагательных могут быть образования на *-ско (-цко): экономическо-коммерческий, сферическо-радиальный, гидрографическо-навигационный, гидрографическо-штурманский, левацко-авантюристический, техническо-строительный, купеческо-мещанский* и др. В значительном числе случаев первые части одинаково свободно могут быть и наречием и первой частью сложного прилагательного. Предложенный грамматический критерий (качественность и относительность прилагательных) позволяет выбрать нужное написание. Он помогает объяснить сложившуюся орфографическую практику и может быть руководством при орфографическом разнобое. Однако авторы отдают себе отчет в том, что при определенности крайних случаев в категории качественности и относительности есть переходные случаи. Но они, безусловно, составляют абсолютное меньшинство по отношению ко всему рассматриваемому в данной теме материалу и не подвергают сомнению основное правило.

IV. Грамматический подход к орфографическому оформлению сложных слов позволяет дать объяснение для написания слов, давно сложившихся и не испытывающих колебаний, но фигурирующих в качестве «исключений из правил». Речь идет о написаниях типа *военнообязанный, военнопленный, военнослужащий.* В большой группе сложных прилагательных с первой частью *военно-*, пишущихся всегда через дефис, эти три слова трактовались как исключение. В действительности их орфографическая «исключительность» объясняется грамматическими причинами: это существительные (субстантивированные прилагательные) со своими правилами написания. Строгую последовательность этого никем не сформулированного правила слитного написания субстантивированных прилагательных (обычно терминологического происхождения) в группе однотипных сложных прилагательных можно проследить на многих примерах: *вторичнополостные, вторичнопокровные, вторичноротые* (хотя *вторично-подзолистый, вторично-эмиссионный, вторично-эрозионный); первичнопокровные, первичнополостные, первичноротые* и др. (хотя *первично-полосчатый, первично-прокристалли-*

ческий и др.); *повторнородящая* (хотя *повторно-переменный, повторно-статический); спиральнореснитчатые, спиральнозубые* (хотя *спирально-плоскостной, спирально-зубчатый, спирально-кулачковый*) и др.[16]

V. Орфографические правила и орфографическая практика показывают неупорядоченность и в написании сложных существительных, или существительных с приложением, типа: старик (?) отец, красавец (?) мужчина, девушка (?) узбечка, осетин (?) извозчик, цветок (?) магнолия, птица (?) зяблик и др. Еще в 1956 г. А. Б. Шапиро писал: «Интересные и важные наблюдения может дать сравнение таких, например, случаев: *старик отец, юноша воин, художник-анималист. Старик отец* очень близок по значению к „старый отец" (первое слово, как обозначающее возрастной признак, выступает здесь как определение к слову *отец). Юноша воин* может заключать в себе двоякое значение: „юный воин" (ср. *старик отец*) и „юноша, являющийся воином". Во втором случае словом *юноша* выражается родовое понятие, словом *воин* — видовое. *Художник-анималист* означает „художник, специальностью которого является изображение животных", — стало быть, здесь *художник* выражает родовое понятие, а *анималист* — видовое. Указанные смысловые отношения между словами находят отражение в их написании: *старик отец* и *юноша воин* в значении „юный воин" пишутся раздельно; *юноша-воин* в значении „юноша, являющийся воином" и *художник-анималист* пишутся через дефис, так как выражают не два самостоятельных понятия (предмет и его признак), а одно сложное предметное понятие»[17]. «Правила» 1956 г. рекомендуют писать раздельно «сочетания существительных, из которых первое обозначает родовое, а второе — видовое понятие, например: *птица зяблик, цветок магнолия* (§ 79, п. 14, примеч. 3б) (ср. написания *художник-анималист* и *птица зяблик*).

Д. Э. Розенталь предлагает различать в этих же сочетаниях термин и нетермин[18]: к нетерминам отнесены, например, *птица зяблик, сталь серебрянка, газ углерод,* а к терминам — *заяц-русак, ястреб-тетеревятник, врач-*

---

[16] Материалы взяты из словаря «Слитно или раздельно?»

[17] *Шапиро А. Б.* Упорядоченное русское правописание. М., 1956, с. 132—133.

[18] *Розенталь Д. Э.* Указ. соч. (§ 93, п. 2).

терапевт, учитель-математик и др. В «Справочнике по орфографии и пунктуации для работников печати» (М., 1957) К. Н. Былинского и Н. Н. Никольского рекомендуется писать раздельно «приложения, обозначающие специальность, место жительства и т. п.: *девушка узбечка, колхозник белорус* и т. п.» (§ 99, п. 5). Орфографическая практика, естественно, отражает противоречивость и нечеткость рекомендаций орфографических пособий. Действительно, какими правилами руководствоваться при написании таких сложных существительных: *юноша (?) красавец, старик (?) белорус, старец (?) игумен?* Что может быть приравнено по значению к прилагательному? Как поступать, когда сложное слово состоит из существительного, могущего быть приравненным по значению к прилагательному, и существительного, обозначающего национальность? И вообще что значит «приравненным по значению к прилагательному»? Ограничивается ли это положение только словами *старик* (старый), *юноша* (юный), *красавец* (красивый)? Могут ли в этом ряду рассматриваться: *урод* (уродливый), *карлик* (маленький), *шалунья* (шаловливый) и т. д.?

Еще меньше определенности заключает в себе критерий термин — нетермин: *жучок-вредитель, бабочка-капустница, физик-экспериментатор, врач-специалист, колхозник-животновод.* Эти и многие другие сложные существительные могут квалифицироваться и как термины и как нетермины. Ставить в зависимость написание этих сложных существительных от таких зыбких критериев невозможно. На практике в этих случаях преобладает дефисное написание. Оно оправдано тем, что речь идет о сложных существительных, состоящих из двух самостоятельно употребляющихся существительных. Вводить смысловые критерии в их написание представляется нецелесообразным.

С помощью грамматики можно объяснить и другие написания, относящиеся к большому разделу орфографии сложных слов. Однако в задачу авторов данной статьи входило обратить внимание лишь на некоторые аспекты связи орфографии с грамматикой.

VI. Поскольку материалом для настоящей статьи служила в основном терминологическая лексика, то естественно возникает вопрос: распространяются ли выводы данной работы только на терминологию? Этот вопрос, очевидно, следует рассмотреть в более широком аспекте вза-

имоотношений орфографии терминологической сферы языка и орфографии языка общелитературного. Современная орфография — это письменная общепринятая норма языка. Норма должна быть единой для всех сфер литературного языка. В равной мере эта норма должна распространяться и на терминологию. Однако в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (1956) и в современных орфографических пособиях есть параграфы, в которых неясные написания объясняются принадлежностью к терминологической лексике: «Пишутся слитно сложные прилагательные, употребляемые в качестве терминов и образованные из двух или трех основ, независимо от характера последних, например: *грудобрюшная* (преграда), *индоевропейские* (языки), *древневерхненемецкий* (язык), *двууглекислый* (газ); также — *глухонемой* (§ 80, п. 3 «Правил»). «Пишутся слитно многие сложные прилагательные, употребляемые в качестве научно-технических терминов или выражений в книжном языке, например: *азотнокислый, бессрочноотпускной, вечнозеленый, воздушносухой*» и др.[19] «Пишутся через дефис многие сложные прилагательные терминологического характера... например: *амплитудно-частотная* (характеристика), *атомно-молекулярный, бобово-злаковые*» и др.[20] «Пишутся через дефис, как правило, сложные имена существительные без соединительной гласной, обозначающие названия механизмов, термины научные, технические, общественно-политические, например: *вакуум-аппарат... дизель-электроход, динамо-машина, кабель-кран, кресло-кровать, генерал-лейтенант*»[21] и др.

Из приведенных цитат видно, что эти правила не могут быть руководством для пишущих: отнесением к научно-технической терминологии объясняются как слитные, так и дефисные написания; ни формулировка правил, ни иллюстрирующий их материал не помогают понять различий в рекомендациях. Вывод может быть только один: особые правила для терминологической лексики невозможны и не нужны.

Однако настоящая статья построена на материале терминологической лексики. В этом нет логического противоречия. Терминологический материал используется не

---

[19] *Розенталь Д. Э.* Указ. соч., с. 50 (§ 44, п. 2).
[20] Там же, с. 55 (§ 44, п. 10).
[21] Там же, с. 47 (§ 43, п. 4).

для того, чтобы создать для него особые орфографические правила, а как область общелитературного языка, в которой категория сложных слов наиболее продуктивна. Выведенные на основании анализируемого материала орфографические рекомендации действительны для слов данной грамматической категории независимо от сферы литературного языка, в которой они могут быть употреблены.

Итак, слитные, раздельные и дефисные написания строятся на грамматической основе, которая включает порядок компонентов в сложном слове или словосочетании, склоняемость или несклоняемость компонентов, категорию качественности или относительности прилагательных, явления субстантивации, грамматическую структуру первого компонента сложных прилагательных (отсутствие или наличие суффикса) и др.

Известно, что орфография разных языков строится на разных принципах в соответствии с особенностями конкретных языков. Этот тезис справедлив лишь для написаний в пределах слова. Когда же речь идет о написаниях сложных слов или словосочетаний, то грамматические основания, определяющие эти написания, предположительно могут быть распространены на родственные языки. Знакомство с орфографией таких языков, как украинский, белорусский, польский, чешский и др., позволяет сделать вывод о том, что и для них орфографическое оформление сложных слов представляет трудность. Возможно, грамматический подход к решению данной орфографической проблемы может помочь при создании орфографических правил для других славянских языков.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВАРИАНТА

(*озвучение, озвучивание* или *озвучание?*)

Е. И. Голанова

Одна из центральных проблем культуры речи — языковая вариантность, выбор, отношение к варианту — имеет непосредственное отражение в терминологии. Наличие вариантных терминов в той или иной мере свойственно разным терминологиям. «...в терминологии немало причин и предпосылок для появления и сосуществова-

ния вариантных форм наименования одного понятия»[1]. Исследователи, отмечая это явление, предлагают определенные общие лингвистические критерии целесообразности выбора того или иного термина[2].

Проблема вариантности в терминологии имеет специфические аспекты, в разной степени исследованные и решенные.

При изучении «кинотерминологии» (лексики, отражающей историю кино, его развития, кинотехнику и т. п.) возникает ряд вопросов, связанных с этим конкретным материалом. Например, вопрос о причинах широкого распространения и устойчивого употребления варианта термина, не соответствующего нормам современного словообразования и культуры речи; о возможности сосуществования равнозначных вариантов, принципах выбора одного из них и др. Так, специалисты-киноведы сомневаются, какой термин лучше и правильней: *озвучение, озвучивание* или *озвучание* кинофильма? Обширный материал статей, книг, справочников по киноделу дает примеры использования всех трех вариантов, ср.: Съемка—монтаж—*озвучение* (В. С. Вовченко, Звук на любительской кинопленке. М., 1973); «Аппаратура для *озвучивания* любительских фильмов» (Е. Г. Борисов, Д. В. Самодуров, М., 1967); Методы *озвучивания* фильма (Н. Н. Кудряшов, Справочник кинолюбителя. М., 1964); Возможны несколько способов осуществления процесса предварительного *озвучания;* Использовались различные дубли фонограмм *озвучания* (М. З. Высоцкий, Большие киноэкраны и стереофония. М., 1966).

Эти отглагольные существительные появились (как и производящие их глаголы) сравнительно недавно. Их возникновение было вызвано появлением новых общественных понятий, новых реалий, в частности звукового кинематографа. Первая словарная фиксация глаголов *озвучить — озвучивать* с пометой «кино нов.» относится к 1938 г. (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова). Существительное *озвучение* отмечается впервые в словаре Ожегова (1952), *озвучивание* — в БСЭ (2-е изд., 1954).

Глагол сов. вида *озвучить* и глагол несов. вида *озвучивать* относятся к группе образований, имеющих общее

[1] *Даниленко В. П.* Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии.— В кн.: Терминология и норма. М., 1972, с. 14.

[2] Там же, с. 6 и др.

значение ‘наделить (наделять) тем или свойствами того, что названо мотивирующим существительным’ (*озаглавить, очеловечить, остеклить* и т. п.) [3].

Глаголы *озвучить — озвучивать* доказали свою актуальность и жизнеспособность не только тем, что стали производящей основой для других имен (ср. указанные отглагольные существительные, причастия типа *озвученный, озвучивший* и др.), но и тем, что вышли далеко за пределы узкой специальной терминологии и стали широко употребительны в общелитературном языке. Существенно также, что за сравнительно небольшой отрезок времени (40 лет) помимо первого значения ‘сделать звуковым (кинофильм)’ эти глаголы развили ряд новых значений, ср. данные «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти т.: О з в у ч и в а т ь... *несов.*, о з в у ч и т ь... *сов.*; *перех. Спец.* 1. Производить запись фонограммы (музыки, дикторского текста, шумов и т. п.) к немому кинофильму или при дублировании кинофильма. 2. Снабжать радиоприемниками, репродукторами (помещение)... 3. Приспосабливать для демонстрации звуковых кинофильмов (помещение)... 4. Подвергать действию ультразвука... Здесь же даны и производные существительные, отражающие комплекс значений глаголов: О з в у ч е н и е... *Спец.* Действие по знач. глаг. озвучить. О з в у ч и в а н и е... *Спец.* Действие по знач. глаг. озвучивать.

Материал кинотерминологии свидетельствует о том, что эти имена семантически тождественны. Ср. использование обоих существительных в тождественных терминологических контекстах: В процессе работы над созданием звукового фильма используются следующие методы: синхронная съемка... п о с л е д у ю щ е е *озвучивание*, п р е д в а р и т е л ь н о е *озвучивание*, озвучивание под черновую фонограмму, перезапись (Н. Н. Кудряшов, Справочник кинолюбителя); П р е д в а р и т е л ь н о е *озвучение* — процесс звукозаписи кинофильмов, при котором звук записывается раньше, чем снимается изображение, с целью последующей съемки изображения под фонограмму. П о с л е д у ю щ е е *озвучение* — процесс звукозаписи кинофильмов, при котором звук записывается после съемки с учетом

[3] См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 280. Ср.: «Видовая пара предполагает тождество реальных значений членов видовой пары, их различие заключается только в различной семантике вида» (*Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976).

уже готового изображения (ГОСТ 13699-68 — Запись и воспроизведение информации). Нет препятствий к употреблению рассматриваемых отглагольных имен и с точки зрения грамматических норм современного языка и культуры речи. Как писал В. В. Виноградов, «теоретически почти от каждого глагола, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью этого суффикса (*-ние*) образовать отглагольное существительное»[4].

От основ совершенного вида, однако, такие имена образуются реже, менее активно. Еще А. А. Потебня указывал, что «при многих глаголах совершенных длительных (неоднократных) вовсе нет этих существительных; так, например, нельзя или крайне неловко сказать... запертие, починение платья, приписание...»[5]

Производящими для имен на *-ние*, несущих значение процесса действия, выступают преимущественно переходные глаголы несов. вида, в частности продуктивными являются префиксальные глаголы с суф. *-ива/-ыва*, которые несут оттенок длительности, процессуальности и сообщают его именам существительным[6]: *оштукатуривание, отоваривание, онемечивание, озвучивание* и т. п.

При наличии двух семантически тождественных, грамматически равноправных однокоренных отглагольных имен типа *озвучивание — озвучение* выбор одного из них может зависеть от разных факторов, в том числе от конкретного контекста, от уже сложившейся традиции использования, от «лингвистических вкусов» автора того или иного пособия, справочника и т. п.; ср.: В книге... освещаются вопросы составления сценария, монтажа фильма, его *озвучивания* и демонстрирования (Г. Ф. Андерег, Н. Д. Панфилов, Справочная книга кинолюбителя. Л., Лениздат, 1969, с. 2); Магнитная запись звука — наилучший способ любительского *озвучивания* фильма (там же, с. 387); В работе Ю. А. Ашихманова «Устройство для синхронного *озвучения* любительских фильмов» (М., 1969) так же, как и в книге В. С. Вовченко «Звук

---

[4] *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.— Л., 1947, с. 117.

[5] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике, т. 2. Харьков, 1888, с. 352.

[6] Ср.: «Морфемы *-ва, -ива, -ыва* (редко *-а*) соотносительно с *-е* (*ни*) и в системе существительных сохраняют оттенок кратности, длительности» (*В. В. Виноградов.* Указ. соч., с. 118).

на любительской кинопленке» (М., 1973), используется только вариант *озвучение*, ср.: Работа устройства в режиме *озвучения* (с. 8); Синхронизатор переведен в режим *озвучение* (с. 27) и т. д. При использовании этого термина возникает проблема выбора правильного ударения, так как наблюдается произносительное колебание: *озву́чение — озвуче́ние*.

Известно, что группа отглагольных имен на *-ение* дает примеры колебания ударения (обеспе́чение—обеспече́ние, обнару́жение — обнаруже́ние, упро́чение — упрочение и т. п.), которое зависит от ряда причин, и прежде всего от глагольного ударения. Особенно сложная картина — у образований от приставочных глаголов, «место ударения в которых устанавливается в зависимости от особенностей взаимоотношений по ударению форм совершенного и несовершенного вида соответствующих глаголов» [7].

Существительное *озвучение* стоит в ряду имен типа *возвеличение, обезличение,* закономерным в которых является ударение на корневой части, как результат однотипного ударения обеих форм глагола (сов. и несов. вида). Литературной норме, таким образом, соответствует произношение *озву́чение*.

Выше рассмотрены лингвистические основания для использования терминов *озвучивание* и *озвучение*. С чисто языковых позиций трудно рекомендовать в данном случае какой-либо один вариант, так как оба термина грамматически равноправны. Семантическая тождественность, равнозначность, однако, создает дублетность, избыточность, от которой, как правило, язык стремится тем или иным путем освободиться. В данном случае, видимо, более употребительным становится вариант *озвучивание,* о чем свидетельствуют специальные тексты (в частности, материал ежемесячного журнала «Техника кино и телевидения» за 1978 г.), где используется только этот термин.

«От вариантов рассматриваемого типа необходимо отличать такие, в которых один из терминов нельзя считать безупречным с точки зрения общелитературной нормы даже при условии, что это — термин с большой тра-

---

[7] *Воронцова В. Л.* Заметки об ударении некоторых производных имен.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966.

дицией употребления»[8]. Такой пример дает и наш материал. В ряде пособий по кинофототелетехнике встречается «третий вариант» — термин *озвучание*, ср.: Возникает вопрос о выборе правильного расположения микрофонов в ателье *озвучания* по отношению к экрану (М. З. Высоцкий, Большие киноэкраны и стереофония, с. 142); Рассмотрим основные особенности технологии стереофонической записи кинофильмов — синхронной, последующего и предварительного *озвучания*... (там же, с. 131); *озвучание речи*, шумовое *озвучание* (там же, с. 254, 255); Мысль об *озвучании* движущихся изображений возникла задолго до изобретения кинематографа... (М. Голдовский, Основы кинотехники. М., 1965). Показательно, что этот термин встречается и в БСЭ (2-е изд., т. 16, 1952): Дублирование звуковых фильмов — специальный вид звукозаписи, при котором производится полное речевое *озвучание* фильма с переводом текста с одного языка на другой[9].

Использование этого термина вызывает сомнение. Возникновение его, видимо, связано с «потенциальным», не зафиксированным современными словарями глаголом *озвучать* — теоретически возможной формой несов. вида для глагола *озвучить*.

Известно, что видовая корреляция глаголов (сов. в. — несов. в.) может осуществляться разными способами, в том числе путем имперфективации — при помощи определенных суффиксов[10]. Как пишет В. В. Виноградов, «этих суффиксов три: непродуктивный *-ва-*, малопродуктивный *-а/-я* и очень продуктивный и живой *-ыва, -ива*»[11]. Подчеркивается особая продуктивность суф. *-ыва/-ива* при образовании «форм несовершенного вида от предложных (или приставочных) глаголов совершенного вида». Что касается суф. *-а/-я*, то он обнаруживает «заметные признаки жизни и даже продуктивность» при об-

---

[8] *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 23.

[9] Надо заметить, однако, что в БСЭ (2-е изд.) не выдерживается единообразие; в статьях, посвященных звуковому кино, дубляжу, технике звукозаписи, чаще используется вариант *озвучивание*.

[10] Ср.: *Авилова Н. С.* Указ. соч., с. 153 и др.

[11] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 502—509. Иную, отличную от такой традиционной, точку зрения см. в Грамматике 1970 г., где выделяется всего один суффикс *-ива / ва* с тремя морфами: *-ива, -ва, -а-*. Другие исследователи (см. работу Н. С. Авиловой) выделяют два суффикса: *-ыс / -ива / -ва-* и *-а-*.

разовании глаголов несов. вида от отыменных глаголов на *-ить*, осложненных приставками, например: *заземлить — заземлять, приземлить — приземлять... разграфить — разграфлять* и т. д. В. В. Виноградов отмечает также случаи образования у некоторых глаголов «двойных форм несовершенного вида: с суффиксом *-ыва, -ива* и с суффиксом *-а... накоплять — накапливать; отрясать — отряхивать; приготовлять — приготавливать...*», связывая это явление с необходимостью в некоторых случаях подчеркнуть оттенок «интенсивной длительности и повторяемости», а также со стилистическими причинами.

В современных исследованиях при характеристике имперфективации как продуктивного способа создания видовых соответствий также отмечается возможность параллельных однокоренных образований несов. вида, их появление рассматривается как «абсолютно нерегулярное... обусловленное историческими причинами...» [12]

Все сказанное выше имеет непосредственное отношение к нашему материалу. В современном русском языке существует видовая пара *озвучить — озвучивать*. Возможна ли параллельная форма несов. вида на *-а* (которая дала бы отглагольное образование *озвучание*, использующееся в современной кинотерминологии)? Можно ли вообще «предсказать» появление той или иной формы несов. вида? Какие основы и в каких случаях «выбирают» тот или другой суффикс?

Проведенный анализ группы префиксально-суффиксальных глаголов (с приставкой *о-* и суф. *-ить*), характеризующихся общей семантикой «наделить тем или свойствами того, что названо мотивирующим существительным», обнаруживает характерную тенденцию — зависимость между ударением глагола сов. вида и формой глагола несов. вида: 1) при ударении в глаголе сов. вида на корне глагол несов. вида, как правило, образуется при помощи суф. *-ива/-ыва:* озагла́вить — озаглавл*ива*ть, окула́чить — окулачи*ва*ть, оку́чить — окучи*ва*ть, оси́лить — осил*ива*ть, одура́чить — одурачи*ва*ть, отова́рить — отовар*ива*ть, обиле́тить — обилечи*ва*ть, обюрокра́тить — обюрокрачи*ва*ть, оспо́рить — оспар*ива*ть и т. п. [13]; 2) при ударении в глаголе сов. вида на финали глагол несов.

[12] *Авилова И. С.* Указ. соч., с. 41.

[13] Показательно, что наряду с традиционными, узуальными глаголами по этому же типу возникают новые, окказиональные, ср. *обилетить* и др.

вида образуется при помощи суф. *-а/-я*: озелени́ть — озеленять, озари́ть — озарять, окрыли́ть — окрылять, опереди́ть — опережать, оспасти́ть — оспащать, охлади́ть — охлаждать и т. п.[14]

Глаголы *озвучить — озвучивать* относятся к первому ряду соответствий, т. е. закономерной является форма несов. вида с суф. *-ива*. Таким образом, отсутствие глагола *озвучать* в современном литературном языке объясняется определенными причинами, в частности морфонологическим фактором. Если нет оснований для появления глагола, то тем более и для отглагольных образований. Существительное *озвучание* (а также встречающиеся причастия *озвучающий, озвучаемый*) не соответствуют нормам современного словообразования и культуры речи.

ВАРИАНТЫ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

(на материале сложных слов с препозитивными элементами *авиа-, авто-, аэро-, кино-, радио-, теле-* и др.)

Л. П. Катлинская

В последних работах по номинации особое место отводится вопросам развития теоретической ономасиологии путем всестороннего осмысления и многоаспектного анализа процессов словообразования. Словообразование на современном этапе развития теоретической мысли рассматривается как подсистема языка, для которой номинативная функция является основной[1]. Представляется чрезвычайно актуальным и плодотворным предложенное в указанной работе теоретическое обоснование принци-

---

[14] Встречающиеся отдельные примеры параллельных форм несов. вида типа *осмыслить — осмыслять, осмысливать, опылить — опылять, опыливать* и др. требуют дополнительного специального анализа, но не меняют общей тенденции.

[1] См.: *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразование.— В кн.: Языковая номинация (Виды наименований). М., 1977.

пиальной многоаспектности проблем деривационной ономасиологии при изучении современных развитых языков.

Исходя из задач настоящей статьи, мы будем иметь в виду только некоторые из этих аспектов, поскольку для практических задач нормализации не всегда возможен (а главное не всегда нужен) учет всех факторов, вскрытых при рассмотрении языковых процессов с теоретических позиций. Основополагающим для нас, однако, будет то положение теоретического исследования Е. С. Кубряковой, где актуализируется для современного этапа изучения языка неразрывная связь языковых процессов с развитием человеческого общества.

«Постоянное развитие человеческого общества и человеческого познания ставит перед языком задачу обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями»[2] — так начинает автор свой раздел в книге, намеренно, как нам кажется, акцентируя внимание на той стороне проблемы, которая довольно длительное время была исключена из поля зрения некоторых исследователей (имеется в виду дескриптивное понимание деривационной системы). Речь, таким образом, идет о подходе к изучению языковых процессов с учетом органичной неразрывности на уровне обслуживания общества логико-понятийных и языковых категорий. «Ономасиологический подход к явлениям словообразования,— пишет далее Е. С. Кубрякова, — позволяет преодолеть чисто дескриптивное понимание деривационной системы, позволяет связать все процессы словообразования с номинативной и — шире — коммуникативной деятельностью человека, с привычными для данного коллектива говорящих способами расчленения действительности, с апробированными обществом средствами выражения тех или иных значений (разрядка наша. — *Л. К.*)»[3]. Номинативная деятельность коллектива говорящих рассматривается как естественное порождение его коммуникативной деятельности, что, в свою очередь, ведет к сугубо практическому аспекту деривационной ономасиологии: к вопросу словарной фиксации «производных с выводимыми и не полностью выводимыми значениями»[4]. Мы рассмотрим в этом пла-

---

[2] Там же, с. 222.
[3] Там же, с. 262.
[4] Там же, с. 264.

не означенный в названии настоящей статьи разряд лексических единиц.

В лексикографической практике современного русского языка сложилась определенная традиция в отношении словарного статуса ряда сложносокращенных слов, возникших в языке на базе словосочетаний. Сложные слова с *авиа-*, *авто-*, *аэро-* и т. п. представлены в словарях русского литературного языка как варианты словосочетаний с полными прилагательными, значению которых соответствует первая, сокращенная часть сложносокращенного слова. Иными словами, в ряду словарных единиц они определяются как производные с полностью выводимыми значениями. Эти слова распространялись с необычайной быстротой, и само их появление в совокупности с непрерывно растущей активностью словообразовательной модели создавало большие трудности для лексикографов. Специфика массы подобных лексических единиц получила отражение уже в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (БАС).

Составители БАС, соблюдая принцип единообразия, в словарных статьях на *авиа...*, *авто...*, *аэро...* и т. д. приняли следующий тип толкования: «Первая часть сокращенносложных слов[5], соответствующая по значению сл(ову)...» — далее следует соответствующее прилагательное. Каждая словарная статья этого типа содержит ряд иллюстративных примеров, где обязательно есть и такие, которые не подходят под общую рубрику. Так, Авиа... в качестве заглавной словарной единицы иллюстрируется следующими примерами: *авиабаза, авиабомба, авиавыставка, авиаконструктор, авиамаяк, авиапарк, авиапромышленность, авиаразведка, авиасъемка, авиатранспорт, авиашкола* и т. п. Как видим, полностью соответствуют толкованию только три производных: *авиабаза, авиапромышленность* и *авиашкола;* с некоторым напряжением реконструируются в словосочетания производные *авиабомба, авиаконструктор, авиаразведка, авиатранспорт;* производные же *авиавыставка, авиамаяк, авиасъемка* представляют собой лексикализованные единицы с «не полностью выводимыми значениями».

Анализ словарей и наблюдения за использованием рассматриваемой категории слов в речи приводит к сле-

[5] На более поздних этапах работы над словарем были приняты термины «сложносокращенных», «сложных».

дующим выводам. Развитие словарного состава русского языка, которое на данном этапе происходит за счет интенсивной активизации словообразовательных возможностей старых, освоенных системой деривационных элементов, характеризуется также расширением той его части, которая представлена производными номинативными единицами с препозитивными элементами *авиа-, авто-, кино-* и т. п. Причем номинативная деятельность языкового коллектива в отношении реализации возможностей этих словообразовательных средств осуществляется в двух направлениях. С одной стороны, стабилизируются в употреблении лексикализованные производные; естественно, не все, а только те, языковая функция которых соответствует распространенности называемых ими объектов действительности. Так умерли вместе с реалиями слова *автоплуг, агропункт;* были вытеснены дублетными образованиями с более актуальными составными элементами слова *аэропочта* (в словаре Ожегова — *авиапочта,* толкуется как «воздушная почта»); *киноателье* и др. В последнем толковом словаре русского литературного языка под ред. С. И. Ожегова (СО) лексикализованные единицы рассматриваемой структуры представлены следующими словами: *авиамоделизм, авиамоделист, авиамодель, авианосец, авиапочта; автобаза, автоблокировка* (различий в значении элемента *авто...* мы в данный момент не рассматриваем), *автобус, автогужевой, автокар; биотоки; киноаппарат, кинотеатр, кинолюбитель; телевидение, телезритель, телелюбитель, телеобъектив, телестудия* и др. Однако подобных слов, которые можно считать полноценными словарными единицами, в современном языке ничтожно мало по сравнению с той массой производных, которые с о з д а ю т с я в речи на основе принципа комбинаторики новых единиц из старых. Творческий характер номинативной деятельности говорящих в этом направлении сближает словообразование с синтаксисом.

Для нас особенно знаменательным в этой сфере речевой деятельности представляется тот несомненный факт, что развитие здесь идет в сторону максимального расширения емкостей для новых смыслов, которые создаются по правилу «сложения смыслов, дающих не сумму смыслов, а новые смыслы», отмеченному еще Л. В. Щербой. Для иллюстрации сказанного приведем несколько примеров «новых слов», зафиксированных в словаре «Новые

слова и значения»[6]. Нужно сказать, что некоторые из них — почти ребусы. Скажем, как вывести значение для следующих слов: *автоветеран, автовесы, автофургон, автоопылитель, автопавильон, авторезина, автовышка?*

Их трех закрепленных в словарях значений *авто...* особенно активизировалось в современном языке отмеченное БАС как «нов. Первая часть сокращенно-сложных слов, соответствующая по значению слову *автомобильный...*» В указанном словаре-справочнике из общего количества новых слов с *авто...* (51) 37 представляют собой производные, препозитивный словообразовательный элемент которых несет в себе обобщенный смысл — «связанный с автомашинами», и характер этой связи определяется на уровне логико-понятийных отношений. Толкование слов такого типа в духе лексикографической традиции сегодня просто невозможно. Как же определяется значение приведенных выше сложных слов? Несколько примеров:

Автовесы, ов. мн. Весы для взвешивания автомобилей с грузом.

Автоветеран, а, м. О машине старого образца.

Автозаправщик, а, м. Автомобиль, предназначенный для заправки топливом самоходных машин.

Автозимник, а, м. Зимняя дорога для автомашин.

Автокараван, а, м. О колонне машин, идущих друг за другом.

Автокомбинат, а, м. Автомобильное хозяйство с централизованным управлением, несколькими стоянками и единой производственной базой технического обслуживания и ремонта.

Автолюбитель, я, м. Водитель автомобиля, не являющийся профессионалом и имеющий удостоверение шофера-любителя на право управления автомобилем.

Автоподъемник, а, м. Устройство для подъема автомашин.

Авторезина, ы, ж. Покрышки и камеры из резины для колес автомобилей.

Приведенных примеров, на наш взгляд, вполне достаточно, чтобы констатировать следующее: 1) в толковании новых слов такой структуры наблюдается явный отход от лексикографической традиции; 2) нетрадиционность толкования заключается прежде всего в том, что значения из разряда «выводимых», типичных для толковых словарей,

[6] Новые слова и значения. Словарь-справочник. М., 1971.

переходят в разряд «описаний на уровне понятий», типичных для энциклопедических словарей; 3) связь частей слова позиционно не закреплена, поскольку значение препозитивного словообразовательного элемента не зависит от значения опорного существительного[7]; 4) лексическое значение номинативной единицы реализуется в контексте.

Речевая деятельность языкового коллектива в плане создания таких новых слов стимулируется исключительно коммуникативными потребностями, поэтому системные соотношения внутри этой группы лексики отступают на второй план, их возможности используются лишь как «схемы или правила построения различных языковых единств...» (Л. В. Щерба).

По-видимому, на данном этапе функционирования русского языка, когда «бурный», «интенсивный» стали постоянными эпитетами при описании большинства лексических процессов, расширение системных возможностей почти до беспредельных становится основной характеристикой этих процессов. Словарные фиксации, естественно, отражают прихотливость взаимодействия языка и общества в этой сфере. Так, называние (или, как пишет Е. С. Кубрякова, «наречение») в виде расчлененных объектов действительности такого, например, рода экономической деятельности общества, как «борьба с вредителями сельского хозяйства», осуществляется с отступлением от системных связей. Борьба с вредителями полей проводится как наземными, так и воздушными средствами, экономическая значимость тех и других, по-видимому, одинакова, но в словаре «Новые слова и значения» первые представлены названием конкретного механизма «автоопылитель», а вторые — абстрактным наименованием процесса «авиаопрыскивание». Примечательно здесь не столько то, что опорным словом служат хотя и синонимичные, но все же разные основы, сколько отсутствие соотносительных слов *автоопыление* и *авиаопрыскиватель*. Можно, конечно, думать, что последние два слова просто не попались составителям, но нам кажется более естественным другое объяснение. В словах *автоопылитель* и *авиаопрыскивание* элементы *авто-* и *авиа-* не «первая составная часть сокращенно-сложных слов, соответствующая по значению прилагательным», а семантически обособленный член язы-

[7] Об этом подробнее будет сказано ниже.

кового единства, выступающий в первом случае заместителем слова *автомобиль*, а во втором — слова *авиация*. Если мы обратимся к словарю, то увидим, что именно такая семантическая структура слова отражена в его толковании:

Авиаопрыскивание, я, ср. Опрыскивание полей химическими веществами с помощью авиации.

Автоопылитель, я, м. Автомобиль, оборудованный опылительным устройством для борьбы с вредителями сельского хозяйства.

Также вне системных связей освоены русским языком номинативные возможности, например, заимствованного слова *рефрижератор*. В СО отмечено такое значение этого слова: ...2. Судно, вагон или автомобиль, снабженные холодильными установками. Без препозитивного элемента, указывающего, в какой сфере жизни функционирует названный объект, слово *рефрижератор* используется лишь в железнодорожной терминологии, тогда как на реках и морях появились МТ и БМТ (морозильный траулер и большой морозильный траулер), а в автомобильных хозяйствах соответствующая реалия получила индивидуальное название: «*Авторефрижератор*, а, м. Автомобиль-холодильник» (см. словарь «Новые слова...»). Примеры такого рода настолько многочисленны, что простая классификация их по каким-либо однородным признакам возможна лишь путем тщательного и подробного исследования. В нашу задачу не входило сколько-нибудь приблизиться к такому исследованию. Скорее наоборот. В дальнейшем изложении мы попытаемся обосновать правомерность иного подхода к описанию подобных языковых явлений, по крайней мере для задач нормализации.

В статье «Очередные проблемы языковедения» Л. В. Щерба писал: «...с моей точки зрения, в язык как систему („language") входят „слова", образующие в каждом данном языке свою очень сложную систему, живые способы создания новых слов (а потому и фонетика, точнее, фонология или фонематология), а также схемы или правила построения различных языковых единств — все это, конечно, социальное, а не индивидуальное (разрядка наша.— *Л. К.*), хотя и базируется на реальной „речи" членов данного коллектива» [8].

[8] *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. с. 43.

Применительно к нашему материалу выделенные нами положения Л. В. Щербы означают следующее:

1) рассматриваемая категория слов образуется по схемам и правилам, заложенным в языковой системе;

2) словарные фиксации закрепляют их социальные, языковые характеристики в отличие от индивидуальных и речевых.

В соответствии с потребностями «обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями» живые способы создания таких слов предполагают использование всех возможностей системы и одновременно пренебрежение ее ограничениями. Таким образом, наличие в языке слов *авиаопрыскивание* и *автоопылитель* при отсутствии слов «авиаопрыскиватель» и «автоопыление» — языковой факт, как в позитивном плане (наличие), так и в негативном (отсутствие) непосредственно отражающий потребности коммуникации и ими же замыкаемый. Контекстная реализация лексического значения создаваемых по определенным словообразовательным моделям языковых единств обеспечивает семантическую автономность частей, входящих в такое единство. Поэтому слово *автоград,* например, в одном случае называет город автомобилестроителей: «Едут люди в автоград» (заголовок газетной статьи.—Изв., 1969, 10 дек.), а в другом — оборудованный в городском парке детский автогородок: «Автоград для детворы» (название информационной заметки. — Правда, 1974, 9 февр.). Точно так же включаемое в «телетерминологию» слово *телеобозрение,* значение которого вполне выводимо (телевизионное обозрение) и, казалось бы, четко закреплено как наименование одного из видов программы телевидения (например, «Народное творчество». — Телеобозрение), может называть и нечто другое, а именно критический обзор показанных по телевидению фильмов на определенную тему. В «Правде» от 27 мая 1978 г. такая статья «Дела не только семейные» имеет подзаголовок: «Телеобозрение».

Незамкнутость ряда и многосмысленность соединений с неизменяемыми определителями этого типа отмечаются как основные характеристики новообразований нашего времени в разделе об аналитических прилагательных в монографии «Русский язык и советское общество»[9]. Од-

[9] См.: Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис. М., 1968, с. 105—134.

нако развитие процесса во времени вносит, как нам представляется, некоторые коррективы в систему аргументации и выводов авторов монографии.

В монографии детально разбирается процесс превращения «прилагательной морфемы» в слово на примере соединений с компонентом *радио-*. Доказательством свободы соединений с названным компонентом (и рядом других, рассматриваемых как аналитические прилагательные) служит принцип соблюдения следующих условий: 1) значение первого компонента во всех соединениях всегда одно и то же, т. е. строго стандартно; 2) второй элемент соединения есть также отдельное слово, входящее в незамкнутый ряд других соединений с одним и тем же значением; 3) модификация основного, т. е. стандартного, значения первого компонента зависит от значения второго компонента: «зная тип значения существительного, можно предсказать, каково будет значение прилагательного»; 4) аналитические прилагательные, происходящие из компонентов сложных слов, регулярно заменяются прилагательными в чисто относительном значении.

Анализ материала из новейших источников и материалов словаря «Новые слова и значения» по принципу соблюдения названных условий дает достаточные основания, чтобы несколько расширить и пересмотреть представления о языковом статусе «прилагательных морфем».

Начнем с «радиосочетаний», которые, как уже говорилось, детально разбираются в названной монографии, поскольку активизация их в языке ставится в прямую зависимость от социального заказа. Рассматриваются «радиосочетания», распространенные (и распространившиеся) в 20-х годах. Выделены 20 типов значений элемента *радио-*, которые охватывают большинство сочетаний с этим компонентом, но не все, и этот последний факт оказывается самым существенным для наших последующих рассуждений. Дело в том, что окончательный вывод авторов цитируемой монографии о судьбе «радиосочетаний» представляется спорным, если учесть многие новые факты в этом плане. Словарь, к которому мы постоянно обращаемся, составлен по материалам источников 50—60-х годов, и в нем зафиксировано 58 новых слов с препозитивным элементом *радио-*. Подавляющее большинство среди них именно такие, определение значения которых вне контекста «предоставлено догадливости слушателя и читателя»:

Радиовидимость, и, ж. Положение передающей и приемной радиостанций, при котором обе станции находятся в зоне прямой видимости.

Радиовысотомер, а, м. Прибор для измерения высоты полета с помощью радиоволн.

Радиоглаз, а, м. О радиотелескопе.

Радиодень, я, м. Радиопередачи одного дня, посвященные определенной теме.

Радиожурнал, а, м. Периодическая радиопередача, состоящая из материалов разных жанров на определенные темы.

Радиожурналист, а, м. Журналист, работающий в системе радиовещания.

Приведенных примеров достаточно, чтобы снова фиксировать то противоречие, которое, по мнению авторов монографии, характеризует «радиосочетания» 20-х годов и устраняется в 50—60-х годах. Противоречие это весьма существенно в том отношении, что оно становится постоянным и характерным признаком соединений с так называемыми аналитическими прилагательными. С одной стороны, такие языковые единства следует рассматривать как соединения слов, поскольку их многочисленность и регулярная «создаваемость» соответствуют свободе сочетаемости слов, а не элементов слова. С другой стороны, значение компонентов здесь не распределено позиционно и непостоянно, как следовало бы ожидать при свободных сочетаниях.

На коммуникативном уровне это противоречие регулярно разрешается, так как тоже постоянной и характерной для таких сочетаний становится контекстная реализация лексического значения. Контекст становится необходимым компонентом при «выведении» значения таких языковых единств. Поэтому предсказанный в монографии путь развития процесса в направлении позиционного упорядочения значений компонентов не находит подтверждения, если исходить из речевой практики современного нам этапа развития русского языка.

По нашим наблюдениям, нет абсолютно никаких противопоказаний для следующих речевых реализаций в области интересующих нас языковых единиц: ...Абдулов был замечательным чтецом на радио... одним из основателей искусства *радиоактера* (Актеры советского кино, 1974, вып. 10); Мы хотим предложить вам запись, которую мы получили от своих *радиоколлег* из Чехословакии

(передача радиостанции «Маяк» «По заявкам воинов», 1978, 7 мая); Можно было подумать, что он вещает с этой *радиобашни* на всех диапазонах, *радиопророк* (Д. Гранин, Сад камней).

Свобода и регулярность создания в ходе речевой деятельности подобных языковых единств гарантируется системными связями только в плане использования возможностей языковой системы, но подлинным «источником питания» для такой свободы и регулярности служит контекст в самом широком и общем виде. Наряду с *автоводителями* и *автовладельцами* (слова с полностью выводимыми значениями) мы без труда «опознаем» и такие слова, как *автогигант, автотент, автовсеобуч* и даже *автодуши,* поскольку встречаем их в контексте. Причем контекстная «привязанность» как необходимый компонент лексического значения родившегося слова разрушает границы между окказиональными и регулярными образованиями. Например, в заголовке газетной заметки «Мертвые автодуши» (Правда, 1974, 13 авг.) *автодуши,* безусловно, окказионализм, ориентированный на историко-литературный контекст [10], но само по себе слово, взятое изолированно от реального контекста, может быть осмыслено и как синоним к *автоводителям* или *автовладельцам* в гипотетическом контексте, скажем, о подсчете количества автомашин на душу населения.

Право на «двойное представительство» в системе языковых номинаций фиксирует за подобными сложениями и словарь:

Радиолиния, и, ж. 1. Совокупность параллельно или последовательно работающих радиоканалов (см.). 2. Спектральная линия излучения химического элемента или соединения в диапазоне радиоволн.

Радиотеатр, а, м. 1. Коллектив, осуществляющий постановку и исполнение спектаклей, передаваемых по радио. 2. Помещение, из которого ведется передача по радио драматических произведений.

Для других слов подобной структуры такая «двойственность» словарем не фиксируется, но она очевидна:

Автоклуб, а, м. Специально оборудованный автобус, служащий клубом.

---

[10] В заметке речь идет об одном жулике, который скупал автомашины, подлежащие списанию, и здесь же поминается достославный Павел Иванович Чичиков.

Тем же словом, разумеется, мы можем назвать клуб автолюбителей, автоводителей, автовладельцев.

В некоторых случаях словарь отражает принципиальную несущественность однозначности «прилагательной морфемы», т. е. фиксирует ее «антистандартность».

Автопавильон, а, м. Павильон на автомобильной дороге, предназначенный для пассажиров, ожидающих рейсовых автобусов.

Компонент *авто-* в слове «на равных» представительствует как от имени *автомобиль*, так и от имени *автобус*.

Контекстный компонент лексического значения как необходимая характеристика многосотенных новообразований современного языка значительно упрощает и ускоряет некоторые собственно словообразовательные процессы. Так, стала словом «для всех» номинация *аэробус*, которая в названной монографии была квалифицирована как окказионализм. Толкование слова в словаре «Новые слова и значения» может служить еще одним убедительным примером отступления от лексикографической традиции толковых словарей в сторону энциклопедических.

Аэробус, а, м. Самолет, предназначенный для использования в качестве транспортного средства, предусматривающего частоту и непродолжительность рейсов, удобство обслуживания пассажиров. Вместе с тем сейчас уже несомненная общеупотребительность слова *аэробус* (...Будет внедрен самолет-аэробус ИЛ-86, рассчитанный на перевозку 350 пассажиров. — Проспект «Аэрофлот от съезда к съезду») довершает процесс оформления словообразовательной морфемы *-бус*, а неупотребительность слова *космобус* объясняется, очевидно, только отсутствием соответствующей реалии [11].

Поскольку нашей задачей является анализ материала в связи с лексикографической традицией, отдельно встает вопрос о взаимозаменяемости словосложений и словосочетаний, об условиях их варьирования. В этом отношении интерес представляют кино- и телетерминологии. Экстралингвистическая обусловленность «взрыва» в этом разделе русской лексики самоочевидна. В словаре зафиксированы 84 лексические единицы с *кино-* и *теле-*, число это возрастает произвольно за счет постоянно возникающих и регулярно обращающихся языковых единств такого рода: *киновечер*, *киновыступление*, рекламная

[11] См. другое объяснение в кн.: Русский язык и советское общество.

кинокрасота, кинообраз, киносмотр, киноприем, кинопраздник, киношутки; телеклуб, телеконкурс, телеспектакль, телеобозрение, телецикл, телеэкран и т. п. Как видно, не все названные словосложения могут быть заменены словосочетаниями. В своей родной речевой сфере некоторые из этих словосложений сосуществуют со словами без определительного компонента: *фильм, картина, лента, режиссер, оператор* и т. п. Стремясь избежать словесного однообразия, журналисты постоянно прибегают к подобным вариациям. Системная связь со словами *кинематографический (кинематограф), телевизионный* большинства кино- и телетерминов нам представляется в языковом плане начисто утраченной. Подтверждением этому могут служить факты употребления словосочетаний в тех случаях, когда на прилагательном (или существительном) контекстно запрограммирован акцент: Это определялось прежде всего, конечно, личностью ведущего — человека большой *кинематографической* культуры и высокого вкуса (Сов. экран, 1975, № 3, с. 8); Впрочем, способ известен — найти *кинематографический* эквивалент прозы, выразить ее дух и смысл через сумму изобразительных решений (Сов. экран, 1978, № 6, с. 3); Димов всегда удивлялся щедрости, с которой режиссеры и операторы льют воду на актеров, изображая в своих фильмах дожди... Обильный *кинематографический* дождь с трех сторон плотно занавешивал веранду (Ф. Колунцев, Утро, день, вечер. — Октябрь, 1977, № 8, с. 80); заголовки интервью с киноактерами: Мой *кинематограф* (Сов. экран, 1975, № 3), Жизнь моя — *кинематограф* (Сов. экран, 1978, № 11).

Что касается «телесочетаний», то здесь положение несколько другое, и определяется оно разными условиями коммуникации. Словосложения, которые служат постоянным наименованием разного вида телепередач: (художественный, документальный) *телефильм, телеобозрение, телетеатр* и т. п., — почти исключительно в таком виде встречаются в еженедельных газетных программах телевидения, но дикторы воспроизводят их в расчлененном виде: телевизионный художественный фильм, телевизионное обозрение, телевизионный театр миниатюр и т. п. Можно ли считать такое варьирование функциональным? По-видимому, нет. Ведь кроме экстралингвистической обусловленности оно ничего не отражает и не выражает, стилистически такое варьирование абсолютно бесцветно.

В то же время ясно, что в широком обиходе словосложения безраздельно господствуют, тая в себе такие возможности конденсаторов смысла, которыми словосочетания не располагают: *телегерой, телеочерк, телеинформация* и т. д.

Возвращаясь к вопросу об условиях выделения нового класса слов — аналитических прилагательных (см. выше), можно, как нам кажется, констатировать следующее:

1. Связь частей в рассматриваемых соединениях позиционно не закреплена: значение первого компонента не строго стандартно и модификация значения не зависит от значения второго компонента.

2. Возможность замены компонентов сложных слов прилагательными в строго относительном значении нерегулярна и часто исключена.

3. Следовательно, определительные компоненты регулярно создаваемых словосложений на современном этапе развития русского языка нельзя с полной категоричностью рассматривать как аналитические прилагательные.

4. Если иметь в виду весь комплекс взаимодействия экстра- и внутрилингвистических факторов, который сопровождает функционирование рассматриваемой категории слов в русском языке, то представляется небезынтересным их анализ в плане выделения в разряде относительных прилагательных современного русского языка особой категории слов, которые мы назвали сигнально-определительными [12].

Особое место занимает нормативный аспект рассмотрения анализируемых словосложений. Статистические характеристики этой группы лексики современного языка представлены в книге «Грамматическая правильность русской речи» [13]. Среди способов стяжения многословных названий аббревиация за 50 послереволюционных лет утвердилась в качестве основного. Сам по себе этот факт должен рассматриваться как вполне достаточное обоснование необходимости нормативных оценок для постоянно рождающихся новых номинативных единиц. Поскольку,

---

[12] См.: *Катлинская Л. П.* Об особой категории слов в разряде относительных прилагательных современного русского языка.— В кн.: Грамматика и норма. М., 1977.

[13] См.: *Граудина Л. П., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи.— В кн.: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976, с. 270—278.

как сказано выше, стимулятором их возникновения служат исключительно потребности коммуникации, собственно языковые преграды спонтанно преодолеваются. Регулятором в сфере внутриязыковых связей здесь также служит некий внеязыковой фактор: процессы такого рода сопровождаются борьбой против информационной недостаточности [14].

Однако функциональные приметы варьирования словосочетаний и словосложений сегодня еще сохраняются. Так, в устной непринужденной речи встречаются сложносокращенные варианты таких словосочетаний, которые в письменной речи либо невозможны (пока!), либо менее естественны. С другой стороны, как мы отмечали, некоторые устоявшиеся письменные словосложения, например, в «телетерминологии» диктором воспроизводятся в расчлененном виде.

Но в целом на протяжении последних 50—60 лет в русском литературном языке процесс варьирования среди рассматриваемых языковых единиц характеризуется неуклонным ростом употребительности словосложений на месте словосочетаний.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УДАРЕНИЕМ В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ

(на материале терминологии)

Л. Н. Кузнецова

Рассматривая с лингвистической точки зрения вопросы терминологии, исследователи уделяли внимание главным образом происхождению терминов, способам их образования, правописанию. Несколько работ посвящено и акцентологии, работ, рассматривающих варианты ударения в отдельных терминах [1]. Однако в терминологии

---

[14] Там же, с. 271.

[1] См., например: С. О. [Ожегов С. И.] Языковóй и языкóвый.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 1. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 226—227: *Даниленко В. П.* Ковшóвый или ковшевóй? — Там же, вып. 2. М., Изд-во АН СССР, 1959, с. 224; *Махароблидзе Г. А.* Разли́в и рóзлив.— Там же, с. 220—221: *Бельчиков Ю. А.*

существует большой лексический пласт, состоящий из сложных слов (*микроанемометр, прямокишечный, роторно-поршневой, фактор-модуль* и др.), ударение в которых еще не являлось предметом специальных наблюдений. Нашей задачей и будет анализ акцентологии подобных слов-терминов из различных областей науки и техники.

В «Сведениях о произношении и ударении» к орфоэпическому словарю читаем: «... Нормально каждое самостоятельное слово имеет ударение и притом обычно одно. Однако имеются слова, многосложные и сложные по составу, которые имеют или могут иметь два ударения — наряду с основным, обычным словесным ударением второе — побочное, более слабое. Сюда относятся чаще всего некоторые из сложных слов, т. е. слов, образованных путем сложения двух основ, ср., например: *самолётостроение, чёрноморо́диновое (варенье)*»[2].

В одном из своих трудов, затрагивая вопросы ударения, Л. В. Бондарко пишет: «Важно, что ударный слог может объединять вокруг себя ограниченное количество безударных — в среднем не больше пяти-шести. Если число слогов в слове велико, то возникает так называемое побочное или второстепенное ударение. Особенно хорошо его слышно, когда мы произносим сложные слова: *одиннадцатиэтажный, сверхпроводимость* и т. д. В определенной мере возникновение этого второго ударения в слове связано с тем, что „сфера действия“ ударного слога, связывающего безударные в одно целое, небезгранична: человек не может произносить подряд слишком много безударных слогов»[3].

Работа с различными словарями литературного русского языка показала, что сложные слова в этих пособиях независимо от количества слогов снабжены одним, главным ударением в том случае, когда они написаны слитно, и двумя, также главными, когда написаны через дефис. Приведем примеры из словарей, вышедших из печати в 70-х годах. В «Орфографическом словаре русского языка» (М., 1974): *засухоусто́йчивость, магнито-*

Атомный — ато́мный.— Там же, вып. 4. М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 185—188; *Скворцов Л. И.* Валово́й или ва́ловый? — Там же, вып. 6. М., Изд-во АН СССР, 1965, с. 181—183.

[2] Русское литературное ударение и произношение. Под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1955, с. 576.

[3] *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, с. 159.

механи́ческий, радиогидрометеорологи́ческий, электровоздухораспредели́тель и *гря́зе-ка́менный, пехо́тно-деса́нтный, зигза́г-маши́на*. В словаре-справочнике «Слитно или раздельно?» (М., 1972): *иммунодиагности́ческий, целлюлозоразруши́тель, этилендиаминтетраацета́т* и *нате́чно-скорлупова́тый, наря́д-зака́з, этамина́л-на́трий*. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972): *древонасажде́ние, мотопехоти́нец, крупнокали́берный* и *кают-компа́ния, электро́нно-вычисли́тельный*. Словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) дает приведенные в нем сложные слова, придерживаясь тех же принципов: *бронека́тер, автоинспе́ктор, лавровишневый, турбокомпре́ссор, травматологи́ческий* и *фабри́чно-заводско́й*.

Однако если мы обратимся к орфоэпическому словарю «Русское литературное ударение и произношение», то увидим, что большое количество сложных слов, состоящих из двух основ, приводится с двумя ударениями — главным и второстепенным, а некоторые сложные слова, состоящие из трех основ, с тремя — с двумя второстепенными и одним главным: *мя̀созаготови́тельный, ту̀рбогенера́тор, э̀лектромашѝнострои́тель*. Во многих сложных словах, написанных через дефис, также отмечается главное и второстепенное ударение, а не два главных, как в других словарях: *ана̀рхо-синдикали́стский, о̀бер-прокуро́р, ссудосберега́тельный, кают-компа́ния*.

Как же ведет себя ударение в сложных словах в живой речи? Материалом для наблюдения послужили сложные слова, относящиеся к терминологии, записанные во время лекций, заседаний, а также во время прослушивания радио- и телевизионных передач в произношении дикторов и специалистов различных областей культуры, науки и техники.

Анализ результатов прослушивания показал, что сложные слова в живой речи могут звучать в следующих вариантах:

I. Сложные слова, состоящие из двух компонентов:

1) с одним, главным, или сильным, ударением (*пятновыво́дчицами*[4], *трудоустро́йства, хлоропла́сты, квазизвёздные, рационно-физи́ческих процессов, рационно-хими́ческих процессов*);

---

[4] Слова даются в той форме, в которой они зафиксированы при прослушивании.

2) с сильным и слабым, второстепенным, ударением (*а̀втомобили́сты, а̀глоука́лывания, мета̀ллоре́жущих станков, мѐтагала́ктика, рези́нотехни́ческих, ша́рообра́зной сферы, элѐктроэне́ргии, проѐктно-констру́кторские, доро̀жно-патру́льная служба, кузнѐчно-ре́жущих машин*);

3) с двумя сильными ударениями (*бо́ртинжене́р, би́охими́ческих, те́рморезако́в, в о́бщетра́нспортных условиях, пожа́роопа́сность, для дву́хсме́нной работы, ри́тморелакса́тор, в и́кс-хромосо́ме, камво́льно-пря́дильную фабрику, хлори́дно-на́триевая вода*).

II. Сложные слова, состоящие из трех компонентов:

1) с одним сильным ударением (*видеотелефо́н, авиаспортклу́бы*);

2) с сильным и одним слабым ударением (*га̀зоэлектросва́рщиков, элѐктрогазосва́рщик, бѝополиме́ров, мѝкрово́доросли, машини́сток-делопроизводи́телей*);

3) с сильным и двумя слабыми ударениями (*магнѝтогѝдрогенера́торов, элѐктромашѝностроѐния, вѐдофѝзиолечѐбницей*);

4) с двумя сильными ударениями (*ми́крокалори́метра, би́оритмоло́гии, в железнодоро́жно-во́дном сообщении, га́мма-дефектоскопи́ческих, ме́дико-биологи́ческие исследования*);

5) с тремя сильными ударениями (*не́фтега́зодобыва́ющей промышленности*).

В каких же случаях преобладает каждая из разновидностей ударения? Сложность этого вопроса очень велика: характер связи составных компонентов не всегда четко выражен, весьма разнообразна структура компонентов, различно и количество основ, входящих в сложное слово. В связи с этим в статье делается лишь попытка рассмотреть, как влияют некоторые из этих условий на поведение ударения в сложных словах. Так как слов с тремя основами сравнительно небольшое количество, то в настоящей работе мы будем рассматривать слова, состоящие из двух основ.

Прежде всего следует обратить внимание на зависимость ударения от характера связи компонентов сложного слова — сочинительной и подчинительной. Если судить по материалам словарей, то при подчинительной связи компонентов сложное слово имеет одно ударение, при сочинительной — два или три в зависимости от количества компонентов (исключение составляет орфоэпический словарь «Русское литературное ударение и произношение»,

отмечающий и второстепенные ударения, о чем было упомянуто выше). Соответственно весь материал, записанный во время прослушивания радио- и телепередач, лекций и т. д., был разделен на две большие группы: первая с подчинительной связью компонентов, вторая — с сочинительной. Для анализа были отобраны сложные слова, состоящие из двух основ. Среди слов с подчинительной связью отдельно рассматривались образования из двух полных основ, например: *металловедение*, *газоструйный*, *мясоперерабатывающий*; образования, состоящие в первой части из иноязычных слов, представляющих собой как бы усеченную основу типа *авиа...*, *турбо...*, *био...*, *агро...*, *авто...*, *электро...* и др., например: *электрокар*, *автоавария*, *видеотелефон*.

Таблицы, составленные для каждой группы, дали такую картину: сложные слова с двумя полными основами с подчинительной связью входящих в них компонентов практически одинаково часто произносятся как с одним лишь сильным ударением — в 42% всех наблюдений (*в микронóжной мышце, высокотóчных приборов, материаловéдения*), так и с двумя — сильным и слабым — ударениями, что отмечалось в 41% записанных слов (*йглотерапи́я, картòфелеуборочные тракторы, лѐсопосáдки, прибдростроéния*). На долю слов, произнесенных с двумя сильными ударениями, в этой группе приходится 17% (*нéфтедобы́чи, крýглосýточная школа, мя́соперераба́тывающий завод*); сложные слова с первой частью *авиа...*, *турбо...*, *био...* и т. д. чаще произносятся с одним ударением — 45% (*биома́сса, инфракра́сную, термоя́дерный, гидростати́ческий*), чем с двумя — сильным и слабым — 38% (*ùнтерко́смос, àстрофизи́ческие, элèктротехни́ческая промышленность*), и с двумя сильными ударениями — в 17% отмеченных наблюдений (*те́рморезаки́, ми́кроманипуля́тора, меха́нотерапи́я*). Возможно, это происходит потому, что в этих словах основы составных компонентов выделяются недостаточно четко.

Во второй группе слова с сочинительной связью компонентов произносятся с двумя сильными ударениями в 71% наблюдений (*то́пливно-энергети́ческий, кузне́чно-пре́ссового оборудования, ликёро-во́дочной продукции*), с сильным и слабым — в 29% слов этого типа (*мя́со-моло́чного направления, фи́льм-конце́рт, сле́сарей-монта́жников*). Встретились два случая произнесения слов этой группы с одним ударением (*рационно-физи́ческих* и *ра-*

ционно-химических процессов), которые в данной работе не были учтены, так как они, по-видимому, носят случайный характер.

Нужно отметить, однако, что четкого разграничения употребления той или иной интенсивности ударения ни в одной группе не существует: так, нередко звучат поразному одни и те же слова — *термоя́дерный синтез, те́рмоя́дерного реактора* и даже *те́рмоя́дерного, интерко́смос* и *и́нтерко́смос, фо́тоэлеме́нт* и *фо́тоэлеме́нт, фо́топреобразова́ния* и *фо́топреобразова́ния, серде́чно-сосу́дистую* и *серде́чно-сосу́дистой, мя́со-моло́чной* и *мя́со-моло́чной промышленности.*

Если представить все описанное выше в таблице, она будет выглядеть следующим образом:

Ударение в сложных словах

Количество ударений	Связь компонентов		
	подчинительная		сочинительная, %
	компоненты—две полные основы, %	первый компонент—иноязычное слово типа *авиа...., турбо..., био...*, %	
Одно ударение	42	45	—
Два ударения:			
сильное и слабое	41	38	29
два сильных	17	17	71

Из приведенного материала видно, что характер связи компонентов оказывает сильное влияние на характер и количество ударений в сложном слове: при подчинительной связи преобладает либо одно сильное ударение, либо сильное в сочетании со слабым, при сочинительной — значительный перевес в пользу двух равноправных, сильных ударений.

Рассмотрим, влияет ли количество слогов сложного слова на количество ударений. Рассматривались слова, состоящие менее чем из пяти слогов, затем из пяти, шести и т. д. до девяти слогов. Анализ материала показал, что в сложных словах с подчинительной связью компонентов, состоящих из полных основ, с увеличением количества слогов уменьшается процентное соотношение

слов, имеющих одно ударение (от 67% в трех- и четырехсложных до 15% в девятисложных). Количество примеров с двумя ударениями, как с сильным и слабым, так и с двумя сильными ударениями, возрастает. Так же ведут себя сложные слова с первой частью *авиа...*, *турбо...*, *био...* и т. д. В словах же с сочинительной связью число слогов, по-видимому, не играет роли, так как при любом количестве их процентное соотношение слов с двумя сильными ударениями выше, чем слов с сильным и слабым ударением.

Существует предположение, что, «... чем дальше отстоит основное ударение от места возможного побочного ударения, тем в большей степени можно ожидать двух ударений в слове» [5].

Наши наблюдения дают основание полагать, что в сложных словах с подчинительной связью количество слогов, находящихся между ударным слогом и слогом с возможным слабым или сильным ударением, начинает оказывать влияние на появление второго ударения в том случае, если это количество не менее трех. Причем в словах с двумя полными основами это выражено заметнее. Очевидно, играет роль более четкое выделение обоих компонентов, чего нельзя сказать о словах с первой частью, представляющей собой как бы усеченную основу (ср.: *кордтковоблновой связи, трёхболтовки, станкоинструментальной промышленности* и *метагалактика, механотерапия, микроманипулятора*).

Что касается сложных слов с сочинительной связью компонентов, то количество безударных слогов между ударными практически не оказывает влияния: все слова этой группы произносятся с двумя ударениями.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Самым сильным фактором в живой речи, влияющим на появление второго ударения в сложном слове, является характер связи компонентов, входящих в состав этого слова, — подчинительной или сочинительной. Сочинительная связь требует произнесения обеих основ с ударением, подчинительная — допускает одно ударение.

2. Количество слогов оказывает некоторое влияние на сложные слова с подчинительной связью и не влияет, если связь в словах сочинительная.

---

[5] Русское литературное ударение и произношение. с. 576.

3. Количество слогов между основным ударением и возможным второстепенным также оказывает некоторое влияние на сложные слова с подчинительной связью компонентов при условии, если это количество не меньше трех. На сложные слова с сочинительной связью этот фактор не воздействует.

К СООТНОШЕНИЮ НОМИНАТИВНЫХ СВОЙСТВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ

В. Н. Хохлачева

При всем разнообразии (а в некоторых случаях и совпадении) точек зрения на термин и терминологию существует вопрос, ответ на который однозначен: определенная (значительная) часть терминов формируется на базе средств (слов и форм) общелитературного языка. Но очевидность этого факта не только не облегчает решения проблемы термина, но и значительно его усложняет. Если признать, что «термины в большинстве своем, как и обычные (?) слова, образуются на базе существующих слов и корней общелитературной и специальной (?) лексики» и что «язык науки не располагает особыми способами образования терминов, он использует те же способы, с помощью которых создаются слова общелитературного языка [1], то возникает проблема «узнавания» термина как в момент его создания, так и в любой другой момент (читательского восприятия, научного анализа и т. д.). Иными словами, требуется ответить на вопрос: почему то или иное слово употребляется и воспринимается как термин при условии общего лингвистического тождества термина с «обычными» словами? Функциональный критерий различения («термин — это языковая единица... особой функциональной разновидности общелитературного языка, т. е. языка науки» [2]), так же как и понятийно-смысловой

[1] *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977, с. 89, 97.
[2] Там же, с. 90.

(«термин — наименование специального объекта или понятия»[3]), не объясняет природы термина как такового. Первое условие недействительно в силу того, что «языку науки» свойственны и слова-нетермины, второе — в силу того, что разграничение «специальных объектов и понятий» с «неспециальными» — далеко не очевидный факт. Мало проясняет вопрос и указание на специальную сферу употребления термина, которая является, по сути дела, сферой реализации термина как термина, но отнюдь не непременным условием его существования.

Создается парадоксальная ситуация: безошибочное узнавание термина в любом из контекстов и стихийное осуществление акта терминотворчества в любой отрасли знания[4] опираются на интуитивно осознаваемые онтологические свойства термина, сочетаются с «концептуальной неопределенностью» этих свойств как в языковой практике, так и в лингвистических теориях.

По-видимому, снятие этого противоречия следует отнести к будущему (близкому или отдаленному — предвидеть трудно), сейчас же, как кажется, целесообразно уделить внимание языковым фактам, языковым единицам, свойства которых реализуются в термине. Причем эти свойства могут быть глубоко скрыты в механизме языковых отношений. Такой подход в известной мере отклоняется от метода рассмотрения терминов и терминологий как некой д а н н о с т и, к которой применима разного рода классификационная интерпретация с последующими выводами, чаще всего прикладного характера. В на-

---

[3] Там же.

[4] Эта мысль отнюдь не противоречит известному положению Г. О. Винокура о сознательном образовании терминов (см.: *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Труды МИФЛИ, 1939, т. 5); высказывание ученого: «Сознательность и, в той или иной мере, планомерность в наименовании отвлеченных понятий — факт совершенно бесспорный. Термины не „появляются", а „придумываются", „творятся", по мере осознания их необходимости» (с. 24) — может иметь только одну интерпретацию: термины создаются целенаправленно. Но при этом реализация ресурсов языка, необходимых для создания терминов, осуществляется в полном соответствии с лингвистическими законами — деривацией, заимствованием, конструированием по существующим моделям и т. д. Выход за пределы этих законов невозможен. В акте целенаправленного терминотворчества законы языка реализуются стихийно в том смысле, что они заданы в языковом сознании.

стоящей статье вопрос ставится несколько иначе. За исходное принимается положение об определяющем свойстве термина — его «абсолютной номинативности», исчерпывающая реализация которой выявляется в независимости «значения» термина от контекста. Эта независимость значения делает равным значение термина его понятийному содержанию, т. е. прямому и однозначному соотношению с означаемым. Из этого следует, что областью языковых отношений, реализация которых составляет базу для образования терминов, может быть область лингвистических (и нелингвистических) единиц, выражающих (или, вернее, способных выразить) суженный признак и увеличение объема содержания обозначаемого понятия. Таковыми могут быть совершенно определенные языковые единицы, для которых выражение понятия с узким признаком и «насыщенным» содержанием является их определяющим (категориальным) признаком. Отчетливей это свойство проявляется у заимствований, международных терминированных единиц (слов и морфем), аббревиатур, искусственно создаваемых структур и т. д.

Здесь механизм «образования термина» равен введению единицы в научный, научно-технический или профессиональный обиход. Значительно сложнее обстоит дело, когда решается проблема терминообразования на базе слов общелитературного (общенационального) языка. Наличие «абсолютной номинативности», т. е. освобожденность (отсечение от него) слова от всех лексических значений (сужение признака выражаемого понятия) и закрепленность за ним одного значения (расширение содержания выражения понятия), в приложении к единицам общелитературного (общенационального) языка представляет собой сложное явление или онтологического признака для ряда единиц, или результата развития разнообразных внутриязыковых процессов семантико-грамматического характера.

Процесс становления терминологий и формирования определенных терминов на базе слов общелитературного (общенационального) языка обычно трактуется как процесс модификации прежних связей и отношений, характеризующих эти слова до перехода их в разряд терминов, и развития у них «новых связей и отношений, регулируемых связью понятий, знаками которых становятся

термины»[5]. При всей справедливости этого положения следует признать, что оно недостаточно для объяснения причин собственно языкового характера, в силу которых создается возможность для осуществления указанного процесса модификации. Само явление формирования терминологий на базе общелитературного языка чаще всего изучается с того момента, когда уже можно говорить о появлении термина, т. е. *после* его образования. Значительно реже ставится вопрос о том, какие языковые процессы обусловливают его появление и чем предопределена возможность перехода слов общелитературного языка в разряд терминов. По-видимому, эти процессы будут различными для разных разрядов слов. Но, несомненно, их будут объединять и некоторые общие черты, поскольку конечный результат их одинаков: это переход общеязыковых единиц в разряд специальных терминологий. Поэтому представляет интерес изучение конкретных примеров процесса становления терминов на фоне закономерностей развития того или иного языкового явления, приведшего к терминологизации общелитературной лексики. Далее наблюдения ведутся над языковыми процессами в области словообразования отглагольных существительных, образуемых посредством суф. *-ка* и *-тель*, составляющих, как известно, в современном русском языке довольно значительный пласт терминологической лексики. Избранный объект интересен тем, что, как известно, существительные представляют собой наиболее номинативную категорию, деривационные же значения отглагольных имен близки значениям форм глагольного слова.

Номинативные свойства отглагольных имен оказываются как бы поколебленными, и тем самым снижены возможности их терминологического использования. Но факты свидетельствуют о другом: существительные отглагольного происхождения, причем активно образуемые, составляют расширенную базу для терминообразования. Обращение к сложным и скрытым от непосредственного наблюдения явлениям, снимающим это противоречие, в известной мере способствует уяснению некоторых сторон общей проблемы термина.

[5] *Кутина Л. Л.* Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем.— В кн.: Тезисы докладов на совещании по лингвистическим проблемам научно-технической терминологии. Л., 1967, с. 14.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-ка*

Отглагольные имена, образованные посредством суф. *-ка*, широко представлены в различных терминологиях[6]: *замычка* педальная, *разделка* маршрута, *защелка* (Терминология железнодорожной сигнализации); величина *прокачки* жидкости, *выработка* топлива из бака, *заправка*, *установка* радиаторная (Терминология авиационных силовых установок); *сварка* атомным водородом, эффективность *наплавки* (Сварка металлов); *очистка* газа, *осушка* газа (Терминология газовой техники); *задвижка* (Гидропровод); коэффициент *нагрузки* (Теория надежности в области радиоэлектроники); *стойка*, винтовая *стяжка* (Терминология теории механизмов); кривая *разгонки*, *перегонка* топлива, *присадка* (Терминология моторного топлива); *добавка*, *разгонка* топлива, температура *вспышки* топлива, температура начала *разгонки* (Терминология топлива для двигателей внутреннего сгорания); *выкрутка*, *вырубка*, *высадка*, *высечка*, *вытяжка*, *завивка*, *заготовка*, *закатка*, *закрутка*, *зарубка*, *засечка*, *клепка*, *ломка*, *навивка* (Обработка металлов давлением); *закладка*, *осадка*, *посадка* кровли (Терминология горного давления); *обточка*, *утечка* (Лопастные насосы); *биллеровка*, *запрессовка*, *заштамповка*, *калибровка*, *профилировка*, *штамповка* (Обработка металлов давлением); *фазировка* рельсовой цепи, путевая *блокировка* (Терминология автоблокировки); *блокировка* аккумулятора (Терминология электрооборудования самолетов); *регулировка* жезлов, *нормировка* жезлов (Терминология железнодорожной сигнализации) и т. д.[7]

Можно привести примеры и широкого использования этих существительных в «терминированных» текстах — в прессе, научных и научно-популярных изданиях: ... важных весенних работ, как *окраска*, *конопатка*, *осмолка* (Водн. транспорт); организованы опытные *варки* в автоклаве (Промыш.-эконом. газ.); Механизированная *стилка* кускового торфа (там же); трубы уложены не по *отметкам*, обратная *разводка* — с неправильными уклонами (Строит. газ.); *шлифовка* и *доводка* цилиндра турбо-

[6] Использованы материалы «Бюллетеней комитета технической терминологии», «Сборников рекомендуемых терминов», «Терминологий», выпускаемых Комитетом научно-технической терминологии АН СССР.

[7] Другие примеры см.: *Даниленко В. П.* Указ. соч., с. 147—148.

компрессора (Веч. Москва); *разводка* пара (Водн. трансп.); *доводка* опытных электровозов (Промышл.-экон. газ.); прошли испытания два опытных образца трюмных погрузчиков для *штивки* (разравнивания) угля (там же); бетонные столбы зданий имеют двухрядную *разрезку* на этаж (Моск. строитель); *развязка* движения на узле у ангарского моста (Строит. газ.) и др.

Если к этому добавить активное образование и широкое употребление этих существительных в речи разных типов и разных жанров как в современном языке (во второй половине XX в.), так и в языке предшествующих эпох (XVIII—XIX вв.), то вполне можно допустить мысль о такой степени регулярности модели с суф. *-ка*, которая будет свидетельствовать о возможности производных имен войти в «глагольную лексему». Эта мысль была в свое время высказана [8], и принципиально важное значение приобретает отношение к ней с точки зрения затронутой проблемы о терминологизации отглагольных имен изучаемого строения.

Признание возможности войти в «глагольную лексему» у любого отглагольного имени означает, что производными именами будет выражен тот же признак и в тех же границах, как он выражен в производящих глаголах, а именно широкий признак реляционных отношений. Соответственно уменьшится объем выраженного именем содержания. То и другое противоречит природе термина. Следовательно, гипотетически допускаемая возможность вхождения имен на *-ка* в «глагольную лексему» противоречит реальному статусу этих существительных в современном языке.

Выходом из этого противоречия могут быть поиски тех ограничений, которые создают «статистический порог» [9], препятствующий этим именам войти в «глагольную лексему». Таким препятствием считается «нестандартность значений у большинства этих образований. Слова *сходка*, *записка*, *загородка* и проч. имеют не процессуальное, а предметное значение; слова *вышивка*, *наклейка*, *замазка*, *надстройка*, *выписка* — процессуальное и вещественное, *переброска*, *побелка* — только процессуальное» [10]. Но «нестандартность значения» — лишь

[8] См.: Русский язык и советское общество (проспект). Алма-Ата, 1962, с. 33—34.
[9] Там же, с. 33.
[10] Там же.

следствие собственно словообразовательных явлений, регулируемых более общими языковыми отношениями. В этой связи настоятельно требуется ответ на такие вопросы: каков структурный тип производящих глаголов для имен на *-ка* и каково общее значение производных, носит ли соотношение процессуальных и непроцессуальных значений типический характер или проявляется в виде индивидуализированных вариантов?

Определение структурного типа производящих основ для имен на *-ка* вызывает затруднение. Оказывается, как это ни странно, что глаголы, от основ которых имеются в языке реальные образования на *-ка*, не объединяются по какому-либо общему признаку. Вместе с тем легко показать, что имена на *-ка* образуются далеко не от каждого глагола. В самом деле, какой признак производящих глаголов можно положить в основу классификации?

Одним из первых называют признак переходности глагола [11]. Однако это не решающий признак. Во-первых, имеется какое-то количество образований от непереходных глаголов, как приставочных, так и бесприставочных, ср.: *лежка*, *переездка*, *утечка*, *вылазка*, *разбежка*, *привычка*, *вспышка*, *погудка*, *скрипка*, *насмешка*, *усмешка*, *улыбка*, *спешка*, *стойка*, *заминка* и т. п. [12] Во-вторых, что значительно важнее, имеется значительное количество переходных глаголов, которые не дают производных на *-ка*, ср.: *изображать*, *потреблять*, *увеселять*, *вычислять*, *исцелять*, *наполнять*, *ощущать*, *вооружать*, *заселять*, *закруглять*, *награждать*, *убеждать*, *уединять*, *охлаждать*, *обобщать*, *осеменять*, *одобрять*, *прилагать*, *приспособлять*, *притуплять*, *расслаблять*, *разъединять*, *обеднять*, *зачислять*, *распределять*, *сближать*, *сопоставлять*, *уведомлять*, *упразднять*, *улучшать*, *допускать*, *освещать*, *обучать* и др. Следовательно, такого признака, как переходность, недостаточно для характеристики глаголов, производящих имена на *-ка*.

Наличие или отсутствие приставок в составе глагола никак не отражается на словопроизводстве от их основ имен на *-ка*. Хорошо известны многочисленные образования от бесприставочных глаголов, равно как и от при-

---

[11] Там же, с. 31.

[12] См.: *Дементьев А. А.* Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке (имена существительные с суффиксами *-ок*, *-ка*, *-ко*; *-ец*, *-ца*, *-цо*; *-ица*, *-ице*).— Учен. зап. Куйбыш. гос. пед. ин-та, 1959, вып. 27, с. 89—90.

ставочных: *штукатурка, жарка, золка, возка, валка, рубка, плавка, глажка, варка, гонка, лежка, ломка, ковка, вязка, кладка, сушка, чистка, печка; швартовка, шлифовка, регулировка, калибровка, паковка, кантовка; поломка, ошлаковка, утрамбовка, расчеканка* и т. д.

Более того, для существительных на *-ка* характерно свободное образование от основ однокоренных глаголов, различающихся приставками. Имена на *-ка* образуют своеобразные гнезда разноприставочных образований: *отработка, разработка, выработка, обработка, подработка, сработка; вытяжка, затяжка, протяжка, утяжка; выборка, сборка, отборка, переборка; доводка, разводка, подводка, отводка, проводка* и т. д.

Из структурных признаков производящих глаголов исключается видовая принадлежность глагола, так как в силу своего строения существительные на *-ка* индифферентны к виду производящего глагола.

Таким образом, три основных глагольных признака, которые обычно значимы при словообразовательных взаимодействиях глагола и имени, оказываются в данном случае недействительными.

Все другие, отмеченные в ряде работ, ограничения относительно производящих глаголов — среди них такие, как выраженность или невыраженность значения действия основой (*дымить, сорить, туманить* и *рубить, колоть, резать*), соображения о воздействии омонимии, возникающей при образовании существительных от некоторых глаголов (ср.: *пилка* как уменьшит. от *пила* и *пилка* в значении отвлеченного действия), некоторые ограничения, касающиеся глаголов с суф. *-ну-* и проч. [13], — относятся к частностям, не имеющим решающего значения при раскрытии системы в целом.

Вопрос о системе словообразования имен на *-ка* не может быть решен, если исходить только из одного типа отношений производных имен и производящих глаголов. Необходимо в данном случае ввести еще один вид координат — отношение имен на *-ка* к другим отглагольным именам, и в первую очередь к именам на *-(е)ние*. Производящие глаголы определяются не «абсолютивно», в каких-либо собственно глагольных классификациях, а опосредствованно, через те отношения, которые существуют между именами на *-ка* и *-ение*. Иными словами, структу-

[13] Там же, с. 31 и след., 86 и след.

ра модели образования имен на *-ка* определяется относительно структуры модели образования имен на *-(е)ние*. Из этих сопоставлений вычленяется структурный тип производящих основ для существительных на *-ка*, причем это вычленение происходит по признаку, который непосредственно в производящих основах не обнаруживается. Речь идет о таком признаке, как типы видовых корреляций, свойственных производящим глаголам.

При сопоставлении условий образования имен на *-(е)ние* и *-ка* относительно типов видовой корреляции глаголов наблюдается следующее:

1. Существительные на *-ка*, как правило, не образуются от основ тех глаголов, видовая корреляция которых выражена соотношением *-ить/-ать* и от основ которых продуктивно образуются существительные на *-(е)ние*. Исключения незначительны:

а) от глагола *ошибиться — ошибаться* имеем образование *ошибка* и нет имени на *-(е)ние*;

б) от глаголов *надбавить — надбавлять*, *прибавить — прибавлять*, *добавить — добавлять* имеем соответственно *надбавка*, *прибавка*, *добавка*, *добавление*;

в) от глаголов *вправить — вправлять*, *поправить — поправлять*, *выправить — выправлять* имеем: *вправка* и *вправление*, *поправка* и *поправление*, *выправка* и *выправление*;

г) от глаголов *подставить — подставлять*, *приставить — приставлять*, *выставить — выставлять*, *вставить — вставлять* образуются *подставка*, *приставка*, *выставка*, *вставка*;

д) глаголы *заявить — заявлять* дают существительные *заявка*, *заявление*; *замечать — заметить* — существительные *заметка*, *замечание*.

Примечательна не только малочисленность исключений, но сам их характер.

Параллельно образованные существительные (*заявка* и *заявление*, *прибавка* и *прибавление* и т. п.) различаются семантически. Имеет место отсутствие имен на *-(е)ние* при наличии имен на *-ка* (*ошибка*, *подставка*, *приставка*, *выставка* и т. д.).

2. Имена на *-ка* систематически образуются от основ глаголов, входящих в другие типы видовых корреляций, от которых также систематически осуществляется словообразование имен на *-(е)ние*.

Видовые корреляции выражены суффиксально:

а) *-ить*, *-ать* (сов. вид); *-ивать* (несов. вид): *подвеска, выкрутка, прополка, разладка, выброска, перепечатка;*

б) *-нуть* (сов. вид), *-ать*, *-ивать* (несов. вид): *завертка, развертка, свертка, вытяжка, затяжка, протяжка, утяжка, стяжка, натяжка, передвижка, улыбка, усмешка, привычка, задвижка, вспышка.*

Видовые корреляции выражены чередованием:

а) неслоговой основы (сов. вид) со слоговой основой на *-ва-* (несов. вид): *разливка, отливка, подливка, промывка, укрывка, обшивка, прорывка, забивка, набивка, сдувка, продувка;*

б) в основе: *разводка, проводка, оплетка, загибка, затирка, пропуска, разбежка, протирка, разгонка, пригонка, утечка, засылка.*

Видовая корреляция выражена противопоставлением бесприставочных основ приставочным: типа *вязка, перевязка.* Значительное место занимают образования от глаголов с русской основой на *-овать* и с заимствованной основой на *-овать*, *-ировать*, произведенных как от беспрификсальных, так и от префиксальных основ: *лицовка, облицовка, линовка, разлиновка, стыковка, затыловка, разжгутовка, зимовка, перезимовка, почевка, страховка, подстраховка, швартовка, футеровка, анкеровка, изолировка, цеклевка, отбраковка, шлицовка, торцовка, шихтовка, перешихтовка* и т. д.

Итак, имена на *-ка* систематически образуются от глаголов, видовая корреляция которых выражена любым другим способом. Однако вне сопоставлений с системой образования имен на *-(е)ние* констатация этого факта почти ни о чем не говорит.

Известно, что существительные на *-(е)ние*, образованные от основ глаголов, коррелирующих по виду посредством морфем *-ить/-ать*, совмещают процессуальные и непроцессуальные значения (имена I рода); существительные, образованные от основ глаголов, коррелирующих по виду посредством другого типа соотношений, обладают процессуальными значениями (имена II рода) [14]. Существительные на *-ка*, которым свойственно совмещение процессуальных и непроцессуальных значений, систематически и функционально тождественны именам I рода

[14] См. об этом: *Хохлачева В. И.* К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

и нетождественны именам II рода; первым они не противопоставлены, вторым противопоставлены как отглагольные имена (менее глагольные) отглагольным именам (более глагольным). Поэтому в образовании имен на *-ка*, которые соотносились бы с именами на *-(е)ние* I рода, в системе нет нужды. Напротив, появление и распространение имен на *-ка*, которые соотносятся с именами на *-(е)ние* II рода и представляют собой в громадном большинстве случаи параллельного образования от одних и тех же основ (*регулирование — регулировка*, *гонение — гонка*, *переписывание — переписка*), связано со снижением глагольности в категории отглагольных имен в целом.

Противопоставление имен на *-ка* и имен на *-(е)ние* подчинено одной цели — снижению глагольности отглагольных существительных в целом. С появлением в языке модели образования имен на *-ка* вся категория отглагольных существительных оказывается менее глагольной, чем прежде. Сам факт безразличия в употреблении однокоренных существительных на *-(е)ние* и *-ка*, о чем часто говорится в соответствующих трудах, свидетельствует о том, что собственно глагольные качества отглагольных имен нейтрализуются, становятся менее действенными.

Что же касается реального соотношения в функционировании моделей существительных на *-ка* и *-(е)ние*, то, скорее всего, это соотношение можно назвать равновесием: для современного языка вряд ли определима «позиция различения» при образовании имен той или иной конструкции, если, конечно, мы не имеем дело с воспроизведением лексических единиц с разным значением, хотя и образованных от основ одного глагола, типа *гонка* и *гонение*.

Таким образом, смысл и назначение модели образования существительных на *-ка* заключается в том, чтобы создать в системе отглагольных имен противопоставление менее глагольных имен (на *-ка*) более глагольным именам на *-(е)ние*. В этом проявляется все та же закономерность нейтрализации глагольности в системе отглагольных имен в целом.

Исходя из высокой продуктивности модели имен на *-ка* в современном языке, все же нельзя считать эти имена в той или иной мере приближенными или приближающимися к формам производящего глагола и вот почему. Во-первых, словопроизводство имен на *-ка* нерегулярно,

они не образуются от основ глаголов, коррелирующих по виду посредством противопоставления морфем *-ить/-ать*, хотя это ограничение не носит характер структурного. Во-вторых, в именах на *-ка* объединяются процессуальные и непроцессуальные значения; следовательно, они вообще не могут «войти в глагольную лексему». Положение этих имен в словообразовательной системе определяется их принципиальным противопоставлением глагольной лексеме, заключающимся в нерегулярности образования, с одной стороны, а в совмещении процессуальных и непроцессуальных значений — с другой.

Изучение имен на *-ка*, главным образом в их противопоставлении и взаимодействии с существительными на *-(е)ние*, дает возможность предположить, что отглагольным именам отвлеченного действия как категории свойственно объединять в одной лексеме процессуальные и непроцессуальные значения. Те факты, когда за отдельно взятыми отглагольными существительными, обладающими этим свойством, в словарном порядке закрепляется одно из значений, процессуальное или предметное, нисколько не противоречат общему положению единства процессуальных и непроцессуальных значений и целиком из него вытекают.

Возможность, даваемая общим структурным статусом модели, закрепить за производным процессуальное или предметное значение и является первопричиной терминологизации производных имен.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-тель*

Существительные на *-тель* в современном русском языке распадаются на две основные группы — обозначающие лиц и обозначающие предметы. Предметные наименования в целом относятся к области терминологий. Это — наименования машин, приборов, деталей, веществ и т. д.[*смеситель, осушитель, заполнитель, краситель, ловитель, затвердитель, взрыватель* и др.). Что же касается личных наименований, то они делятся, в свою очередь, на терминологические обозначения должностей и профессий [15] и общелитературную лексику обозначений

[15] Ср., например, наименования профессиональных и должностных занятий (в том числе в составе сложных наименований), приведенные в «Систематическом словаре занятий» (М., 1959): *замешиватель* смеси, *заготовитель* электродов, *осадитель, выщелачи-*

лиц по разным признакам (*мечтатель*, *любитель*, *избиратель*, *покупатель*, *читатель* и др.).

Наименования лиц предшествовали во времени предметным наименованиям, причем этот временной период был весьма значительным. Неличные значения у имен на *-тель* встречаются в текстах не ранее XVIII в., в то время как образование имен лиц посредством этого суффикса относится к общеславянской эпохе [16]. В последующие эпохи в русском языке активно функционировала модель образования имен лиц на *-тель*. Слова этого строения значительным пластом входили в состав общелитературной лексики [17].

Констатация этих фактов подводит к вопросу: в результате каких процессов, протекающих в русском литературном языке, осуществилась семантическая модификация личных наименований и чем была подготовлена почва для появления слов того же строения с неличным значением и обладающих свойством термина?

Развитие неличных значений существительных на *-тель* тесно связано с историей семантических преобразований в кругу личных наименований и обусловлено этими преобразованиями.

Существительные на *-тель* в пределах личных наименований не были едины в своих значениях в любую эпоху развития русского языка [18]. Намечаются три типа значений, зависящих от характера соотношения производных имен с производящими глаголами:

1. Семантика производных имен полностью опирается на семантику производящего глагола, т. е. имена соотносительны со всеми значениями глагола и управляют зависимыми словами по типу глагольного управления (*копать яму — копатель* ямы, *усладить* взор — *усладитель* взора); значения этих слов близки значениям причастий «выполняющий действие, названное глаголом».

2. Семантика производных имен у́же семантики производящих глаголов, т. е. имена соотносительны не со все-

---

ватель, технолог-*изыскатель*, *обогатитель*-техник, *подготовитель* флюсов и др.

[16] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, с. 281.

[17] См., например: *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка XIX в. Л., 1972.

[18] См.: *Хохлачева В. И.* Существительные на *-тель* в русском языке XIV—XVII вв.— В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974.

ми значениями глагола и управление зависимыми словами отличается от глагольного управления (*последовать* за кем-/чем-л., кому-/чему-л.— *последователь* кого-/чего-л.).

3. Семантика производных имен не определяется семантикой производящего глагола (*писать* что-л., но *писатель*-литератор, *обозревать* окрестности, но *обозреватель* газеты «Известия», *преподавать* что-л., но *преподаватель* высшей школы).

Семантическая соотнесенность имени и глагола исторически изменчива и направлена на снижение черт глагольности в глагольных именах различных типов образований, в том числе и в именах на *-тель* [19]. Под воздействием этой закономерности увеличивалось количество слов второй и третьей групп и уменьшалась возможность образования слов первой группы. Это привело к тому, что в сер. XVIII — нач. XIX в. превалирующим значением в кругу имен на *-тель* было значение «лицо, выполняющее или способное к выполнению социально-осознанной функции», что в части слов совпадало с терминологическим обозначением лиц по профессиональному или должностному признаку. Развитие терминологических черт у личных наименований послужило почвой для возникновения у существительных на *-тель* предметных значений, поскольку мотивом наименования предмета, осуществляемого данным типом слов, является наименование его по выполняемой функции.

По словарям и литературным текстам прослеживается начальный этап в истории развития неличных значений у имен на *-тель* [20]. В Словаре Академии Российской

---

[19] См. об этом: *Хохлачева В. Н.* К истории отглагольного словообразования...

[20] Интересно отметить, что в богатой материалом монографии Л. Л. Кутиной «Формирование терминологии физики в России» (М.— Л., 1966) приводится лишь один пример использования существительного на *-тель* с неличным значением в научных текстах XVIII в.: «...предложение махины, которою чрез немалое время движения округлое, оризонтальное, без всякого наружного *двизателя* сохраняются» (Материалы для истории Академии наук.— Цит. по: *Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 139). Приводимые ниже примеры (малочисленные) извлечены из большого количества просмотренных текстов специальной и журнальной литературы XVIII—XIX вв. Это подтверждает положение о поздней по времени активизации образования и употребления имен на *-тель* с предметным значением в истории общелитературного языка.

(1806—1822) помимо математических терминов *делитель*, *множитель*, *числитель* лексикографически зафиксировано слово *указатель* с таким толкованием: «В солнечных часах называются стрелки, показывающие часы или минуты»; «В книгах знак, употребляемый для чего-либо». В первой половине XIX в. число существительных на *-тель* с неличным значением, фиксируемых лексикографически, увеличивается. «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. отмечает: *Сгуститель* — «Физический прибор, служащий для сгущения электричества, конденсатор»; *ветроиспускатель* — «Физический прибор, посредством которого вода превращается в пары»; *сдвигатель* — «Горн. Жила или трещина, бывающая причиной сдвигания жилы или пласта»; *производитель* — «2. Мат. Фигура, образующая какую-либо другую фигуру»; *показатель* — 3. Мат. Число или буква, поставленная с правой стороны над количеством для обозначения степени, в которую они возвышаются»; *водомерятель* — «Мера количества воды; водомерная бочка»; *звукомерятель* — «Физ. Снаряд, служащий для измерения напряженности звуков и для сравнения их между собой»; *толстоизмеритель* — «Инструмент, которым измеряется толщина или диаметр дерев, преимущественно на корне»; *самоучитель* — «Книга, содержащая в себе руководство по изучению чего-либо без помощи наставников». Ср. также в «Опыте терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного» В. Бурнашева: *выслащиватель* — «средний чан из числа трех чанов, употребляемых в делопроизводстве горячей вымочки свекловицы»; *навиватель* — «чесальный цилиндр в грубочесальной суконодельной машине».

Предметные наименования на *-тель* в языке литературных текстов XVIII — первой половины XIX в. представлены шире, чем в словарях: Далее делает он описание о почте на голубях и бумажных змеях. О сей последней упоминает он, что можно письма как принимать, так и отправлять оные по анемометру, или *ветропоказателю*... (М. И. Страхов, Сатирич. вести.); ...часть машины, в которой совершается процесс перехода теплоты, названа *воспроизводителем*, generator (Библиотека для чтения, 1834); ...на противоположном боку оси устроен *уравниватель* (регулятор), проходящий между столбами... (там же); Итак, необходимое условие для хода машины состояло в том, чтобы попеременно отворялись и затворя-

лись два клапана, называемые: один уравнителем (régulateur) или паровым, а другой сгущающим или водяным (Козловский, Краткое начертание теории паровых машин.— Современник, 1837): После чего машинист затворяет сгущающий клапан N и отворяет *уравнителя* B (там же); x — *охранитель*, или клапан, на котором лежат тяжести (там же); Насмешка сия, наиплодовитейшая из всех насмешек, привела Торричелли к изобретению барометра, т. е. *показателя* высоты столба ртути (там же); Усовершенствованный Эркрайтом механический ткацкий станок и применение к машинам парового *двигателя*, сделанное Уаттом, дали совершенно новый вид промышленности Англии и всей Европы (Н. Добролюбов, Роберт Овэн и его попытки общественных реформ); Новый *движитель* машины (Отечеств. зап., 1839); ...потом пришел пешком изобретатель новых *огнегасителей*, суливший золотые горы (Мамин-Сибиряк, Дикое счастье).

Из примеров видно, что новые имена на *-тель* с неличным значением появились как терминологические обозначения приборов, машин, отвлеченных понятий. Они или употреблялись на первых порах чаще всего в сопровождении толкования посредством иноязычного термина, ср.: *воспроизводитель* — generator, *уравнитель* — регулятор, régulateur, или сами использовались в качестве перевода-толкования, ср.: анемометр — *ветропоказатель*, барометр — *показатель* высоты столба ртути и т. д.

По-видимому, и широко распространенные математические термины по своему происхождению связаны с переводом-калькированием иноязычных наименований, ср.: франц. multiplicateur — *множитель*, numerator — *числитель*, diviseur — *делитель*, denominateur — *знаменатель*.

Использование имен на *-тель* для переводов и калькирования некоторых терминов, в том числе обозначающих приборы, машинные части и прочее, опиралось на функциональную идентичность суф. *-тель* в составе русских слов и элементов *-ор*, *-тор*, отчасти *-ант* в составе иноязычных.

По-видимому, переводы и калькирование иноязычных предметных наименований были первым стимулом в использовании имен на *-тель* для неличных обозначений. Несомненно также, что внешним толчком к активизации в словопроизводстве этих слов была потребность в них, социальный заказ на них в связи с развитием различных

отраслей науки, когда появилось множество предметов — машин, приборов, веществ, нуждающихся в терминологических обозначениях. Но наличия «социального заказа» на наименования определенного типа далеко не достаточно для объяснения собственно языковых явлений, реализующих этот «заказ».

Для того чтобы на базе отдельных неличных наименований на *-тель* создалась современная активно действующая словообразовательная система предметных обозначений, нужны были определенные условия собственно языкового характера. Эти условия сложились в результате преобразования словообразовательного значения имен лиц на *-тель*, которое в современном русском языке по сравнению с предыдущим периодом сузилось до значения «лицо, обозначенное по выполнению социально осознанной функции». Мотив наименования лица, таким образом, свелся к выражению постоянного и устойчивого отношения к названному действию. При наименовании нелиц мотив постоянного и неизменного отношения к названному действию является единственно возможным.

Модель образования терминов — существительных с предметным значением на *-тель* — сформировалась, таким образом, на базе модификации «связей и отношений» производного имени и производящего глагола. Необходимые термину свойства — сужение называемого признака и увеличение объема содержания, выраженного словесным знаком, — были обусловлены общими закономерностями внутриязыкового развития.

В статье предпринята попытка в сложных и глубоко скрытых языковых отношениях увидеть источник образования терминов на базе средств общелитературного (общенационального) языка. Решающим при этом оказывается номинативное свойство существительных, регламентирующее значение производных единиц, в том числе отглагольных, в направлении сужения признака выражаемого и увеличения объема содержания.

ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГРУППЕ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Л. К. Чельцова

Среди групп существительных, не употребляющихся в форме мн. числа, наиболее подвижной является группа отвлеченных существительных: процесс конкретизации, опредмечивания отвлеченных существительных закономерно связан с образованием и употреблением формы мн. числа [1]. Использование форм мн. числа традиционных singularia tantum характерно для научно-технической терминологии [2]; формы мн. числа отвлеченных существительных встречаются в языке некоторых писателей и поэтов [3].

В настоящее время основным источником новообразований наряду с профессионально-научной речью является газетно-журнальная речь. Группы абстрактных существительных с отмеченными формами мн. числа разнообразны и характеризуются различными семантическими отношениями форм числа, например: действие — результат (*полив — поливы*), вещество — виды вещества (*вино — вина*), качество — предметы, обладающие этим качеством (*емкость — емкости*), качество — конкретные проявления этого качества (*глупость — глупости*). Не ставя перед собой задачи анализировать выделенные группы (достаточно подробно описанные в различных научных работах), остановимся на отдельных примерах употребления форм мн. числа, получивших распространение в газетных и журнальных статьях и заметках, освещающих

---

[1] См.: Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976; *Граудина Л. К.* Словоизменительные варианты: вес переменных элементов в грамматике.— В кн.: Грамматика и норма. М., 1977, с. 156—158.

[2] См.: *Сумкина А. П.* Деривационные корреляции существительных в формах множественного числа.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964, с. 222—235; *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.

[3] См.: *Чернышев В.* Правильность и чистота русской речи, вып. 2. Пг., 1915, с. 146—150; Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. Очерки по истории грамматики русского литературного языка XIX в. М., 1964, с. 104—111; 157.

международную жизнь и социально-общественные отношения: Мы готовы к выработке обязывающих международных *договоренностей*... Что касается Советского Союза, то мы уважаем и выполняем достигнутые в Хельсинки *договоренности* (Изв., 1976, 6 окт.); Передовики производства, мастера — золотые руки, инициаторы новых *починов*! (Работница, 1976, № 1); Вся история нашего социалистического государства наполнена смелыми и все более успешными внешнеполитическими *инициативами* (Коммунист, 1976, № 8); Участники совещания «шестерки» не могли пройти мимо *реальностей* современного мира (Правда, 1975, 23 нояб.); В этом духе мы провели наши предварительные *обмены* мнениями с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко (Правда, 1975, 26 мая); В годы девятой пятилетки хорошо зарекомендовали себя патриотические *начинания*: шахтеров Донбасса и Кузбасса... новосибирских предприятий... другие ценные *почины* (Агитатор, 1976, № 2); ...участвовать в международных *гарантиях* безопасности (Коммунист, 1976, № 14); Нам не нужны надуманные «*почины*». Нам нужны деловые, действительно идущие из гущи масс *инициативы*, способные зажечь, вдохновить миллионы людей. Один из них — работать без отстающих. Именно такие *почины* и надо распространять (Изв., 1978, 16 дек.).

Возникает вопрос, насколько правомерны и нормативны формы *инициативы*, *почины*, *договоренности*, *реальности* и т. п., чем вызвано их употребление?

Можно отметить, что до недавнего времени эти существительные в их традиционном значении, как правило, не употреблялись в форме мн. числа; в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова слова *договоренность*, *почин*, *реальность* сопровождаются пометой «мн. нет». Однако с середины 60-х годов форма мн. числа подобных существительных приобретает широкое распространение вопреки рекомендациям справочников, запрещающих ее употребление [4]. В грамматиках и от-

---

[4] Например, в словаре-справочнике журналиста «Трудности русского языка» (под ред. Л. И. Рахмановой. М., Изд-во МГУ, 1974) говорится, что «слово *инициатива*, будучи отвлеченным существительным, не может употребляться в форме множественного числа» (с. 184). С этим высказыванием вряд ли можно согласиться. Ср., например, оценку Л. И. Скворцова: «Такое употребление формы *инициативы* в конкретном осмыслении („предложения", „проекты", „мероприятия" и т. п.) потенциально заложено

дельных лингвистических работах отмечается, что грамматических ограничений для образования формы мн. числа у отвлеченных существительных нет; теоретически такие существительные оцениваются как слова с потенциальными формами мн. числа [5].

Употребление формы мн. числа связано с процессом конкретизации, опредмечивания [6]. Можно, однако, предполагать, что конкретные значения потенциально присутствуют и в самом ед. числе. В докладе П. А. Соболевой, сделанном в 1977 г. в Институте русского языка АН СССР, говорилось, что, «например, у слов *глупость, пошлость, безумство, бестактность, нежность* имеются конкретные значения проявления качества, в частности значения, соответствующие словосочетаниям *глупый, пошлый, бестактный поступок.* Множественное число, образованное от существительных в этих конкретных значениях, грамматически соотносительно с единственным: *глупость (глупый поступок) — глупости, пошлость (пошлое выражение) — пошлости* и т. д. По аналогии с существительными, развивающими значение проявления качества или состояния, можно предположить потенциальное наличие таких конкретных значений и у других абстрактных существительных в единственном числе. Если это так, то можно утверждать, что множественное число абстрактных существительных способствует объективации значений, потенциально присутствующих в единственном числе».

В анализируемых нами словах конкретное значение есть, по-видимому, и в форме ед. числа: *инициатива, почин* — это не только свойства, качества (‹предприимчивость, внутреннее побуждение›), но и конкретное, предпринятое кем-либо начинание, предложение, дело [7] (ср., например: ...если бы у меня была *инициатива*, я бы не

в системе русского языка» (*Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. Докт. дис. М., 1978, с. 87).

[5] См.: *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 57—58; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 323.

[6] Ср.: «Вообще конкретизация и индивидуализация отвлеченных понятий, сопровождающаяся возникновением в соответствующих словах новых значений и оттенков, нередко обогащает эти слова формами множественного числа» (*Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972, с. 133).

[7] В БАС у существительного *инициатива* среди других значений отмечается ‹первый шаг в каком-либо деле; начинание, почин›.

вывешивала объявления (Неделя, 1978, № 15) и *Инициатива* Средневолжского станкозавода... была поддержана на большинстве предприятий области (Изв., 1976, 6 окт.); Надо оправить *инициативы* Ф. Я. Котова и Г. И. Марчука достаточно жесткими рамками системы (Труд, 1976, 3 нояб.); *договоренность* — это и наличие соглашения и само конкретное соглашение; *реальность* — это и свойство реального и явление действительности, факт.

Тенденция к размежеванию чисел, активно проявляющая себя в последние годы, приводит к тому, что в зависимости от реальной действительности конкретные значения противопоставляются по числам: единичность действий или предметов — ед. число, множество действий или предметов — мн. число[8]: Не потому ли такое широкое признание завоевали *инициативы* москвичей, направленные на повышение производительности труда, технического уровня производства и качества продукции; *инициатива* ленинградцев по досрочному выполнению заказов новостроек (Неделя, 1978, № 15); Крупным шагом здесь явилась бы реализация советско-американской *договоренности* о совместной *инициативе* относительно заключения соответствующей конвенции (Коммунист, 1976, № 14, с. 21); ...будет вести настойчивую работу по реализации хельсинкских *договоренностей* всеми государствами (там же, с. 27); Особенно показателен для определения уровня современного международного культурного *обмена обмен* художественными выставками (Агитатор, 1976, № 2, с. 33); Советский Союз всегда выступал за свободный характер культурных *обменов* (там же, с. 34). Наряду с сочетаниями: *удачный, смелый почин, по почину, по собственному, по своему, личному почину, взять на себя почин, подхватить, поддержать, распространить* и т. п. *почин*; *по собственной, личной инициативе* — появились сочетания: *ценные, патриотические починны, инициативы; советские, практические, внешнеполитические, рабочие, деловые инициативы; международные, необходимые, хельсинкские, двусторонние договоренности; инициативы, направленные на что-либо; инициативы ленинградцев, москвичей* и т. п.; *инициативы по чему-либо*,

---

[8] См.: «Взаимодействие лексико-семантического и грамматического начала в категории числа идет под знаком усиления грамматической регулярности форм» (*Граудина Л. К.* Указ. соч., с. 156).

о чем-либо[9], *договоренности о чем-либо*; *поиски договоренностей; с инициативами выступают, инициативы завоевывают признание* и т. д.

Очевидно, что появление форм мн. числа у существительных *инициативы*, *почины*, *договоренности* и т. п. можно считать вполне закономерным явлением, однако следует учитывать, что их современное употребление связано с определенными по жанру и содержанию текстами.

---

[9] Словарь «Трудности русского языка» оценивает конструкции *инициативы по чему, инициативы о чем* как ошибочные, возникшие под влиянием конструкций, свойственных слову *предложение*. Можно согласиться с авторами словаря, что получающие распространение конструкции *инициативы по чему-либо*, *инициативы о чем* не свойственны литературному языку.

III

ИЗ ИСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ РУССКИХ ФИТОНИМОВ

Т. А. Боброва

Научная ботаническая номенклатура как одна из основных частей ботанической терминологии в целом складывалась одновременно с ботаникой и очень полно и ярко отражает ее развитие начиная со 2-й половины XVIII в. Основными элементами научной ботанической номенклатуры в силу экстралингвистических и хронологических особенностей развития ботаники как науки, равно как, например, математики и географии, являются (в отличие от наук, сложившихся в новейшее время) терминированные народные названия и научные фитонимические инновации, обусловленные в своей конкретной семантике изменениями в ботанической систематике. И народные названия и научные новообразования в качестве членов определенных сообществ родовых наименований растений являются терминами, для которых характерна как определенная дефиниция, заключающая в себе дифференциальные признаки называемых растений, так и совершенно обязательная прикрепленность к международному латинскому обозначению. Генетически научная ботаническая терминология на уровне родовой фитонимической номенклатуры образует сейчас систему наименований растений, состоящую из исконно русских слов, заимствований и искусственных образований по модели латинских (реже — соответствующих им немецких) систематических терминов.

В этой терминологической системе немало «асистемного» как в содержательном плане, так и в плане выражения, что связано, с одной стороны, с большим воздействием на научную ботаническую номенклатуру народной, а с другой — с не меньшим влиянием на ботанический метаязык терминотворчества ведущих флористов.

Окончательный выбор наименования происходил с течением времени и во многом зависел от сложившихся традиций ботанического употребления и научного авторитета ведущих ученых XVIII—XX вв. Особенно большой вклад в формирование русской научной ботанической номенклатуры на начальном этапе принадлежит С. Крашенинникову, И. Лепехину, В. Зуеву, Н. Максимовичу-Амбодику, В. Севергину, Г. Соболевскому, И. Двигубскому, М. Максимовичу, И. Мартынову. Для первой половины XIX в., в частности, можно отметить терминологическую борьбу Двигубского с Соболевским, в силу которой целый ряд фитонимов на *-ищ(а)*, излюбленной модели автора «Санктпетербургской флоры», уступил место иносуффиксальным образованиям, а иногда и словам иного корня, предложенным автором «Московской флоры» и множества учебных пособий. После довольно длительного периода активности во второй половине XIX в. транслитерированных иноязычных наименований, в некоторой степени обозначившейся еще у Двигубского, затем — к концу XIX в. — опять возникла тяга к материально русским терминам. Эта тенденция к возрождению русской ботанической номенклатуры наиболее яркое отражение нашла в начавшей издаваться в 1934 г. тридцатитомной «Флоре СССР» (под ред. В. Л. Комарова).

Большая роль индивидуально-авторских терминологических инноваций русских систематиков в первую очередь сказалась в материально-структурном многообразии существующих ныне фитонимов. Ведь среди них наблюдаются образования — на базе как исконной, так и заимствованной производящей основы — с помощью целой серии суффиксов *(-ищ(а), -ник, -овник, -к(а), -овк(а), -анк(а)* и др.).

Сильное влияние народной ботанической номенклатуры на научную выразилось прежде всего в довольно большом количестве терминированных народных названий, в наличии — в нарушение основной терминологической заповеди — слов-аналогов и омонимов и — при систематике отдельных участков растительной действительности — даже в отсутствии русского обобщающего родового наименования. Так, абсолютно все фитонимы на *-ик(а)* являются терминированными народными названиями. Среди 93 наименований на *-ищ(а)* — более 20, наряду с которыми для обозначения одних и тех же растений используются на равных правах несколько назва-

ний (ср.: *восковница, болотный мирт, восковник*; *гусятница, горец птичий, птичья гречиха, травка-муравка, буркун, спорыш; иглица, мышиный терн, рускус; колдунница, царовница, двулепестник, цирцея, колдун-трава; шилица, полушник, изоэтес, шильник* и др.). Среди них же встречаются фитонимические омонимы (ср.: *блошница*[1,2,3], *иглица*[1,2], *кислица*[1,2], *печеночница*[1,2], *прибрежница*[1,2], *скрытница*[1,2]).

Почти все слова, обозначающие ягоды, в ботаническом метаязыке функционируют не как русские соответствия родовому латинскому термину, а как наименования вида, равнозначные биномиалу. В структуре русской научной номенклатуры здесь (несомненно, под мощным воздействием давних традиций «бытовой систематики» и соответствующих ей народных названий ягод) образовался своеобразный «пробел», выразившийся в том, что для латинских родовых Vaccinium L., Empetrum L., Rubus L., в известной мере даже Fragaria L. соотносительных русских фитонимов по существу нет, хотя определенные попытки как-то заполнить этот вакуум родовых имен были в прошлом и не прекращаются в настоящее время. Наибольшая упорядоченность в ботаническом употреблении здесь может быть отмечена лишь по отношению к наименованию Fragaria L., которое идентифицируется со словом *земляника*. Словом *клубника* в таком случае называют один из видов земляники.

Отмеченные и подобные им факты свидетельствуют, что современная научная ботаническая номенклатура не во всех своих звеньях удовлетворяет существующим терминологическим законам и требует дальнейшего совершенствования как в аспекте вербально-логической упорядоченности, так и в плане «экономии языковых средств».

Кодификация фитонимических наименований, естественно, должна осуществляться не только с учетом языковой логики и терминологических законов, но также с оглядкой на сложившиеся традиции их употребления и речевую практику ведущих систематиков прошлого. Причины неудачной фитонимической «карьеры» того или иного слова были самыми различными, связанными и с особенностями терминологической системы (например, со стремлением избежать омонимии и многозначности), и с развитием русского литературного языка в целом (например, с разным в различные периоды отношением к заимствованиям и народной речи), и с разными языковы-

ми вкусами и пристрастиями среди систематиков (и других натуралистов, небезразличных к русской терминологии) различных школ и поколений.

Как справедливо пишет Л. Л. Кутина, особенно большое воздействие «на материальный состав терминов и терминологической смены» оказывала и оказывает «внешняя история языка (перемена стилистических ориентаций, изменение направлений языковых контактов, языковая политика)» [1]. Насколько все это является важным, могут свидетельствовать история и употребление многих фитонимов в русском языке. Приведем лишь несколько иллюстраций.

Лекарственное растение семейства ворсянковых *скабиоза* за уже довольно долгую историю научной ботанической номенклатуры пережило немало номинационных метаморфоз: прежде чем окончательно назвать транслитерированным термином (от латин. Scabiosa), ботаники именовали это травянистое растение по-разному. Думается, что, как и многие другие примеры, история фитонима *скабиоза* — лишнее подтверждение очень правильного общего вывода Кутиной о том, что «развитие терминологической системы... всегда сопровождается созданием избыточности языковых средств на каком-то участке терминологической системы: появлением ряда аналогов, колебаниями в выборе синонимов. Поэтому правы те, которые отсутствие синонимических отношений (и моносемии также.— *Т. Б.*) у слов-терминов называют лишь тенденцией» [2]. В различных синонимичных именах скабиозы ясно видно, что в терминологических цепочках и выборе то одних, то других слов-аналогов последние выступают как «показатель сознательных поисков термина, ориентированного на ту или иную сторону мыслительного содержания» [3].

Впервые растение Scabiosa нам встретилось в ботанической литературе у С. Крашенинникова [Краш. Fl. ingr., с. 21] в виде сочетаний *дьявольское окушение* и *отдышная трава* (Scabiosa succisa). У него же Scabiosa arvensis носит название *грудной травы*. Двумя последними сочетаниями без какого-либо различия между их значениями именует скабиозу и переводчик С. Г. Гмелин

[1] *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики в России. М.—Л., 1966, с. 268.
[2] Там же, с. 206, 267.
[3] Там же, с. 255.

[Гмелин, I, с. 206, 238; II, с. 62] (только вместо прилагательного *отдышная* у него — *одышная*). Затем у И. Рахманова [Рахм., с. 83] мы встречаемся уже с транслитерированным и ныне единственным *скабиоза*. У А. Т. Болотова вместо *дьявольского окушения* наблюдается уже *чертов объедок* [Болотов, 1781, с. 375], хотя пользуется он и словом *скабиоза*, а у В. Севергина Scabiosa arvensis названа *скабиозой* или *одышной травой*, Scabiosa succisa — *дьявольским укушением* [Сев. Нач. осн., III, с. 41, 41], но в 1803 г. [Сев. Зап. пут., с. 178] он — вслед за Соболевским — называет Scabiosa arvensis уже *свербежницей*. А. Мейер дает сразу два связанных друг с другом отношениями деривации названия — *грудная трава* [Мейер, 1781, I, с. 109] и *грудница* [Мейер, 1783, II, с. 233]. У И. Амбодика, который любил предлагать на выбор ряд синонимов, цепочка слов-аналогов особенно большая: *грудная трава*, *одышная трава*, *дряква полевая* (ср. польск. driakiew 'скабиоза'), *пуповник*, *дьявольское искушение* [Амб. Сл. 1795, с. 5, 49, 113, 135], *коростявик*, *коростявец*, *чесотная трава* [Амб. Сл. 1804, с. 230]. *Одышной* и *грудной травой* называет скабиозу Т. Смеловский [Смел. 1800, с. 18, 84].

У Г. Соболевского появляется словная калька научного Scabiosa — образование на *-иц(а)* — *свербежница* (лат. scabiosa значит 'коростовая, шелудивая, паршивая, свербежная', образовано от scabere 'чесаться, когда что свербит' [Роз., с. 1613]); «Свербежница Scabiosa. Свербежница подкушенная Scabiosa succisa. Иначе отдышная трава называется... Она имеет вкус горький, силу потовую и раны исцеляющую, употребляется в отварах, от удушья, от кашлю, от свербежу всего тела, от шелудей и разных цынготных сыпей. Свербежница полевая Scabiosa arvensis...» Она получила свое имя «от излечивания чесотки и всякого свербежу», употребляется «от почечуйных болей, от прыщей на лице и других сыпей» [Собол., I, с. 130—131].

Приведенные цитаты из «Санктпетербургской флоры» Г. Соболевского и латинско-русского словаря Ф. Розанова, кстати, объясняют все перечисленные слова-аналоги для передачи названий растений рода Scabiosa и ему близких, выделение которых происходило непоследовательно и разновременно (Succisa pratensis Monch., Knautia arvensis Coult, Cephalaria), кроме названий типа *дьявольское укушение*, *чертов объедок*. Последние (ср.

[Болотов, с. 375]: «Коренья... имеют такой вид, как бы зубами были откушены, что и подало повод одну из таковых трав назвать чертовым объедком») объясняются как свободные кальки нем. Teufelsabbiß. По мнению В. Махека, немецкое слово восходит к ср.-латин. morsus diaboli [Machek JR, s. 226].

Затем у Теряева рядом со *свербежницей* для передачи Scabiosa arvensis появляется новое производное на *-ищ(а)* — *укушеница полевая* [Теряев, с. 1], окказионализм на базе сочетания *дьявольское укушение*.

Потом Мартынов в словаре предлагает как каноническое уже приводимую прежде Амбодиком кальку Scabiosa — *короставик* [Март. Сл., с. 257], которую поддерживает и Даль [Даль Бот., с. 49]. По за И. Двигубским [Двиг. Табл., с. 44; Двиг. Нач. осн., с. 360; Двиг. Легк. спос., с. 48] и М. Максимовичем [Макс. Осн. бот. 1828, с. 82] и затем, очевидно, под влиянием большого авторитета А. Н. Бекетова [Бек. Уч. бот., с. 752] скабиоза стала называться последовательно только *скабиозой* [4], хотя фитоним *свербежница* как аналог современного названия *сивец* и устаревшего *синец* Succisa pratensis иногда и встречался [Бр. — Эфр., т. 57, с. 99; т. 58, с. 818; т. 59, с. 28] [5]. Мужской же вариант *свербежницы* — *свербежник* с легкой руки Двигубского [Двиг. Нач. осн., с. 349] закрепляется как аналог латинского родового имени Psoralea. Расщепление единого рода Scabiosa на Scabiosa, Succisa и Knautia привело к дифференциации названий (*скабиоза*, *сивец* и *короставник* с подгонкой под словообразовательную модель на *-ник)*, которая в родственных языках оказалась иной: например в украинском и польском языках короставник носит имя *свербіжница*, świerzbnica, в чешском род Cephalaria передается словом hrudník, возникшим на базе заимствованного из русского языка *грудная трава* [Machek JR, s. 225], а род Succisa — čertkus — того же происхождения, что и устаревшее *дьявольское укушение* [там же, с. 226].

Как видим, победителем здесь вышло в конце концов транслитерированное заимствование латинского термина, но ни *свербежница*, ни *грудница* даром не пропали (те-

[4] В укр. также *скабиоза*, в белорус. *скабіёза* и созданное не без влияния иноязычного образца *верадник*.

[5] Как и фитоним *синец*, слово *сивец* представляет собой терминацию народного названия растения по цвету сивого — синего соцветия.

ряевский окказионализм *укушница* был заранее обречен на неудачу из-за слишком яркой экспрессивности и словообразовательной «ненормальности»). О слове *свербежница* в этом плане уже говорилось. Что касается фитонима *грудница*, то это взятое А. Мейером из народной ботанической номенклатуры наименование было впоследствии по лекарственному сходству перенесено как название на другие растения (ср. *бархатник, грудница* — Nараеа [Амб. Сл. 1795, с. 90; Амб. Сл. 1804, с. 166]). Сейчас *грудницей* называется род Linosyris Cass. [Флора СССР, XXV; Трав. раст., II]. Думается, помимо определенной тенденции к закреплению в качестве термина, распространенного и в обиходе заимствования, слово *скабиоза* оказалось удачнее других названий скабиозы оттого, что не подчеркивало какое-то одно из многих (см. цитату из Соболевского) его лекарственных свойств.

Растение Circaea L. семейства онагриковых, или ослинниковых [Нейштадт, с. 320; Опр. Моск., с. 240; Сист. раст., с. 501], в современном ботаническом употреблении называется — в нарушение терминологических законов о синонимии — пятью фитонимами: *двулепестник, цирцея, чаровница, колдун-трава* и *колдунница*. Слово *колдунница* было образовано по модели «растительных» слов на *-ниц(а)* на базе фразеологического оборота *колдунова трава*, отмечаемого Крашенинниковым [Краш. Fl. ingr., с. 1], Севергиным [Сев. Нач. осн., II, с. 305], Смеловским [Смел., с. 19], образовано, скорее всего, Соболевским [Собол., I, с. 68] и поддержано уже Теряевым [Теряев, с. 2]. Рядом с терминологическим сочетанием *колдунова трава* отмечается также *волшебная трава* [Мейер, II, с. 412; Амб. Сл. 1808, с. 17], точно соответствующее нем. Zauberkraut, Hexenkraut[6]. Так что здесь если и было иноязычное влияние (а о нем как будто правильно[7] говорят и Анненков [Анн. Бот. Сл., с. 99] и Махек [Machek JR, s. 150]), то непосредственно

---

[6] Вероятно, с учетом их составных терминов возник встретившийся нам впервые у В. Л. Комарова фитоним *чаровница* [Комаров, VIII, с. 248; Сист. раст., с. 501], как бы женский вариант чешск. čarovnik, но, несомненно, как своеобразная семантическая калька лат. Circaea.

[7] В таком случае сложносоставное существительное *колдун-трава* [Сист. раст., с. 502] не терминированное народное образование аппозитивного характера типа *царь трава* [Лепехин, I, с. 16, влад.], а обратное производное от *колдунова трава*.

оно выразилось в указанных фразеологических наименованиях, но не в существительном *колдунница*. Последнее выступает уже как вторая ступень словопроизводства, представляя собой универбацию сочетания в слово с применением сложившейся продуктивной словообразовательной модели деривации фитонимов.

Что касается слова *цирцея*, то оно является транслитерацией латин. Circaea (ср. франц. circée), связанное как фитоним с именем мифической волшебницы Кирки (из «Одиссеи» Гомера), Цирцеи. По мнению А. Мейера, растение было названо так за то, что его «семянодержательница... обсажена щетинками, которыми прицепляется к платьям, и тем людей будто к себе привлекает, как повествуют о волшебнице Цирцее, чего ради и прозвана волшебная трава, а на латинском языке Цирцеа» [Мейер, II, с. 412]. Трудно судить, насколько это верно. Думается, что перед нами — позднейшая народная этимология.

У рассматриваемого растения есть одно действительно необъяснимое свойство, совершенно иное, нежели его цепляющиеся и, значит, привлекающие к себе плоды (ср. *репей*): «Верхушка ее ползучего корневища иногда загибается кверху и выходит на поверхность, чтобы затем вновь изогнуться вниз и войти в почву. Биологическое значение такой формы роста остается невыясненным» [Сист. раст., с. 501]. Может быть, именно оно породило наши связанные с колдовством слова?

Нельзя не отметить утилитарного названия Circaea регионального характера — *загноица*[8] (отмечено Анненковым как вятск.) по способности растения заживлять раны.

В заключение несколько слов о явно собственно русском и не менее явно искусственно составленном термине *двулепестник*, основном названии Circaea. О его научном характере говорит положенный в его основу признак — важная только для специалистов особенность морфологии растения, а именно наличие у цветков лишь двух лепестков. Автором этого фитонима был Двигубский [см.: Двиг. Моск. фл., с. 22], употреблявший его как родовое название (отсюда названные им виды — *Двулепестник колдунова трава* и *Двулепестник горный*).

---

[8] Не является ли *загноица* народноэтимологическим переоформлением более старого *загоица* (от *загой* ‹заживление›, ср. *гоить* ‹заживлять›)?

Рассматривая историю слова *повилика* в русской научной ботанической номенклатуре, можно заметить ряд ярких специфических особенностей. Во-первых, в течение длительного времени наблюдается наличие слов как на *-ищ(а)*, так и на *-ик(а)*, почти несвойственное для названий неягод. Во-вторых, долго варьируется различное написание основы: *повил-* — Лепехин, Кондратович, Соц, Комов, Розанов, Смеловский, Соболевский, Теряев, Щеглов, Мартынов, Даль, Бекетов и др.; *павил-* — Крашенинников, Мейер, Левшин, Севергин, Вейс и др.; *повел-*; Амбодик дает все три орфографических варианта; у Двигубского встречается *павил-* [Двиг. Табл.; Двиг. Легк. спос.] и *повил-* [Двиг. Нач. осн.; Двиг. Моск. фл.]; у Максимовича — *повил-* [Макс. Осн. бот. 1828] и *повел-* [Макс. Осн. бот. II, 1831]; у Алабина — *повел-* и *павил-*. В-третьих, слово *повилика* и его различные вариации как фитонимы используются неоднозначно. В-четвертых, встречается синонимика в употреблении даже у одних и тех же авторов.

Слово с суф. *-ищ(а)* фиксируется у Крашенинникова, Лепехина, Кондратовича, Соца, Амбодика, Смеловского, Соболевского, Севергина, Теряева, Щеглова, Мартынова. В словаре Розанова представлены и *повилика*, и *повилица*, и *повилишные колокольчики*; у Двигубского встречается *повилица* [Двиг. Нач. осн., с. 347] (1-е изд. 1805 г. сгорело в 1812 г.), отмечается образование на *-ик(а)* [Двиг. Моск. фл., с. 87; Двиг. Табл., с. 45; Двиг. Легк. спос., с. 18]. Максимович [Макс. Осн. бот. 1828, с. 94; Макс. Осн. бот. II, 1831, с. 29] пользуется только формами на *-ик(а)*. Начиная с 30-х годов укрепляется окончательно именно и́ковое образование, не совсем обычное для названий трав в специальной ботанической литературе. Слово с суф. *-ик(а)* у авторов XVIII в. встречается лишь для обозначения Convolvulus и Galium aparine [ср.: Левшин II, с. 30: «*павилика*, инако *конволвела*»; Комов, с. VI: *повилика* Convolvulus; Катал. Дем., с. 687: *повелика* Galium aparine].

Победа слова *повилика* над существительным *повилица*, по-видимому, объясняется широкой распространенностью и известностью называемых растений, а также обычностью и́кового слова и самих реалий для ботаников в быту, вне всякой зависимости от их образования и научной деятельности. Здесь имеются в виду ученые, оставившие заметный след в нормализации ботанической тер-

мифологии, прежде всего И. Двигубский и М. Максимович, украинцы по происхождению, но москвичи по месту их научной и педагогической деятельности в области естественной истории. К тому же в украинском языке повилика называется хоть и похожим словом, но все же другим (*повитиця, повійка*). Слово же с основой *повил-* имело уже большие традиции употребления в трудах ботаников, что не позволило украинскому влиянию проявиться.

Если словообразовательный облик слова стабилизировался все же довольно рано, то его прикрепленность к определенному предмету объективной действительности отсутствовала в ботанической литературе даже в конце XIX в., конкретно слово *по(а)ви(е)лик(ищ)а* может обозначать растения различных родов (Cuscuta L., Convolvulus L. и др.), которые объединены общим габитусом[9]. Для обозначения растения Cuscuta L. разбираемый фитоним употребляет Крашенинников [Краш. Fl. ingr., с. 25], Лепехин [Лепехин, III, 1772, с. 264], Смеловский [Смел., с. 21], Соболевский [Собол., I, с. 143] (для передачи Convolvulus он использует кальку латинского слова: *обвивальница* — «иначе *повилица* или *повиличные колокольчики* называется», с. 166); Севергин [Сев. Зап. пут., с. 179, также и Convolvulus, с. 181], Двигубский [Двиг. Нач. осн., с. 347; Двиг. Легк. снос., с. 18], Максимович [Макс. Осн. бот. 1828, с. 94], Мартынов [Март. Сл., с. 86], Фишер-фон Вальдгейм [Фишер-Ф. Вальд. Ист. очерк, с. 176]; в значении Convolvulus — Комов [Комов, с. VI], Левшин [Левшин, II, с. 30; «Павилика — конволвела»], Теряев [Теряев, с. 12], Щеглов [Щеглов, Указ. откр., III, с. 872], Алабин [Алабин, с. 193], Бекетов [Бек. Уч. бот. 1880, с. 781], а кускута у двух последних авторов называется другим «простонародным» словом — *повитель,* словом с тем же внутренним образом, с той же непроизводной основой, но с другой словообразовательной моделью и морфемной структурой. Двигубский растения рода Convolvulus называет *вьюнком* (у Бекетова в данном случае — наряду с нашей *повиликой* и *березкой* — *вьюнок* тоже фигурирует как синоним). Отсутствие одно-

[9] Ср. определение слова *повилика* в ССРЛЯ (X, с. 104): «Паразитическое сорное раст. сем. вьюнковых (т. е. Convolvulaceae, не Cuscutaceae.— *Т. Б.*), питающееся соками др. раст., вокруг которых обвивается его стебель. Назв. некот. травянистых вьющихся раст.»

значного соответствия слова и реалии в данном случае является неправильным и нелогичным для специального ботанического употребления, т. е. для функционирования слова в качестве термина, элемента метаязыка определенной науки, поскольку существеннейший для бытового восприятия признак у всех перечисленных выше растений один и тот же (добавим, что роды Cuscuta и Convolvulus, прежде, кстати, объединявшиеся в одно семейство, чрезвычайно богаты видовыми представителями, что еще больше увеличивает количество конкретных растений, называемых словом *повилика* и ему подобными, так как в народном употреблении существуют только видовые названия).

Разнобой в словоупотреблении ученых XVIII—XIX вв. можно объяснить (как и укрепление йкового термина) сильным влиянием на них народного бытового словоупотребления. Остается отметить, что растения рода Convolvulus (ср. также род Calystegia R. Br. семейства вьюнковых — *повой*) в настоящее время носят название *вьюнок*. *Повиликой* же в современной ботанической литературе последовательно называют растения рода Cuscuta L. семейства вьюнковых. Это паразиты травянистых, кустарниковых, а иногда и древесных растений. Сами они не имеют ни листьев, ни корней. Повилика «совершает круговые движения своей верхней „стеблевой“ частью, пока не встретит подходящего растения-хозяина, тогда верхняя часть его, обвиваясь влево вокруг стеблей хозяина, прикрепляется к нему присосками (гаусториями) и продолжает развиваться дальше»[10]. Нижняя часть растения, связывавшая его с землей, засыхает, становясь ненужной.

Можно с уверенностью сказать, что признак, положенный в основу названия повилики, — это способ ее существования и внешний вид. В диалектах русского языка (откуда бывший разнобой и у ботаников) повиликами зовут и другие вьющиеся растения. Характерно большое количество синонимов для обозначения кускуты, т. е. повилики, в диалектах как русского, так и других славянских языков. Большинство из них отражает указанные выше свойства повилики: *повой, повитель, по-*

---

[10] *Ларионов Д. К.* Главнейшие виды русских повилик и меры борьбы с ними. СПб., 1912.

войница, вилица, повитуха, вьюн, вьюнок, свитень, плетуха, змеевник и др. [11]

Стебли повилики, очень длинные, лишенные листьев, похожи на бечевку; спутываясь (у некоторых видов), они напоминают клубок ниток. Отсюда такие названия кускуты, как *пряжа, сорочья пряжа, галочья пряжа, крапивный шелк, тяни-трава* (длина одного растения может превышать 10 м и опутывать больше ста растений), *войлочная трава, шелковая трава* и т. д.

Некоторые из таких фразеологических имен повилики отмечаются и в ботанической литературе. Уже у Крашенинникова и Кондратовича зафиксированы фразеологизмы *крапивная малина* и *шелковая трава* [Краш. Fl. ingr., с. 25; Кондр., с. 17]. Кстати, исходной формой слова *повилика* следует признать тоже фразеологический оборот и, скорее всего, приведенное в словаре Даля устойчивое словосочетание *повилая трава* [12], не обозначающее, правда, конкретного растения.

Группа русских синонимов систематического названия Saxifraga L. являет собой пример удивительного единства в передаче внутреннего образа слова при довольно большом количестве этих терминов. Одно перечисление их дает представление о возможной конкуренции в сфере терминологии: *каменолом, коли-камень, каменный перелом, камнелом, ломи-камень, камен(и)оломная трава, каменноломный корень, камнеломница, каменоломник, каменосек* и, наконец, *камнеломка*, введенная Двигубским и по крайней мере с 1823 г. установившаяся в качестве единственного русского научного наименования. Только в работах Щеглова в 1824 и 1826 гг. встречается название рода *камнелом* (и семейства — *камнеломовые*). Все эти слова, так же как и немецкое (Steinbrech), английское, польское, чешское соответствия, калькируют латинское слово Saxifraga, взятое систематиками из классической латыни, где оно тоже обозначает растение (у Плиния оно встречается и как слово жен. рода, и как слово средн. рода — Saxifragum; ср. также: «Saxifragus, a, um. Cic. — камнекрушительный, каменоломный; раздробляющий камень» [Роз., с. 1612]).

---

[11] *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878, с. 17, 53, 107, 108, 118, 151, 152, 396, 400.

[12] См. об этом: *Шанский Н. М.* Слова, возникшие на базе фразеологических оборотов.— РЯНШ, 1960, № 6.

Выписка из латинского словаря конца XVIII в. приведена не случайно. В античные времена различные виды камнеломки широко употреблялись во врачевании для растворения мочевых и желчных камней. Западноевропейские и русские врачи также признавали, что в камнеломке есть «мочегонительная сила, каменной болезни сопротивляющаяся, камни в мочевых путях разрушающая, вон из тела испражняющая». В наше время растение Saxifraga также используется для приготовления препаратов, применяющихся при болезнях мочевых путей. Столь ценное свойство растения (а надо сказать, в древние времена преимущественным правом в исцелении разных болезней пользовались снадобья мочегонные, потогонные, проносные, т. е. выводящие наружу всякие вредные вещества) и нашло отражение в названии у римлян, а от них и у других народов. Во всяком случае, именно так понимали латинское Saxifraga многие естествоиспытатели, на что они и указывали в своих сочинениях.

В «Определителе растений» М. И. Нейштадта приводится другое объяснение происхождения слова, точнее, другой признак, положенный в его основу: «Видовое название Saxifraga происходит от латинских слов saxum „скала", „камень" и frangere „ломать", „камнелом", по одному из местообитаний растения» [Нейштадт, с. 327]. Действительно, камнеломка может расти в горах, на камнях, но: 1) как показывает анализ соответствующих слов с точки зрения принципов номинации, именуя растения, обычно больше внимания обращали на их «утилитарные» признаки, нежели на их объективные свойства, а 2) для камнеломки это не является характерным местом обитания.

Так или иначе, русские наименования выделяют в своем составе две основные части: *камен-* и *ками-*, *каменко-* и *-лом-*. Только у Кондратовича и Соболевского глагольная основа представлена синонимичными корнями *-кол-* и *-сек-* [Кондр., 39: *коли-камень*; Собол. А, с. 293: *каменосек*].

В поисках оптимального термина русские натуралисты и следовавшие за ними лексикографы использовали наименования различной структуры — как двусловные фразеологизмы (*каменный перелом* [Амб. Врач. вещ., IV, с. 158; Соц, II, с. 28; Писчеков, с. 47; Роз., с. 1612] и *каменноломная трава* [Амб. Сл. 1808, с. 42; Сев. Нач.

осн., II, с. 250; Смел., с. 15]), так и однословные названия. Словообразовательная структура и способы словообразования конкурирующих слов, как видно из примеров, довольно разнообразны. Одновременно можно отметить отсутствие единообразия в употреблении фитонима даже у одного и того же автора. Н. Максимович-Амбодик, много заботившийся о русской научной терминологии, предлагает в своих работах четыре варианта термина: *камнелом*, *ломикамень*, *каменноломный корень* и *каменноломная трава*. У Теряева встречаются рядом *камнеломница* и *каменноломник* [Теряев, с. 1, 4]. Ученые в передаче соответствующих латинских родовых терминов стремились к их однословному выражению и более четкому структурному оформлению фитонимов. Из всех описанных выше слов больше всего отвечали этим требованиям *камнеломница*, *каменоломник* и *камнеломка*. Два первых слова, отмеченные нами только в качестве подписей к рисункам в «Изображении частей растений» Теряева (в издании недатированном и без указания автора), а *каменоломник* — для обозначения Seseli saxifragum у Севергина [Сев. Зап. пут., с. 184] в ботаническом употреблении не удержались.

Сохранению же *камнеломки* как неологизма Двигубского помимо объективных причин [продуктивности модели на *-к(а)*] способствовал и авторитет ученого, создателя учебников, учебных пособий, обращавшего большое внимание на ботаническую терминологию, немало способствовавшего ее формированию и унификации. Важно, думается, было также, что именно термин Двигубского был предпочтен для обозначения рода Saxifraga L. И. Мартыновым, автором «Словаря родовых имен растений», по самой своей сущности нормативного.

Такая смена фитонима на *-иц(а)* фитонимами с суф. *-к(а)* и его производными *-ак(а)*, *-як(а)* — довольно яркая черта, наблюдающаяся в истории русской ботанической номенклатуры. И очень часто это переименование объясняется явной неприязнью к «ицевым» словам и особой любовью к существительным на *-ак(а)*, *-як(а)*, связанным с именем Двигубского. См. еще три примера. Растение семейства гвоздичных Saponaria, называемое сейчас ботаниками либо *собачьим мылом*, либо *мыльянкой*, в XVIII в. было известно сначала под названием *мыльная трава* [Соц. II, с. 54; Пекен 1790, с. 373], кальки с нем. Seifenkraut, а затем также *мыльника* и

мыльницы [Амб. Сл. 1795, с. 121]. Начиная с Двигубского [Двиг. Табл., с. 54; Двиг. Нач. осн., с. 344] укрепилось *мыльнянка* (сущ. *мыльница* совпадало с названием вместилища). В западнославянских языках образования на *-ниц(а)* остались (ср. чешск. mydlice, польск. mydlnica). Для украинского языка В. Махек указывает тоже старое «йцевое» производное, но в современной украинской ботанической литературе принят русизм Двигубского *мыльнянка*. Что касается белорусского, то там предпочли одно из новообразований Амбодика — мыльнік.

Старая калька лат. Stellaria — *звездочница*, появившаяся у Соболевского [Собол., I, с. 300] на смену кальки с нем. *звездный цвет* [Соц, II, с. 258], была впоследствии вытеснена словом *звездчатка*, укрепившимся после его сосуществования со словом *звездочка* [Амб. Сл. 1804, с. 253; Комаров, VII, с. 461; IX, с. 77] как единственное обозначение нескольких видов звездчатки. И в этой переноминации слова на *-ниц(а)* словом на *-к(а)* был виноват Двигубский [Двиг. Легк. спос., с. 37]. И здесь в польском остался «йцевый» дериват gwiazdnica. В украинском и белорусском соответствиях имеем новообразования, в которых можно усмотреть известное стремление как отойти от русского фитонима, так в то же время и не потерять его из виду — *зірочнік* и *зоркаўка*.

Довольно долго наравне с современным фитонимом *песчанка* сорняк Arenaria назывался в ботанической литературе также и словом *песочница* (оно встречается еще у Алабина [Алабин, с. 63]). Однако в новое время оно все же было отброшено систематиками (как и *мыльница*, см. выше), скорее всего, в силу его омонимичности с названием вместилища. Впервые как русский синоним лат. Arenaria и его точная калька слово *песочница* (у Лепехина оно используется для передачи Centauria [Лепехин, III, с. 38]) встречаются рядом с современным *песчанка* и устаревшей фразеологической калькой с нем. Sandkraut — *песчаная трава* у Н. Максимовича-Амбодика (ср.: «Sandkraut — Arenaria — Песчанка, песочница, песчаная трава» [Амб. Сл. 1795, с. 112]). Преимущественное употребление слова *песчанка*, несомненно, началось с Двигубского [Двиг. Табл., с. 55; Двиг. Нач. осн., с. 346]. Растение было названо так по месту произрастания.

Вытеснение ряда слова на *-ниц(а)* иносуффиксальными и инокорневыми не является, однако, процессом однос-

роним. В фитонимической номенклатуре группа фитонимов на *-иц(а)* в течение XVIII—XX вв. в целом остается довольно обширной и даже пополняется новыми образованиями как народного происхождения, так и кальками. К таким, в частности, относятся фитонимы *ежовница, иглица, мокрица, вертлянница, восковница, ложечница* и т. п. Инновации в сфере фитонимики на *-иц(а)* объясняются и новыми открытиями в самой флоре, и инновациями в систематике, и переименованиями, связанными с обозначившейся тенденцией своеобразного возврата — в противовес терминотворчеству И. Двигубского — к «йцевой» приверженности Г. Соболевского, особенно под влиянием речевой практики В. Л. Комарова.

Слово *ежовница* является совсем недавним: в наших материалах оно впервые отмечено только во [Фл. Евр. ч., с. 315], где выступает как русский синоним латинского родового наименования Echinaria Desf. В определителе Станкова и Талиева [Ст. — Т., с. 9119] последнее передается существительным *ежовка*. Фитоним *ежовница*, несомненно, возник в силу стремления устранить одну из омонимичных *иглиц* (см. ниже). Как и слово *иглица* Echinaria, он является калькой научного латинского имени, только скорректированной в соответствии со значением греч. 'εχινος' 'еж'. Растение названо так за «ежовые» соцветия: «общие соцветия имеют вид колючих при плодах, шаровидных или широко яйцевидных головок» [Фл. Евр., с. 315].

Фитоним *иглица* как русское соответствие латинскому Ruscus L. по своему происхождению представляет собой результат терминирования народного названия целого ряда колючих растений, функционирующего параллельно с другим деминутивом от *игла — иголка*. В ботанической литературе с этой семантикой слово *иглица*, правда не в качестве единственного названия растения Ruscus, а наряду с другими, отмечается у Максимовича-Амбодика («Mausdorn — Ruscus — Мыший терн, иголка, иглица» [Амб. Сл. 1795, с. 82]; ср. также [Амб. Сл. 1804, с. 223]). Фразеологизм *мыший терн* (соврем. *мышиный терн*), который калькирует немецкое сложное слово Mausdorn, употреблялся не только в специальной ботанической литературе [см., например, Роз., с. 1577]. Новообразование Двигубского *цветолистник* Ruscus L. [Двиг. Нач. осн., с. 353] не укрепилось в языке. Даже Мартынов, который с большим пиететом относился к терминоло-

гическим повшествам Двигубского, не принял его, предпочтя в качестве русского наименования этого рода семантический неологизм Амбодика [Март. Сл., с. 251]. В современном ботаническом употреблении слово *иглица* выступает на паритетных началах со своими синонимами *мышиный терн* и *рускус* [БСЭ, X, с. 58]. Фитоним *иглица* — не единственное обозначение рода Ruscus L., как того требуют терминологические правила, с другой стороны, слово *иглица* используется наряду со словом *ежовница* и как омонимическое название другого рода растений — Echinaria Desf. [Флора СССР, II].

В современном ботаническом употреблении слово *мокрица* выступает наряду с терминами *звездчатка мокричная, звездчатка средняя, топтун, звездчатка мокрица* (см.: Трав. раст. I; Опр. Смол.; Куминова; Нейштадт и т. д.] в качестве видового фитонима (Stellaria media), обозначающего растение рода Stellaria. В пору зарождения и первоначального периода развития ботанической терминологии оно было родовым наименованием, соответствующим лат. Alsine; позднее растения рода Alsine были включены как видовые в род Stellaria, соответственно Alsine media = Stellaria media, т. е. с изменением родового имени видовое определение перекочевало в новый биномиал.

Именно в качестве родового названия одной из самых распространенных трав, правда одновременно с другими, оно неизменно использовалось учеными XVIII в. вплоть до Мартынова (ср.: «Alsine. Мокрица, sine Курячьи черьви. Russ» [Краш. Fl. ingr., с. 47]; «Ухо мышье или мокрица, или курячьи черевы» [Кондр., с. 126]; «Мокрица или курячьи черевы трава» [Мейер, I, с. 126]; «Vogelkraut — Alsine — Мокрица, курослеп, трава птичья»; «Vogelmajer — Alsine media — Мокрица средняя, курячьи черевы [Амб. Сл. 1975, с. 143; см. также: Собол., I, с. 237; Март. Три бот., с. 90]).

Затем Alsine, начиная с Двигубского [Двиг. Нач. осн., с. 221, 344], стало называться словом *мокричник*, которое встречалось раньше у Севергина [Сев. Зап. нут., с. 178], но в значении родового соответствия латин. Montia. Этот термин (в значении Stellaria media) встречается и у Комарова [Комаров, VII, с. 481]. В Энциклопедии Брокгауза и Эфрона (т. 36, с. 613) он выступает как равноправный со словом *мокрица* (*мокрица* или *мокричник*) Stellaria media Vill. Заметим, что

родовое Stellaria называли различными словами и оборотами, которые, однако, его калькировали (лат. stella 'звезда') (ср.: «herba stella, Sternkraut, aster Atticus, звездный цвет трава» [Соц. II, с. 258]; «Stellaria — Sternpflanze — Звезда, звездочка, звездочная трава» [Амб. Сл. 1804, с. 253]).

Именно на базе амбодиковского фразеологического неологизма *звездочная трава* Соболевский создал затем — по модели фитонимов на *-иц(а)* — слово *звездочница* [Собол., с. 300] [13], которое, в свою очередь, уступило место новообразованию Двигубского *звездчатка* (звездчатка Stellaria [Двиг. Легк. спос., с. 37]), ныне единственному родовому имени целого ряда видов травянистых растений семейства гвоздичных, данному им по бросающейся в глаза форме венчика, похожей на маленькую звездочку (см. выше).

Но вернемся к видовому названию *мокрица*. Появилось оно в ботанической литературе из народной фитонимической номенклатуры и как термин представляет собой производное посредством лексико-семантического способа словообразования. По своему происхождению, если иметь в виду дотерминологическую его историю, слово *мокрица* восточнославянское, ср. укр.: «*Мокрыця* — куречьи червячки трава» [Павл., с. 71], белорус. *макрыца* [Опр. Бел.] [14].

По памятникам слово впервые отмечается в «Прохладном вертограде» 1672 г. [Флор., с. 111, 120]: «О мокрицѣ. Мокрица трава естествомъ есть студеностна въ третьемъ ступнѣ» (гл. 173); «О водѣ изъ мокрицы огородной» (гл. 196).

Не совсем ясен признак, который положен в основу названия мокрицы. Скорее всего, она названа по своей «мокрости», поскольку имеет такое строение, что дождевая вода, «попадая в пазухи листьев и встречая респитчатые черешки... растекается по ним и долго после дождя остается в углах между стеблем и листом« [Опр. Смол.]. Вряд ли потому, что «растет по местам влажным, тенистым» [Макс. Осн. бот. 1828, с. 229] или встречается «иногда по сырым лесным дорогам и полянам» [Трав. раст., I], так как именно благодаря своей морфологиче-

---

[13] Ср. польск. gwiazdnica ‹звездчатка›.

[14] В польском языке *мокрица* — zamokrzyca.

ской особенности «может расти на сухих местах» [Нейштадт, с. 192].

Фитоним *вертляница* Monotropa Nutl., по нашим материалам, канонизирован в работе Мартынова «Три ботаника» 1821 г. (с. 97), но, несомненно, он является калькой Двигубского для передачи латин. Tortula (=Monotropa). Последний еще в 1823 г. синонимизирует *вертляница* и Tortula [Двиг. Нач. осн., с. 332], и лишь в 1827 г. [Двиг. Легк. спос.] *вертляница* употребляется для передачи латин. Monotropa. С этого времени фитоним *вертляница* становится если не единственным, то основным русским термином для обозначения одного из растений-сапрофитов [ср.: Кауфман, с. 317; Петун. Илл. рук., с. 24; Сырейщ. Илл. фл., III, с. 388]. Рядом с ним сейчас употребляется [Трав. раст., II; Опр. Моск., с. 257] также и образование на *-ник* от предложно-падежного сочетания *под елью — подъельник*, представляющее собой кальку с теперешнего видового имени Hypopythus, бывшего родовым.

Следует подчеркнуть, что наличие ранее конкурировавших русских родовых названий (ср.: *вертляница*, *уединенница*, *подъельница*) обусловлено синонимикой латинских научных родовых названий (Tortula, Monotropa, Hypopythus), что, в свою очередь, отражает неустоявшийся характер систематизации растений в данном семействе как фактического, так и терминологического происхождения (Monotropa Hypopithus L. — Hypopithus multiflora Scop.— Hypopithus monotropa Crantz.).

За то, что это растение является иногда единственным представителем цветковых в густой подхвойной тени леса, Соболевский назвал этот род *уединенницей*, а конкретный вид — *уединенницей подсосенной* (Monotropa Hypopithus), не калькируя точно, но передавая внутренний образ латинизированного греческого прототипа («Живет в густых влажных и темных лесах... у корней сосновых и елевых и на гнилых деревянных обломках, из коих она сок себе достает, редкая чужеядная или обжорная трава. Солнца не терпит и на оном скоро пропадает» [Собол., I, с. 285]).

Инновацию Соболевского поддержал Севергин [Сев. Зап. нут., с. 188]. Не привилось в ботаническом употреблении транслитерированное слово *монотропа* [Вейс, с. 38], встречающееся в производном названии семейства *монотроповые* у Бекетова [Бек. Уч. бот., с. 767], который в

то же время вид Hypopithus multiflora Scop. (Monotropa Hypopithus L.) называет *подъельницей* или диалектизмом *уразная трава* (волог. по [Анн. Бот. сл., с. 218]). В современных изданиях, как мы уже говорили, основным термином признается *вертляница* [Комаров, IX, с. 477; Флора СССР, XVIII; Опр. Бел.; Конси. Фл. Пск].

Кустарник Myrica в современной русской ботанической терминологии имеет три названия: *восковник, болотный мирт* и *восковница*. Последнее встречается чаще всего и было канонизировано «Флорой СССР» как основное. В XVIII—XIX вв. [Комов, с. 33] употребляется заимствование *мирика*. Лишь в конце прошлого столетия наряду с транслитерированным латинским термином и сочетанием *болотный мирт* появляется *восковник* (семейство Восковниковые [Бек. Уч. бот., с. 832]; его же статья в [Бр. — Эфр., 13, с. 239] «Восковник»), к которому затем присоединяется и *восковница*. Только последнее слово употребляет Комаров: «Зеленый осоковый покров ее (Паратунской тундры. — *Т. Б.*) прорезывают только красные в начале лета полосы зарослей восковницы (Myrica tomentosa)» [Комаров, VI, с. 46]; Покров из осок, кустарника восковницы [там же, с. 482]. Возможно, что Комарову и принадлежит введение формы на *-ниц(а)*.

Кустарник получил родовое название по характерной черте одного из видов — растения Myrica cerifera L.: оно «выделяет на плодах воскообразное вещество, которое вытапливается и идет в технику» [Бек. Уч. бот., с. 832].

Любопытной является история появления в ботанической номенклатуре слова *ложечница*. Этот фитоним появился на свет совсем недавно в результате экспансии слов жен. рода на *-ница* в область образований на *-ник* и, хотя опосредованно, отражает иноязычное влияние. Выражение *ложечная трава*, калькирующее нем. Löffelkraut, появилось на месте народных названий *будра, отвар, варуха* и зафиксировано уже в «Словаре на шести языках» Г. Полетики в 1763 г. [Полетика, с. 38—39; ср. также: Эйзен, с. 13; Зуев, Нач. ест. ист., I, с. 198; Писчеков, с. 30; Пекеп 1796, с. 315; Амб. Сл. 1795, с. 22, 78 и т. д.]. В результате «сжатия» этого фразеологического оборота и суффиксации его первого члена возникло затем слово *ложечник*. Как одно из возможных наименований нашего растения, оно наряду с исходным фразео-

логизмом («ложешник, или ложешная трава») отмечается А. Мейером в «Ботаническом подробном словаре» в 1783 г. [Мейер, II, с. 493] и на паритетных началах употребляется в течение всего XIX в. Образ, положенный в основу латинского научного названия Cochlearia L. (а нем. Loffelkraut является его неточной калькой), хорошо толкуется в «Словаре ручной натуральной истории» 1788 г.: «Трава, получившая латинское название свое от сходства листов своих на ложку; оные наполнены летучей солью, кою иссыхая теряют и которая полезна от цынги в деснах и всякого загниения и полезна от скорбутов» [Левшин, I, с. 267].

Как свидетельствует приведенный пример из словаря Мейера (ср. также: «Ложечник трава. См. Кохлеария» [Левшин, I, с. 267]), Мартынов был неправ, приписывая слово *ложечник* Севергину [Март. Сл., сл. 73] — оно появилось раньше.

В настоящее время Cochlearia передается тремя терминологическими соответствиями — самым ранним русским синонимом латинского фитонима *ложечная трава*[15], существительным *ложечница* и транслитерацией латинского слова *кохлеария*. Последнее начинает употребляться уже в XVIII в. (см. выше пример из «Словаря ручной натуральной истории» в переводе В. Левшина, а также [Амб. Сл. 1804, с. 65]: «Cochlearia — Löffelkraut — Кохлеария, ложечная трава»).

Слово *блошница* в современном ботаническом употреблении неоднозначно. Оно служит для обозначения и растений рода Pulicaria Gaertn., и как синоним *подорожника блошного* (Plantago psyllium L.), и в качестве второго (видового) компонента в сочетании *мята блошница* при передаче латин. Mentha pulegium L. (некоторыми ботаниками вместо этого латинского аппозитивного сочетания предлагается обычное адъективное Pulegium vulgare Mill.). Таким образом, существительное *блошница* является ярким свидетельством существования в ботанической терминологии случаев неупорядоченности: одним словом называется не одно растение, а несколько. В этом сказывается, несомненно, влияние на научную номенклатуру народной, где, как справедливо отмечает

[15] Это обозначение имеет устойчивую традицию употребления и в XIX в. [ср.: Авдеева, I, с. 3; Даль Бот., с. 90; Бр.— Эфр. 34, с. 909, и т. д.].

В. А. Меркулова (естественно, в разных говорах), «обычно одним словом называются разные растения, а иногда целые группы растений» [Меркулова, с. 7]. Действительно, *блошницей* в говорах называются не только указанные растения, но и другие, также применявшиеся как средство против блох (в частности, Stachys palustris, Origanum vulgare, Erigeron). Между прочим, в начале XIX в. слово *блошница* последовательно использовалось для обозначения только Erigeron [Собол., II, с. 154; Март. Сл., с. 107]. Такая семантика этого слова, данная ему, как полагал Мартынов, Соболевским, у ботаников, однако, в обиход не вошла: Двигубский [Двиг. Легк. спос., с. 10] назвал растение Erigeron *мелколепестником*, и этот термин стал затем общепринятым. *Блошница* Pulicaria впервые нам встретилась в «Московской флоре» Кауфмана [Кауфман, с. 247].

Разобранные примеры со всей определенностью свидетельствуют о том, что кодификация научной ботанической номенклатуры (как, думается, и всякой терминологии) должна опираться не только на логику систематики и языка как системы, но и на логику — внешне иногда очень алогичную — языкового развития во всей его общественной сущности, с учетом речевой практики отдельных ботаников, сложившихся в модифицирующихся традиций ботанического метаязыка, который испытывал и испытывает сильное влияние народной фитонимики, постоянной смены языковых вкусов и пристрастий, разного отношения в различные периоды развития русского литературного языка к иностранным словам и т. д.

Внимательный анализ предлагаемых нам историей языка фактов — залог правильного решения многих вопросов дальнейшего упорядочения и кодифицирования ныне существующей фитонимической терминосферы.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Авдеева — Экономический лексикон, расположенный по азбучному порядку... составленный Катериною Авдеевою и А. Авдеевым, ч. I, II. СПб., 1848.

Алабин — Словарь растений дикорастущих и разводимых на огородах... Алабина. СПб., 1874.

Амб. Врач. вещ.— *Максимович-Амбодик Н.* Врачебное вещество-словие или описание целительных растений, кн. I—IV. СПб., 1783—1789.

Амб. Сл. 1795 — *Максимович-Амбодик Н.* Словарь ботанический, содержащий наименования растений и их частей. СПб., 1795.

Амб. Сл. 1804 — *Максимович-Амбодик Н.* Новый ботанический словарь на латинском, немецком и российском языках. СПб., 1804.

Амб. Сл. 1808 — *Максимович-Амбодик Н.* Новый ботанический словарь на российском, латинском и немецком языках. СПб., 1808.

Анн. Бот. сл.— *Анненков Н. И.* Ботанический словарь. СПб., 1878.

Бек. Уч. бот.— *Бекетов А.* Учебник ботаники. СПб., 1880.

Болотов — *Болотов А. Т.* Избр. сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952.

Бр.—Эфр.— Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, т. 1—86. СПб., 1890—1907.

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд.

Вейс — Краткое изложение Анатомии растений. Соч. Алф. Декандоля. Пер. Вейса. М., 1836.

Гмелин — Самуила Георга Гмелина... Путешествие по России для исследования трех царств естества. Пер. с нем., ч. I—III. СПб., 1771—1785.

Даль Бот.— Естественная история. Ботаника В. Даля. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1851.

Двиг. Легк. спос.— *Двигубский И.* Легкий способ распознавать дикорастущие на полях московских растения. М., 1827.

Двиг. Моск. фл.— Московская флора, или описание растений дикорастущих в Московской губернии, издана Иваном Двигубским. М., 1828.

Двиг. Нач. осн.— *Двигубский И.* Начальные основания естественной истории растений, заключающие терминологию растений, лучшие их системы, анатомию, физиологию их, патологию и историю ботаники, ч. I, II. 2-е изд. М., 1823.

Двиг. Табл.— Таблицы животных, растений и минералов для благородных воспитанников университетского пансиона, сост. И. Двигубским. 2-е изд. М., 1815.

Зуев, Нач. ест. ист.— [*Зуев В. Ф.*] Начертание естественной истории, ч. I. СПб., 1786; ч. II (3-е изд.). СПб., 1794.

Катал. Дем.— Каталог растениям по алфавиту, собр. из четырех стран света... Прокофья Демидова. М., 1786.

Кауфман — *Кауфман П.* Московская флора, или описание высших растений и ботанико-географический обзор Моск. губ. М., 1866.

Комаров — *Комаров В. Л.* Избр. сочинения, т. I—XII. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1945—1958.

Комов — *Комов И. М.* О земледелии. М., 1788.

Кондр.— Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и прочих былиях и минералах, собранный и сочиненный... К. Кондратовичем. СПб., 1780.

Консп. фл. Пск — Конспект флоры Псковской области. Л., Изд-во ЛГУ, 1970.

Краш. Fl. ingr.— Flora Ingrica ex schedes Stephani Krascheninnikow Botanices et Historiae Naturalis Professoris. СПб., 1761.

Куминова — *Куминова А. В.* Сорные и ядовитые растения. Кемерово, 1953.

Левшин — Словарь ручной натуральной истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов. Пер. с франц. ...Васильем Левшиным, ч. I, II. М., 1788.

Лепехин — Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 гг., ч. I—IV. СПб., 1771—1805.
Макс. О сист. раст. цар.— *Максимович М.* О системах растительного царства. М., 1827.
Макс. Осн. бот. 1828 — *Максимович М.* Основания ботаники. М., 1828.
Макс. Осн. бот. II, 1831 — *Максимович М.* Систематика растений. Соч. М. Максимовича. Основания ботаники, кн. 2. М., 1831.
Март. Сл.— Словарь родовых имен растений, сост. Иваном Мартыновым. СПб., 1829.
Март. Три бот.— Три ботаника, или сокращение систем Турнефорта, Линнея и Жюсьё... выбранное из иностранных писателей Иваном Мартыновым. СПб., 1821.
Мейер — Ботанической подробной словарь, или травник... соч. ... Андреем Мейером, ч. I. II. М., 1781—1783.
Меркулова — *Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
Нейштадт — *Нейштадт М. И.* Определитель растений. М., Учпедгиз, 1954.
Опр. Бел.— Определитель растений Белоруссии. Минск, 1967.
Опр. Моск.— Определитель растений Московской области. М., 1966.
Опр. Смол.— *Алексеев Я. Я.* Определитель растений Смоленской и смежных с ней областей. 3-е изд. Смоленск, 1961.
Павл.— *Павловский А.* Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818.
Пекен 1790 — *Пекен М.* Начальныя основания деятельныя врачебныя науки. СПб., 1790.
Пекен 1796 — *Пекен М.* Новый домашний лечебник. М., 1796.
Петун. Илл. рук.— Иллюстрированное руководство к определению растений дикорастущих и разводимых в пределах Московской губернии. Сост. А. Петунников. М., 1890.
Писчеков — *Эллиот И.* Карманный лечебник. Пер. и с присовокуплением местами своих примеч., рецептов и проч., по алфавиту российских слов распределен Данилом Писчековым, мед. докт., земледелия профессором. СПб., 1790.
Полетика — [*Полетика Г.*] Словарь на шести языках... изд. в пользу учащегося российского юношества. СПб., 1763.
Рахм.— Городской и деревенский садовник... пер. с нем. Никита Рахманов. М., 1779.
Роз.— [*Розанов Ф.*]. Латинский лексикон с Российским переводом из лучших латинских писателей, собр. ... Ф. Р. М., 1797.
Сев. Зап. пут.— [*Севергин В.*]. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда чрез оные в 1802 году... Васильем Севергиным. СПб., 1803.
Сев. Нач. осн.— [*Севергин В.*]. Начальные основания естественной истории, содержащие царства животных, произрастений и ископаемых. Царство произрастений, изд. Ак. Васильем Севергиным, в 3-х ч. СПб., 1794 (пер. с франц.).
Сист. раст.— *Комарницкий Н. А., Кудряшов Л. В., Уранов А. А.* Систематика растений. М., Учпедгиз, 1962.
Смол.— Философия Ботаники, изъясняющая первые оной основания сочинения Карла Линнея... Изд. на российском языке

Санктпетербургской Медико-хирургической Академии Адъюнкт-профессором Тимофеем Смеловским. СПб., 1800.
Собол.— *Соболевский Г.* Санктпетербургская флора, ч. I—II. СПб., 1801.
Соц — Новый лексикон, или словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках. Изд. трудами коллежского переводчика Ивана Соца, ч. I. М., 1784; ч. II. М., 1787.
ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1948—1965.
Ст.— Т.—*Станков С. С., Талиев В. И.* Определитель высших растений Европейской части СССР. М., 1949.
Сырейщ. Илл. фл.— Иллюстрированная флора Московской губернии. Сост. Д. И. Сырейщиков. Под ред. А. Н. Петунникова, ч. I—IV. М., 1906—1914.
Теряев — Изображения частей растений, служащих к объяснению ботанической терминологии. А. Т. (1809). [б. г.] (до 1813 года, по Соникову).
Трав. раст.— Травянистые растения СССР, ч. I, II. М., «Мысль», 1971.
Фишер-ф. Вальд. Бот.— *Фишер-фон Вальдгейм А.* Курс ботаники. Варшава, 1884.
Фишер-ф. Вальд. Ист. очерк — *Фишер-фон Вальдгейм А. А.* Исторический очерк Импер. С.-Петербургского Ботанического Сада. СПб., 1899.
Фл. Евр. ч.— Флора Европейской части СССР, т. 1. Л., «Наука», 1974.
Флора СССР — Флора СССР, т. I—XXX. М.— Л., 1934—1964.
Флор.— Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия проф. В. М. Флоринского. Казань, 1880.
Щеглов, Указ. откр.— Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии, изд. Николаем Щегловым. СПб., 1824—1826.
Эйзен — Искусство всякие поваренные травы и коренья сушить и в картузы вязать, для показания чрез то нового питательного средства, сообщенное Иоганном Жоржем Эйзеном, Тормским пастором в Лифляндии, и пер. на рос. яз. с нем. СПб., 1778.

Machek J. R.— *Machek V.* Česká a slovenská jmena rostlin. Praha, 1954.

О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «СЛОВОСОЧЕТАНИЕ»

И. А. Елисеева

Говорить об употреблении термина *словосочетание* — это значит говорить о различном понимании объекта лингвистического исследования, называемого этим термином. Терминологическое употребление слова предполагает его однозначность. В идеале синонимы к термину

тоже должны быть однозначными. В русской лингвистике в связи с употреблением термина *словосочетание* сложилось такое положение, когда любое словосочетание называют сочетанием слов, но не всякое сочетание слов — словосочетанием.

Первое употребление термина *словосочетание* связано в русской лингвистике с именем А. Х. Востокова («Русская грамматика», 1831). Полуторавековая жизнь термина сложна; понятие словосочетания то сужалось, то расширялось.

Существует несколько десятков определений словосочетания. Бесспорным, представленным в любом определении является положение о том, что словосочетание — это соединение слов [1]. Уже в ранних русских грамматиках вопросу о соединениях слов уделялось большое внимание (см. грамматику Мелетия Смотрицкого, «Российскую грамматику» М. В. Ломоносова, где синтаксис определяется как учение о «сочинении частей слова», т. е. частей речи).

В крупнейших русских грамматиках середины XIX в. (Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни) места учению о словообразовании нет, что связано с развитием в русской синтаксической науке логического, а затем психологического направлений в синтаксисе. На первый план выдвигается учение о предложении, которое в это время сделалось главным предметом синтаксиса.

К концу XIX в. учение о словосочетании возродилось (возрождение интереса к теории словосочетания связывают с именем А. В. Добиаша, с его учением о «семасиологическом», смысловом распространении слова), словосочетание осмысливается как единица синтаксиса наряду с предложением. В понимании же сущности словосочетания и его отношения к предложению в трудах лингвистов конца XIX — нач. XX в. нет единства.

Одни языковеды понимают словосочетание как любое соединение знаменательных слов, оформленное грамматически, независимо от их назначения в речи. В разряд словосочетаний в таком понимании попадает и предложение как грамматически оформленная единица. Синтак-

---

[1] Вносится уточнение и в это положение: в связь вступают не просто слова, а слово с формой слова — при управлении, форма слова с формой слова — при согласовании, слово со словом — при примыкании (см.: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса. М., 1973, с. 32).

синтаксис сводится к учению о словосочетании, толкуемом слишком расширительно (см. работы Ф. Ф. Фортунатова, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона).

В «Синтаксисе русского языка» акад. А. А. Шахматова заметно стремление разграничить словосочетание и предложение. Словосочетание рассматривается лишь в качестве конструктивного элемента предложения и в его составе. Словосочетание определяется как «такое соединение слов, которое образует грамматическое единство, обнаруживаемое зависимостью одного из этих слов от других» [2]. Предложение, по мнению А. А. Шахматова, тоже является словосочетанием, но словосочетанием законченным. Анализ законченных словосочетаний, т. е. по существу анализ отношений между подлежащим и сказуемым, — задача учения о предложении. В учении о словосочетании должны рассматриваться только незаконченные словосочетания, т. е. связи второстепенных членов предложения. При таком понимании, однако, учение о словосочетании сливается с учением о второстепенных членах предложения, подменяется им. Сущность словосочетания как единицы синтаксиса, его специфика, отличительные черты остались нераскрытыми. Эти задачи встали перед лингвистами в 50-е годы.

Большим достижением синтаксической мысли этого периода явилось признание словосочетания и предложения двумя основными единицами синтаксиса (см. работы В. В. Виноградова, В. П. Сухотина, В. Н. Ярцевой, О. С. Ахмановой, Г. А. Золотовой). Но в вопросе о соотношении словосочетания и предложения, об их отличительных признаках, функциях и т. д. еще очень много спорного. Так, В. П. Сухотин, рассматривая словосочетание как «минимальное грамматическое и смысловое единство в составе предложения, отражающее связи реальной действительности», приходит к следующим выводам:

1) словосочетание вычленяется из предложения;

2) объединение подлежащего и сказуемого тоже является словосочетанием (таким образом, словосочетания делятся на предикативные и непредикативные);

3) к словосочетаниям относятся и соединения слов, связанные сочинительной связью [3].

---

[2] *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941, с. 247.

[3] *Сухотин В. П.* Проблема словосочетания в современном русском языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 175.

Объем, границы словосочетания при таком понимании оказываются расплывчатыми.

Принципиальным и очень плодотворным для синтаксической науки явилось положение В. В. Виноградова о том, что и предложение и словосочетание — единицы синтаксиса, но качественно различные. Различие между словосочетанием и предложением определяется прежде всего функциями этих единиц: предложение — ведущая синтаксическая единица, выполняющая коммуникативную функцию, средство общения; словосочетание, как слово, выполняет функцию номинативную, является средством расчлененного наименования предметов, явлений, процессов. Словосочетание — строительный материал для предложений. Оно структурно оформлено по законам грамматики русского языка, т. е. слова в словосочетании связаны согласованием, управлением, примыканием. Словосочетание имеет систему форм, которая определяется изменением главного слова.

Не всякое соединение слов является словосочетанием, а лишь такое, в котором слова связаны подчинительной связью, распространяя одним другое по смыслу, т. е. образование словосочетаний определяется проявлением лексико-грамматических свойств отдельного слова [4]. Сочетание подлежащего и сказуемого, сочинительные соединения слов, соединение слова и относящегося к нему обособленного члена предложения — это не словосочетания, так как возникновение этих соединений происходит в структуре предложения, а не является проявлением свойств отдельного слова.

Такое понимание словосочетания становится основным в ряде исследований, монографий, учебников, в частности в «Грамматике русского языка» (1952—1954). Во «Введении» к этому изданию, написанном В. В. Виноградовым, содержались замечания по поводу необходимости различения связей, реализующихся в пределах словосочетаний, и связей, которые возникают только в предложении (к последним Виноградов относил конструкции с творительным предикативным *делаться сильным*, сочетания типа *ходила счастливая*, формы твор. падежа имени существительного со значением лица для обозначения времени, периода жизни: *Мальчиком он работал у сапож-*

---

[4] *Виноградов В. В.* Введение.— В кн.: Грамматика русского языка, т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 12.

ника и пек. др.). В практической части «Грамматики русского языка», содержащей описание словосочетаний, многие из этих замечаний не были учтены, что привело к включению в состав словосочетаний соединений слов, возникающих только в строе предложения (см. с. 135, 139, 215 указанного издания).

Не реализован был также тезис Виноградова о качественном отличии конструкций с предложно-падежными формами, которые не обусловливаются лексико-грамматическими свойствами главного слова, от таких словосочетаний, в которых появление зависимого слова обусловлено семантикой или грамматическими особенностями главного слова [5]. Поэтому в описание словосочетаний попали такие соединения слов, которые не обладают важнейшим признаком словосочетания — системой форм.

50—60-е годы — время усиленного внимания ученых-синтаксистов к теории словосочетания. Вместе с тем это годы, когда намечаются новые аспекты и в изучении предложения, его конструктивно-грамматических признаков. Глубокое изучение законов соединения слов как в словосочетании, так и в предложении привело к перераспределению материала между теорией словосочетания и теорией предложения. Издавна русские лингвисты обращали внимание на тот факт, что не всякое слово в предложении входит в парное соединение слов, является компонентом словосочетания (см. у Виноградова: Дело в том, что «„слабоуправляемые“ слова и словосочетания могут относиться ко всему составу предложения или же связываться только с личными формами глагола» [6]). Словоформы с обстоятельственным, объектным или субъектным значением, относящиеся ко всему предложению в целом, были названы детерминантами [7]. Понятие детерминанта получает поддержку [8]. В работах Н. Ю. Шве-

---

[5] Там же, с. 27.

[6] Там же, с. 28.

[7] См.: *Шведова Н. Ю.* Детерминирующий объект и детерминирующие обстоятельства как самостоятельные распространители предложения.— ВЯ, 1964, № 6.

[8] См.: *Шведова Н. Ю.* Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? — ВЯ, 1968, № 2; *Ломтев Т. П.* Синтаксические отношения — ИДВШ, Филолог. науки, 1973, № 3; *Малащенко В. П.* Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке. Ростов, Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1972; *Распопов И. А.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973;

довой определен комплекс признаков, по которым следует выделять детерминанты. Хотя многие случаи выделения детерминантов (например, в «Грамматике» 1970 г.) вызывают споры, само явление детерминации признано лингвистами как перспективное. Понятие детерминирующих членов предложения способствовало преодолению представления о непрерывности, цепочечности синтаксических связей между словами, высвободило из принудительных парных связей такие словоформы, которые входят в предложение не по требованию другого слова, а самостоятельно.

Теоретические положения раздела «Словосочетание» в «Грамматике» 1970 г. во многом продолжают и развивают концепцию В. В. Виноградова. Под словосочетанием понимается «синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более знаменательных слов... на основе подчинительной грамматической связи...» [9] Словосочетание существует до предложения; признака номинативности в терминологическом смысле этого слова авторы «Грамматики» у словосочетания не выделяют, но, сравнивая предложение *Ученик пишет* и словосочетание *писать письмо* (с. 54), замечают, что словосочетание предназначено «для называния» в отличие от предложения, предназначенного для сообщения. Понятие словосочетания сужено по сравнению с «Грамматикой» 1952—1954 гг., так как из подчинительных связей слов выведены формы слов, ранее считавшиеся компонентами словосочетаний, например детерминанты, формы творительного в страдательных конструкциях, хотя в пределах парных соединений слов оставлен творительный предикативный и другие элементы предложения (с. 493—506). «Не подлежит никакому сомнению, что такие синтаксические явления, как дательный субъекта действия в инфинитивном предложении и даже творительный предикативный, с точки зрения современного их понимания не имеют никакого отношения к „управлению", какой бы широкий смысл ни вкладывался в этот термин» [10].

Крылова О. А. Детерминанты в аспекте коммуникативного синтаксиса.— ВЯ, 1976, № 2.

[9] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 536.

[10] *Виноградов В. В.* Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка, с. 243.

Несмотря на обилие общетеоретических и частных исследований последнего десятилетия, посвященных теории словосочетания, многие ее вопросы остаются дискуссионными: каково значение словосочетания и его функции? есть ли у словосочетания своя форма и чем она определяется? существует ли словосочетание до предложения как строительный материал для него или оно формируется при создании предложения? какие именно соединения слов следует называть словосочетаниями, а какие — сочетаниями слов? В решении этих и других вопросов у синтаксистов нет единства, высказываются иногда диаметрально противоположные точки зрения, что, конечно, не способствует закреплению однозначного понятия за термином *словосочетание*.

Недостаточно четко очерчен и объем словосочетаний. И на современном этапе развития теории словосочетания мы встречаемся с расширенным пониманием словосочетания, когда в состав словосочетаний включаются и подчинительные и сочинительные соединения слов (В. А. Белошапкова, Б. Н. Головин), и с суженным, когда словосочетаниями признаются только такие подчинительные соединения слов с определенной формой другого слова, которые возникают при системной семантически предсказуемой связи (Н. Ю. Шведова), или подчинительные соединения слов, в которых форма зависимого слова единственно возможна при главном, определена его лексико-грамматическими требованиями, обусловлена его релятивной семантикой (Г. А. Золотова).

Некоторых лингвистов сложная, комплексная природа словосочетания (при соединении слов в словосочетание проявляются и лексические, и морфологические, и синтаксические их свойства) заставляет видеть в нем единицу межуровневую, принадлежащую одновременно и лексике, и морфологии, и синтаксису [11].

Небесспорность многих положений традиционной (связанной с именами А. А. Шахматова и В. В. Виноградова) теории словосочетания и критическое осмысление этих положений приводят других исследователей к отрицанию словосочетания как единицы языка [12]. Но и признавая

---

[11] *Головин Б. Н.* К вопросу о языковой природе словосочетания.— Учен. зап. Горьков. гос. ун-та, 1970, вып. 99. Материалы и исследования по русской грамматике и лексикологии.

[12] См.: *Фоменко Ю. В.* Теория словосочетания в «Грамматике русского языка» 1970 г.— В кн.: Теоретические и методические

словосочетание языковой единицей, синтаксисты по-разному определяют его признаки.

Под значением словосочетания понимают обычно то, какие смысловые отношения выражаются между компонентами словосочетания [13]. Полностью отождествляя словосочетание со словом, П. Д. Богданов обнаруживает у словосочетания лексическое значение, которое, по его мнению, заключается «в отношении словосочетания к понятию или представлению» [14].

По-разному определяют синтаксисты функцию словосочетания: как номинативную, вслед за В. В. Виноградовым, Н. Н. Прокоповичем, О. С. Ахмановой, определяет функцию словосочетания П. А. Лекант [15]. Не признает за словосочетанием свойства быть средством наименования В. Н. Перетрухин [16]. Для А. Н. Печникова функция словосочетания — служить средством выражения предметно-логических отношений, т. е. отношений между явлениями действительности [17]. Т. А. Тулина полагает, что основной функцией словосочетания следует считать «информативную», так как словосочетание не просто соединение номинативных элементов — слов, но в первую очередь часть предложения, способная обозначать ситуацию [18]. А. Н. Моисеев говорит о том, что функцию словосочетания следует помещать между функциями смежных с ним единиц — слов и предложений, и определяет ее «как развитие номинации, выражаемой словами, в направлении и в интересах коммуникации, осуществляемой

проблемы грамматики и стилистики русского языка. Барнаул, 1974; *Он же.* Является ли словосочетание единицей языка? — НДВШ, Филолог. науки, 1975, № 6.

[13] См.: *Белошапкова В. А.* Синтаксис М., 1977, с. 72.

[14] *Богданов П. Д.* Обособленные члены предложения в современном русском языке. Орджоникидзе, 1977.

[15] См.: *Виноградов В. В.* Введение; *Прокопович Н. Н.* Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966; *Ахманова О. С.* Словосочетание.— В кн.: Вопросы грамматического строя языка. М., 1955; *Лекант П. А.* Изучение структуры предложения и словосочетания в курсе современного русского языка. М., 1977.

[16] *Перетрухин В. Н.* Словосочетание и однородные члены предложения.— РЯШ, 1971, № 5.

[17] *Печников А. Н.* К вопросу о функции, значении и форме словосочетаний.— В кн.: Вопросы синтаксиса и стилистики русского языка, вып. 2. Ульяновск, 1976.

[18] *Тулина Т. А.* Функциональная типология словосочетаний. Киев — Одесса, 1976.

с помощью предложений» [19]. Не отрицая номинативной функции у словосочетания, Н. Н. Филичева приходит к выводу, что словосочетание обладает и определенной коммуникативной функцией. Коммуникативность, свойственную словосочетаниям, Н. И. Филичева называет «частной» или «относительной» [20].

Форма словосочетания в одних концепциях характеризуется как такое изменение словосочетания, которое определяется изменением стержневого слова (вслед за В. В. Виноградовым — Н. Н. Прокопович, Г. А. Золотова, Н. Ю. Шведова, Н. И. Филичева). В других концепциях под формой словосочетания «понимается его тектоническая структура, обусловленная характером выражения отношений», т. е. формальная устроенность [21].

Значительно расходятся ученые в вопросе о том, является ли словосочетание строительным материалом для предложения. В лингвистических исследованиях представлено несколько точек зрения по этому вопросу:

1. Словосочетание существует до предложения, является для него строительным материалом. Эта точка зрения, представленная в работах В. В. Виноградова и Н. Н. Прокоповича, поддерживается Н. Ю. Шведовой.

2. Многие придерживаются мнения, что словосочетание не существует до предложения, а создается в предложении [22].

3. В. С. Юрченко высказал точку зрения, согласно которой словосочетание не существует до предложения и не вычленяется из него, а получается «в результате внутреннего преобразования либо всего предложения (субстантивные словосочетания), либо его части (глагольные словосочетания)» [23].

[19] *Моисеев А. И.* Некоторые вопросы теории словосочетаний.— НДВШ. Филолог. науки, 1977, № 2.

[20] *Филичева Н. И.* О словосочетании в современном немецком языке. М., 1969.

[21] *Печников А. И.* Указ. соч.

[22] См.: *Белый В. В.* К вопросу о словосочетании.— НДВШ. Филолог. науки, 1960; № 4; *Дмитриева И. С.* К вопросу о природе словосочетания как синтаксической единицы языка.— В кн.: Вопросы современного русского литературного языка и методика преподавания его в школе. Свердловск, 1963; *Скобликова Е. С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971; *Тулина Т. А.* Указ. соч.; *Валгина Н. С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1978; *Филичева Н. И.* Указ. соч.; *Леканг П. А.* Указ. соч.

[23] *Юрченко В. С.* К вопросу о соотношении словосочетания и предложения в русском языке.— В кн.: Теоретические и методические проблемы грамматики и стилистики русского языка.

4. Точка зрения Г. А. Золотовой связана с новым подходом к понятию словосочетания, при котором словосочетание признается единицей докоммуникативного уровня синтаксиса, но не первичной. Первичной единицей синтаксиса считается так называемая синтаксическая форма слова, носительница значения, которое может выражаться вне зависимости от того или иного синтаксического окружения и даже без всякого окружения, например в позиции заголовка: НА ЛЬДИНЕ; ДРУГУ; ПЕРЕД РАССВЕТОМ. Такие формы слов, называемые свободными синтаксическими формами слова, не являются компонентами словосочетаний, а выступают при построении предложений самостоятельно наряду со словосочетаниями. «Вместе с словосочетанием как строительным материалом для предложения входят в структуру предложения разнообразные предложные конструкции, хотя в предложении развиваются и свои специфические виды предложных связей с формами имен существительных» [24]. Собственно словосочетанием Г. А. Золотова называет соединение слов, основанное на подчинительной связи, при которой проявляются, с одной стороны, свойства релятивной семантики главного слова, требующего и задающего форму зависимого, с другой стороны, несамостоятельность, невозможность употребляться без главного слова зависимого компонента, так называемой связанной синтаксической формы слова. Сочетания со свободными формами слова образуют аналоги словосочетаний. Разграничение словосочетаний и аналогов словосочетаний проводится по признаку наличия — отсутствия грамматического подчинения: в словосочетании форма зависимого слова задана главным и служит показателем связи, которая необходима для обеих сторон: *Купить книгу; Командовать парадом.* В аналоге словосочетания соединение двух слов основано не на грамматическом подчинении, «а на смысловой координации синсемантичности соединяющихся элементов»: *Находиться в саду, за городом, на заводе* и т. д. [25] Словосочетания существуют до предложения, аналоги словосочетаний создаются в процессе высказывания. Ср. точку зрения Т. А. Тулиной: «Обнаружилось, что словосочетания функционально неоднородны. Одни из них существуют до предложения и своей воспроизводи-

[24] *Виноградов В. В.* Введение, с. 35—36.
[25] *Золотова Г. А.* Указ. соч., с. 55.

мостью функционально близки словам, являясь исходным материалом для построения высказываний. Другие же формируются только в процессе построения высказываний...»[26] Правда, основания для такого деления словосочетаний у Тулиной совершенно иные.

Теория Г. А. Золотовой имеет большую объяснительную силу. Так, Ю. В. Фоменко, отрицая способность словосочетания быть строительным материалом для предложения, задает вопрос: «В каких случаях в качестве строительного материала для предложения используются отдельные словоформы, а в каких — комбинации словоформ, словосочетания?»[27], и пишет, что ответа на этот вопрос нет. И Ю. В. Фоменко и Д. Н. Шмелев, рассматривая один предложение: *Он сообщил брату новость*, а другой — *Особенно ценю скромность*, обнаруживают противоречивость в традиционной трактовке подобных предложений как построенных из словосочетаний: первое *сообщил брату+сообщил новость*, второе — *особенно ценю+ценю скромность*. «В таком случае окажется, что одна и та же лексема одновременно входит в два разных словосочетания, в две разные языковые единицы»,— пишет Фоменко[28]. Это противоречие легко снимается анализом, основанным на понятии синтаксической формы слова. Предложение *Он сообщил брату новость*, к примеру, строится из синтаксических форм слов и словосочетания: 1) обусловленной синтаксической формы слова *он* со значением субъекта действия; 2) словосочетания *сообщил новость* (главное слово *сообщил* релятивно по своей семантике и требует восполнения смысла в единственной синтаксической форме — вин. падежа без предлога); 3) свободной синтаксической формы слова *брату* со значением адресата.

Итак, лингвистическое явление, стоящее за термином *словосочетание*, по существу определено в советской лингвистике и в основном понимается всеми лингвистами, признающими словосочетание единицей синтаксиса наряду с предложением, одинаково. Об этом свидетельствуют хотя бы привлекающиеся для анализа и иллюстрации примеры. Но признаки этой единицы языка (форма, функция, значение, а также объем) остаются предметом

[26] *Тулина Т. А.* Указ. соч., с. 163.
[27] *Фоменко Ю. В.* Теория словосочетания в «Грамматике русского языка» 1970 г.
[28] Там же.

дискуссии. Различное толкование указанных признаков затрудняет достижение единства в употреблении термина *словосочетание*. Отмежевание терминологического употребления слова *словосочетание* от сходных наименований типа *соединение слов, сочетание слов, пара слов* возможно лишь тогда, когда будут разрешены все спорные вопросы теории словосочетания.

ОТ ТЕРМИНА К СЛОВУ

(*регион*)

Г. И. Миськевич, Ю. Ф. Хаустова

Слово *регион* появляется в русском языке как заимствование из латинского через французский. В конце XIX в. впервые его регистрирует словарь иностранных слов, составленный И. Ф. Бурдоном и А. Д. Михельсоном: «Регіонъ, фр. régіon, от лат. regio, -onis. Страна, область, пространство воздуха» [1]. «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона включает лишь латинское слово regio — квартал, округ [2]. Более поздние словари русского языка, энциклопедические и терминологические справочники не фиксируют данное слово, оно не включено ни в один из последующих словарей как широкого, так и узкоспециального назначения. Можно полагать, что оно не попало ни в широкое употребление, ни в сферы специального словоупотребления. Тем не менее слово, очевидно, продолжало существовать как бы в языковом запаснике как возможная, потенциальная лексическая единица.

Утвердившееся в широком употреблении прилагательное *региональный*, соотносимое с той же семантической сферой и характеризующееся отчетливой морфологиче-

[1] Словотолкователь 3200 иностранных слов, вошедших в состав русского языка с означением их корней. Сост. И. Ф. Бурдон и А. Д. Михельсон. 5-е изд. М., 1877, с. 470.

[2] «Слово R. в топографии Рима означает квартал, в территориальном делении Италии времен Империи — округ. Деление Рима на 4 квартала (regiones) относится еще к эпохе Сервия Тулия» (Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. 51. СПб., 1899, с. 457).

ской членимостью (ср. словообразовательный ряд: *эмбриональный, рациональный, персональный, тональный*), делает форму *регион* потенциальной словообразовательной единицей, закономерно обусловленной существующими словообразовательными зависимостями. Активная жизнь слова *регион* обнаруживается впервые в специальных профессиональных сферах.

Термин *регион* употребляется в географической и геологической терминологических системах. Специальные словари и справочники, вышедшие в 60-х годах XX в. и зафиксировавшие этот термин, дают ему такое толкование: «*Регион*—обобщенное наименование единиц физико-географического районирования любого таксономического ранга. Понятие *регион* в равной мере применимо и к физико-географической стране, и к физико-географической провинции или району» [3]; «*Регионы* (от лат. regio — страна, область) — крупные индивидуальные территориальные единицы. В физической географии — то же, что региональные ландшафтные комплексы... *Региональные ландшафтные комплексы* — обобщенное наименование сложных географических комплексов разных градаций (зоны, страны, провинции, ландшафты и др.)...» [4] В школьном учебнике по географии в разделе «Словарь терминов» мы читаем такую формулировку: «*Регион* (от лат. слова regio — область) — употребляется в том же смысле, что и термин „район", т. е. означает подразделение какой-либо территории на части, но обычно в отношении более обширных территорий (например, крупных частей материка)» [5].

Приведем примеры употребления географического термина *регион* в разных текстах: На картосхеме показаны основные направления внешних миграций населения за период с конца XIX в. до начала второй мировой войны. Определите, в каких *регионах* и странах преобладала эмиграция и в каких — иммиграция (Экономическая география зарубежных стран, с. 14); Минеральные ресурсы *региона* (стран Юго-Западной Азии. — *Г. М., Ю. Х.*) ис-

[3] *Мильков Ф. Н.* Словарь-справочник по физической географии. М., 1960; 2-е изд., доп. М., 1970.

[4] Энциклопедический словарь географических терминов. М., «Сов. энциклопедия», 1968.

[5] Экономическая география зарубежных стран. Учебник для 9 кл. средн. шк. Под ред. В. П. Максаковского. 4-е изд. М., «Просвещение», 1977, с. 332.

следованы недостаточно. Среди разведанных значительные запасы хромитов (в Турции), фосфатов и калийных солей (Израиль, Иордания). Однако... главное богатство Юго-Западной Азии — нефть. Это одна из крупнейших нефтегазоносных провинций, нефтяные запасы которой составляют $^2/_3$ запасов капиталистического мира (там же, с. 237).

Термин *регион* в экономической географии, например, употребляется в разных значениях: 1) как синоним географического термина *район*; 2) для обозначения сопоставляемых таксонов — территорий, принадлежащих к различным системам районирования или к различным таксономическим порядкам одной и той же системы; 3) для обозначения территорий, по своим признакам не позволяющих подвести их под другие термины; 4) для обозначения определенного класса районов в конкретной системе районирования [6].

Географический термин *регион* встречается также и в других терминосферах, в частности в ботанической и зоологической, например: *Центр ареала* — исходный *регион* расселения вида или иной таксономической единицы (Человек и природа. М., «Знание», 1978, с. 94) — здесь *регион* употреблен для объяснения ботанического термина *центр ареала*; *Биота* — совокупность организмов, населяющих какой-то произвольно выбранный *регион* вне зависимости от их функциональной или исторической связи между собой (например, биота административного района) (Человек и природа. М., «Знание», 1977, с. 92—93) — в этом примере *регион* объясняет зоологический термин *биота*.

В геологической терминологической системе *регион* объясняется так: «*Регион инженерно-геологический* — наиболее крупное подразделение при инженерно-геологическом районировании, охватывающее территорию какой-либо тектонической структуры. Выделяется на мелкомасштабных обзорных инженерно-геологических картах по общности признаков, характеризующих общие геологические и гидрогеологические условия, геоморфологическую обстановку и геологические процессы» [7].

Приведенные толкования и примеры показывают, что *регион* в разных терминосферах имеет свою специфику

[6] См.: *Алаев Э. Б.* Экономико-географическая терминология. М., «Мысль», 1977, с. 50.

[7] Геологический словарь в 2-х т. 2-е изд. М., «Недра», 1978.

употребления, свое значение или оттенок, свойственный этой отрасли знания [8]. Поэтому в «Геологическом словаре», например, при слове *регион* дано уточнение: *инженерно-геологический* (см. выше). Можно сказать, следовательно, что географический и геологический термины *регион* являются разными по содержанию, но имеющими общую характеристику — обозначение крупной территориальной единицы.

Разрабатывая научно обоснованную терминологию, специалисты пытаются упорядочить употребление терминов. Так, Э. Б. Алаев пишет о необходимости уточнить значение термина *регион* в экономической географии и предлагает: «В целях упорядочения терминологии представляется целесообразным сохранить за термином „регион" лишь первое значение (т. е. значение географического термина *район. — Г. М., Ю. Х.*), особенно в производных терминах [9]; это общее правило не запрещает использование термина контекстуально и в других значениях, если это соответствующим образом объяснено» [10].

Многозначность термина *регион*, употребление в разных терминологических системах способствовали проникновению его в общелитературную речь. В широкое употребление слово *регион* проникло недавно. В каком значении оно выступает в текстах нетерминологического характера? Как соотносятся в семантической нагруженности *регион*-нетермин и *регион*-термин? Какое место оно заняло в синонимическом ряду близких обозначений?

Анализ собранного материала позволяет прежде всего видеть, что слово *регион* называет единую территориальную единицу, притом значительную по площади распространения, ср.: В 1975 г. в Гаване был создан Комитет по развитию стран Карибского бассейна для «координации деятельности, связанной с развитием и сотрудничеством государств этого *региона*» (Правда, 1977, 21 окт.); Англо-американская дипломатия не оставляет попыток

---

[8] См., например: «*Регионы* — крупные индивидуальные территориальные единицы (разрядка наша.— *Г. М., Ю. Х.*)» (Энциклопедический словарь географических терминов. М., 1968).

[9] «Имеется в виду термин „региональный". В его аналоге от термина „район" скрыта ложная ориентация, так как в соответствии с практикой разговорного языка может соотноситься с административными и внутригородскими районами (по аналогии с такими выражениями, как „районная библиотека" или „районная овощная база")» (*Алаев Э. Б.* Указ. соч., с. 50).

[10] Там же.

навязать народам юга Африки такой план «урегулирования», который игнорирует чаяния и требования громадного большинства населения этого *региона* (Изв., 1978, 28 апр.); Развитие событий на Ближнем Востоке показывает, что империалистические круги Запада и местная реакция преследуют в этом *регионе* одни и те же стратегические цели (Правда, 1978, 20 апр.); Правда, современные экзорцисты из числа иных государственных деятелей Запада... пытаются врачевать не отдельных людей, а целые страны или даже *регионы* (Правда, 1979, 11 янв.).

Следует заметить, что слово *регион* с данным лексическим содержанием утверждается как название единицы территориального членения. Интересно для иллюстрации сравнить два последних издания «Атласа автомобильных дорог СССР». В издании 1967 г. отдельные картографируемые единицы площади не получают никакого специального наименования, в последнем издании они же называются *регионами*, ср.: Территория РСФСР, самой большой республики, разделена на три *региона*. Значительные по площади республики и *регионы* РСФСР, которые занимают несколько страниц атласа, разделены на прямоугольники [11].

Другой, очень важной чертой в семантическом формировании существительного *регион* оказывается следующее: обозначаемая обширная территория характеризуется какими-то определенными признаками и свойствами, специфическими особенностями. Этот семантический признак обнаруживается в тех словосочетаниях, которые формируются в речевом потоке, в широком контекстном окружении.

Это может быть единство или сходство физико-географических характеристик. Ср., например: С точки зрения науки и сегодня Западная Сибирь — благодаря сравнительной простоте геологического строения, относительно хорошей изученности, системному подходу к исследованию *региона* — является эталоном великолепной природной модели для разработки многих фундаментальных проблем геологии (Правда, 1978, 4 янв.).

Это может быть территория, единая в географическом отношении, но объединяющая различные государства. Это содержание особенно отчетливо выступает в сочетаниях *страны региона*, *государства региона*, ср.: Исполнилось

[11] Атлас автомобильных дорог СССР. Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1976, с. III.

два года с момента образования Латиноамериканской экономической системы (ЛАЭС). Она была создана по инициативе президентов Мексики и Венесуэлы для консультаций и координации усилий *стран региона* с целью совместного решения текущих проблем (Правда, 1977, 21 окт.); ...в 1975 году в Гаване был создан Комитет по развитию и сотрудничеству стран Карибского бассейна для «координации деятельности, связанной с развитием и сотрудничеством» *государств* этого *региона* (Правда, 1977, 21 окт.).

Данное содержание раскрывается и в употреблениях другого типа: В документе подчеркивается также решимость представителей *всех регионов* воздерживаться от угрозы или применения силы (Правда, 1977, 10 дек.); Теперь обстановка на Ближнем Востоке резко осложнилась. Созыв конференции в Женеве и всеобщее урегулирование *в этом регионе* стали делом более трудным (Правда, 1977, 25 дек.); Свыше 90 процентов специалистов, работающих за рубежом, Пекин направляет в Африку. Не случайно и не бескорыстно Пекин предпочитает Африку *всем другим регионам* «третьего мира» (Коммунист, 1977, № 14); Гонка вооружений мешает прекращению локальных международных конфликтов — будь то на Ближнем Востоке или в любом другом *регионе мира* (Коммунист, 1978, № 7, с. 41) и т. п.

В этом значении начинает употребляться сочетание *географический регион*, например: ...речь идет о всестороннем хозяйственном и социально-культурном освоении целого *географического региона*, о длительной политике в нем, об умении заглянуть далеко вперед (Л. И. Брежнев, Целина, раздел 3); Среди жителей Таджикистана выделяются дарвазцы, каратегинцы, кулябцы. Такие названия явно восходят к *географическим регионам* Дарваз, Каратегин, Куляб (Э. М. Мурзаев, География в названиях. М., «Наука», 1979, с. 39).

Обозначаемая обширная территория может характеризоваться общностью или единством процессов экономического развития. Это содержание, передаваемое словом *регион*, особенно активно утверждается в связи с усиливающимся ростом межобластных и межрайонных экономико-промышленных объединений. Эти объединения создаются как следствие протекающих на больших территориях единых экономических процессов, границы распространения которых не совпадают с административными

границами официальных областей или районов, ср.: На совещаниях в Красноярском крайкоме КПСС и партийно-хозяйственного актива Норильского промышленного района были рассмотрены вопросы интенсивного освоения природных ресурсов и комплексного развития экономики Восточной Сибири, увеличения производства сельскохозяйственной продукции *этого региона* (Правда, 1978, 28 марта); В последние годы возникли региональные центры науки (Сибирское отделение АН СССР, Уральский научный центр, Дальневосточный центр и т. д.). Их усилия направлены прежде всего на разработку проблем развития производительных сил своих *регионов* (Коммунист, 1977, № 18); Углубление разделения труда, усиление пропорциональности и в развитии отраслей и *регионов* создает необходимые условия для последовательного роста эффективности и всего общественного производства, для более полного использования природных и трудовых ресурсов (Правда, 1977, 22 авг.).

В пределах данного значения появляется сочетание *экономический регион*: Если удастся по каждому *экономическому региону*, городу, области скоординировать фронт труда с наличием кадров, а затем строго удерживать рост их в динамичном равновесии, страна получит гигантский экономический и социальный выигрыш (Правда, 1977, 26 нояб.).

Слово *регион* с данным лексическим содержанием утверждается как название официальной единицы территориального членения, ср., например: Транспортные системы страны и ее *регионов* (заголовок. — Веч. Москва, 1978, 28 марта); В рамках этих организационных структур и вырабатываются политические решения, линия по их осуществлению, согласуются интересы центра и *регионов*, различных социальных групп и граждан (Коммунист, 1978, № 18, с. 99); Существенно помогают пониманию географического названия лингвистические методы, способствующие изучению топонимии какого-то *региона* или ряда однотипных названий (Э. М. Мурзаев, География в названиях, с. 75—76).

Наблюдение над формированием семантической структуры получающего широкое распространение слова *регион* позволяет видеть, что основными семантическими признаками слово *регион* называет тот же круг явлений, который обозначается и термином *регион*; при этом, правда, нельзя не заметить, что слово *регион* оказывается и выра-

зителем как бы изолированных семантических признаков, которые в термине *регион* присутствуют не разрозненно, а как бы в сумме, в единстве.

В литературном употреблении слово *регион* оказалось в одном синонимическом ряду с лексически близкими обозначениями *район* и *область*, также называющими территорию, местность, которым свойственны определенные географические, экономические или какие-либо другие признаки. Можно привести тексты, которые как будто свидетельствуют о взаимозаменяемости приведенных названий; между тем их скорее можно квалифицировать лишь как очень распространенный прием избежать в художественных или публицистических текстах повторения одних и тех же слов, никак не свидетельствующий о непреднамеренной замене одного названия другим вследствие лексического и номинативного тождества: Народная Республика Кампучия выступает за мирное урегулирование всех вопросов с соседними странами... а также развитие сотрудничества и добрососедства со всеми государствами Юго-Восточной Азии, чтобы способствовать тем самым превращению этого *района в регион* мира и стабильности (Правда, 1979, 20 янв.).

Лексическое значение слова *регион* характеризуется своими специфическими особенностями, которых нет в лексических значениях слов того же тематического ряда: обозначаемая территория непременно больших масштабов; она характеризуется обязательным наличием какого-то одного признака, свойства или качества [12]. Именно эти особенности прежде всего влияют на формирующийся статус слова *регион*, именно они в конечном итоге определят, останется ли слово *регион* в общелитературном употреблении.

Приведенный материал позволяет видеть формирование у слова *регион* собственной семантической структуры, не повторяющей семантического содержания бытующих слов того же тематического ряда (*район*, *область*). Входящее в общелитературное употребление слово *регион* в своем лексическом значении повторяет те признаки содержания, которые передает *регион*-термин. Термин *регион* и *регион* как слово общего употребления соотносятся с одними и теми же реалиями.

[12] Ср.: «*Регион* (от лат. regio — страна, область), крупная индивидуальная территориальная единица (напр., природная, экономическая, политическая и др.)» (БСЭ, 3-е изд., т. 21. М., 1975).

НАЗВАНИЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н. В. Новикова

Объектом исследования в данной работе является группа слов, образующих синонимический ряд наименований летательных аппаратов будущего. Новообразования эти не являются достоянием общелитературного языка и представляют собой своего рода потенциально возможные новые языковые лексические единицы. Помимо основной функции термина — номинации, называния предмета или явления — данные слова могут нести в себе еще и экспрессивную оценку, и употребление их в том или ином контексте вызвано определенными стилистическими задачами. Такие «слова-оценки», по определению В. В. Лопатина [1], представляют собой чрезвычайно интересное явление, так как с их помощью удается проследить, как в языке реализуется возможность «назвать, выразить в слове все то, что не только родилось, но и то, что еще рождается или зарождается; своеобразный поиск имени, „заготовки“ для будущего» [2]. Кроме того, детальное изучение этих новообразований показывает, какие словообразовательные модели являются наиболее продуктивными в данный период развития языка, какие морфемы проявляют наибольшую активность. «Анализ новых слов в узких хронологических границах может обнаружить, выходит ли образование новых слов за границы возможностей системы, иначе говоря, окажется ли новая складывающаяся норма шире существующей системы или она не выходит за ее пределы. Новые слова могут и должны стать предметом специального исследования культуры речи» [3].

Возможность же оценки потенциальных слов в культурно-речевом плане возникла лишь в последние годы, в значительной мере этому способствовала разрабатываемая

---

[1] *Лопатин В. В.* Рождение слова. М., 1973.

[2] *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973, с. 44.

[3] *Мисъкевич Г. И., Чельцова Л. К.* Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте).— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 251.

ные теория динамической нормы, по которой «языковая норма, понимаемая в ее динамическом аспекте, есть обусловленный социально-исторически результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами — с другой» [4].

Цель настоящей статьи заключается не только в показе некоторых языковых фактов, наблюдающихся в современной научно-фантастической терминологии, но и в попытке дать им нормативную оценку. Обратимся к частным наблюдениям.

В группу наименований со второй частью *-лет* входят следующие образования: *астролет*, *космолет*, *звездолет*, *водолет*, *суперкосмолет*, *ионолет*, *атомолет*, *нейтронолет*, *гравилет* и *гравитолет*, *планетолет*, *махолет*, *вибролет*, *мускулолет*, *винтолет*, *гидролет*, *реалет*, *экранолет*, *аэролет*, *орбилет*, *вихрелет*, *пульсолет*, *автолет*, *волнолет*, *католет*, *дисколет*, *спиролет*, *мыслелет*, *фотонолет*, *ракетовертолет*, *аквалет*, *транслет*, *терралет* и др. Основная масса этих образований смоделирована по подобию слова *самолет*, представляющего собой сложное существительное, давно известное в русском языке, но получившее в XX в. в связи с развитием авиации новое содержание [5]. Этимологически во второй части сложения, образованной в результате усечения исконно русского глагола *летать*, эти наименования близки. Первый же компонент значительной части этих образований имеет существенное смысловое различие с частью *сам(о)-* в слове *самолет*. Например, в словах *аэролет* и *космолет* первая часть означает среду, в которой происходит движение космического аппарата; компоненты *астр(о)-*, *планет(о)-*, *звезд(о)-*, *орб(и)-* в существительных *астролет*, *планетолет*, *звездолет*, *орбилет* — направление движения корабля, конечный пункт полета; элементы *атом(о)-*, *ион(о)-*, *нейтрон(о)-*, *грави-* и *гравит(о)-*, *реа-*, *фотон(о)-* и т. д. в словах *ато-*

---

[4] *Скворцов Л. И.* Норма. Литературный язык. Культура речи.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи, с. 53; *Он же.* Теоретические основы культуры речи. Автореф. докт. дис. М., 1978, с. 17.

[5] См. об этом подробнее: *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 27; *Пеньковская И. И.* Космическая лексика в русском литературном языке (на материале прессы 60—70-х годов). Канд. дис. Л., 1974.

молет, ионолет, нейтронолет, гравилет и *гравитолет, реалет, фотонолет* обозначают тот вид энергии, который используется при движении космического корабля; первая же часть слов *дисколет, спиролет* (спиральный звездолет) говорит о внешней форме летательного аппарата. Некоторые примеры употребления данных новообразований: К утру на исходные позиции выйдут все суда, *аэролеты*, в лагуну начнут прибывать рефрижераторы (С. Жемайтис, Тигровая звезда); Покинув светлую полярную область, *атомолет* мчался теперь над рыжими, плоскими равнинами Средней Зоны (А. Глебов, Большой день на планете Чунгр); В грузовом *ионолете* только один пассажирский отсек — двенадцать двухместных кают (Е. Войскунский, И. Лукодьянов, Плеск звездных морей); Я очень огорчен, и мне трудно говорить. Час назад разбился на *гидролете* Валентин Янтарь (В. Крапивин, Я иду встречать брата); Ах, какие только корабли можно было увидеть на главном космодроме Планеты Негодяев! *Ионолеты, атомолеты, нейтронолеты, гравилеты* (С. Ярославцев, Экспедиция в преисподнюю); — Послушайте, — донесся голос Полыванова, — лава еще не подступила к вам? — Нет, места для *реалета* пока хватает, — удивленно ответил Шумерин (Д. Биленкин, Марсианский прибой); Каждая планетная группа имела в своем распоряжении небольшой четырехместный *орбилет*, предназначенный для исследования верхних слоев атмосферы.

Среди рассматриваемых образований обращают на себя внимание слова *вибролет* и *махолет*, представляющие собой редко встречающееся среди русских сложных слов сочетание двух глагольных корней: Через пять минут быстрой ходьбы под непрекращающимся дождем мы подошли к маленькому спортивного типа *вибролету* (А. Закгейм, Соперник времени); Нужно достать эту штуку. Ну, которая с крыльями. *Махолет* (Г. Альтов, Создан для бури). Образованы они под несомненным влиянием слова *вертолет*, являющегося, в свою очередь, относительно недавней заменой более раннего названия *геликоптер*.

Следующая группа терминов — со вторым элементом *-план: астроплан, стратоплан, титроплан, реаплан, светоплан, конвертоплан, планетоплан, ротоплан, дископлан, гравиплан, звездоплан* и др. Примеры употребления: Стоит *астроплану* снизиться на сотню-другую тысяч километров ниже расчетного потолка — и мощности двига-

теля не хватит остановить падение (Д. Биленкин, Марсианский прибой); Ему вдруг очень захотелось увидеть отца, как он вылезает из *стратоплана*, грузный, усатый, со шляпой в руке (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Путь на Амальтею); Начинал я не с пассажирских, пришлось водить грузовые *титропланы* (Г. Шах, ...и деревья, как всадники); Пилот взялся за штурвал. Моторы пискнули, затихли. *Реаплан*, со свистом рассекая воздух, рванулся вниз (Г. Альтов, В. Журавлева, Баллада о звездах); Улетая от голубого солнца, они с осторожностью наблюдали и его корону в сиреневых разводах и лучи, которые отражались, подобно водяной пыли, на призрачном хвосте *светоплана* (Л. Обухова, Лилит); Пилот разведывательного *конвертоплана* Николай Семенов не спускал глаз с экрана визуального прибора (Д. Жуков, Рэм и Генри); Пассажиров *планетоплана* «Вега» просят занять места (Ф. Дюрренматт, Операция «Вега»); Таяк, наверное, все еще летел на *дископлане* (В. Щербаков, Крылатое утро); Вы хорошо знаете наши старенькие корабли. Они не нуждались в космических посадочных станциях и, что самое главное, легко конвертировались в *ракетопланы*, обладающие прекрасными маневренными качествами (И. Варшавский, В космосе).

Образованные по образцу существительного *аэроплан*, эти наименования существенно расширяют синонимический ряд названий летательных аппаратов. И если первоначально существовало строгое функциональное разграничение между морфемами *-лет* и *-план*: морфема *-план* соединялась лишь с иноязычными элементами, а морфема *-лет* — с исконно русскими, то в настоящее время такое разграничение исчезает [6]. Возникает своеобразная синонимия этих морфем, ср., например: *астролет — астроплан, звездолет — звездоплан, планетолет — планетоплан, гравилет — гравиплан, реалет — реаплан, дисколет — дископлан* и др.

Не все из названных выше образований перешли из области потенциального в общелитературный язык, но если этот переход когда-нибудь будет осуществлен, то со всем правом в таком случае можно будет говорить об их единстве и в общелитературном языке. «Однако уже сей-

---

[6] См. об этом: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968, с. 292.

час появление всех этих новообразований привело к структурному сближению двух слов, стоявших во главе рядов слов на *-лет* и *-план* и первоначально находившихся на разных полюсах: сложного русского слова *самолет* и заимствованного нечленимого *аэроплан*, ставшего, однако, малоупотребительным в современном языке» [7]. В целом данный словообразовательный тип характеризуется достаточно высокой продуктивностью и полностью соответствует литературным нормам.

Продолжая наблюдение над группой слов, обозначающих летательные аппараты, следует обратить внимание еще на один факт: построение новых слов из старых морфем на основе ассоциативных аналогических связей. Такими словами являются: *лунник*, *марсник*, *фотонник* [8], *рейсовик*, *орник* (от *орнитоптера*) (некоторыми исследователями подобные слова относятся к другому типу, ср.: *велик*, *телик*), *звездник*, *парусник* (для обозначения космического корабля): Горизонт вдруг озарился ослепительной вспышкой, огненная длинная струя ударила в небо и рассыпалась каскадом искр. Бетон под ногами задрожал. Полицейский поднял к глазам часы. — Двадцать двенадцать, — сказал он. — Вечерний *лунник* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Стажеры); К спутникам Юпитера Анджей отправился с надеждой написать серию добротных очерков об исследователях Галилеевых лун, не более. *Рейсовик* благополучно доставил его на региональную базу (Д. Биленкин, Случай на Ганимеде); Орнитоптер, или *орник*, как фамильярно именовали его шпуры, помахивая крыльями летел на базу (В. Михановский, Беглецы) и др.

Не вызывает сомнений, что образование и формирование данных слов происходило под структурным влиянием существительного *спутник*, которое, приобретя новое значение ‹космический летательный аппарат›, породило новое осмысление морфемы *-ник*. Данный суффикс теперь стал все чаще употребляться при образовании слов «космической» тематики.

Новые образования, возникшие в результате словотворчества, подчеркивают сознательный процесс словообразования, в результате которого отдельные морфемы

---

[7] Там же.

[8] Примеры взяты из кн.: Русский язык и советское общество. Словообразование..., с. 293.

закрепляют свое новое значение, обретая при этом известную самостоятельность и независимость. Приведенный материал дает нам убедительное доказательство пробуждения нового значения суф. *-ник*, который был использован для создания синонимических наименований космических кораблей.

Характерная для терминологии тенденция отграничения оригинального набора морфем поддерживается процессом вычленения иноязычных морфем. В терминологии научной фантастики, например, выделены на современном уровне морфемы *-кар*, *-бус*, *-мобиль* (*-биль*) для обозначения летательных аппаратов и средств передвижения. Рассмотрим отдельно каждую группу. Первую составляют образования с морфемой *-кар*. Примеры употребления: *Птерокар*, трепеща крыльями, как бабочка, спустился на поляну с густой травой (Д. Биленкин, Марсианский прибой); На Базе не было ни одного человека, если не считать Амантая, водителя *гравикара*, два раза в неделю подбрасывающего продукты (А. Валентинов, Защита от дурака); На площадь въехал двухколесный *жирокар*, и из него вылез плотный мужчина (Р. Янг, Срубить дерево); Я вышел узнать, и мне сказали, что это «Влтава», новый чешский *атомокар* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Путь на Амальтею); Двигатель кашлянул и заурчал. С треском распахнулись крылья *аэрокара* (Р. Хайнлайн, Если это будет продолжаться); Лифты в двойных стенах и *электрокары* в подземных коридорах могли в несколько минут сделать мнимое присутствие истинным (В. Назаров, Силайское яблоко); Забываем на склоне лет, что в окошечко уже не постучишься. Это вам не пятидесятые годы. *Обсервейшн-кар*! В таком каре только пушкинских «Бесов» читать: «Мутно небо, ночь мутна...» (А. Абрамов, С. Абрамов, Тень императора).

Следует отметить, что слова эти возникли по образцу слова *автокар*. Стимулом к членению этого слова мог послужить приток заимствований определенной структуры, вызванный внешней потребностью актуализации определенной группы лексики.

Вероятно, подобная причина повлияла и на вычленение элементов *-мобиль* и *-бус* и на функционирование их не только в качестве морфем, но и как самостоятельных слов: *мобиль*, *ракетомобиль*, *электромобиль*, *тримобиль*, *гиромобиль*, *аэромобиль* (ср. также образованное по той же модели новообразование *лифтомобиль*); *бус*, *страто-*

бус, космобус, аэробус (ныне широко распространенное в связи с созданием многоместных самолетов), *лунобус, электробус, ракетобус* (ср. также образованные по той же модели *хронобус, сатиробус*) и т. д. Примеры употребления: Утром прилетело откуда-то несколько сотен *мобилей*, все они сели на воду, так что люди, не выходя на пляжи, ныряли прямо с плоскости крыла (О. Ларионова, Леопард с вершины Килиманджаро); Каруччи и Фехнер проводили исследовательский полет над океаном в небольшом двухместном *аэромобиле* (С. Лем, Солярис); *Ракетомобиль* Великого Спрута пролетел в самый дальний угол космодрома (С. Ярославцев, Экспедиция в преисподнюю); Они вышли на солнечный свет, и *тримобиль* подвез их к какому-то дому в районе Семидесятой стрит (Р. Крэйн, Пурпурные поля); На кухне в холодильнике имелся богатый набор консерватов, а возле фоновизора — карточка с номерами АБО (ателье бытового обслуживания), которое могло доставить на дом все, начиная от зубной щетки и кончая *электромобилем* для личного пользования (М. Михеев, Станция в Море Дождей); Он вошел в гараж, залез в маленький *гиромобиль* и съехал под уклон, чтобы завелся мотор (Р. Крэйн, Пурпурные поля); В Харьковском художественно-промышленном институте создан проект оригинальной машины — *лифтомобиля* для обслуживания пассажиров в аэропортах [9], Он вышел на трассу и вскочил в проходящий *бус* (В. Михановский, Беглецы); Я тащился сюда *стратобусом*, дисколетом, а потом геликоптером (В. Зегальский, Тебя ждет приключение); *Космобус* Земля — Пояс Астероидов возвращался почти пустым (Б. Ланин, Старинная детская песенка); Иногда орбилет использовался для встречи с *ракетобусом* «Лунь» на низкой орбите (М. Пухов, Картинная галерея) и т. п.

Новые морфемы становятся носителями общего категориального значения, объединяющего весь словообразовательный ряд. «В связи с этим, когда возникает потребность в общем родовом понятии, в речи может происходить лексикализация конечных элементов» [10]. Ср. выше: в таком *каре* только пушкинских «Бесов» читать; прилетало несколько сотен *мобилей*; вскочил в проходящий *бус*.

[9] Пример взят из кн.: *Калинин А. В.* Лексика русского языка. М., Изд-во МГУ, 1971, с. 115.

[10] Русский язык и советское общество. Словообразование..., с. 225.

Возможность такого вычленения второй части слова появилась в результате усиления аналитизма, расчлененности в структуре слов соответствующего типа. Такое отдельное функционирование морфемы наиболее характерно для терминологических систем.

Определенное число наименований летательных аппаратов представлено словосочетаниями, состоящими в основном из двух-трех компонентов: *Ракеты с ионными двигателями* быстро устарели, их сменили *термоядерные корабли* (Г. Альтов, Богатырская симфония); Моя жена отправилась в космическое путешествие на *фотонном корабле* и, согласно теории относительности, должна вернуться на Землю примерно через триста лет (Г. Гор, Странник и время); Мы научились по-настоящему ценить две вещи: время и здоровье. И я думаю, для этого стоило запускать *транспространственный корабль* (О. Ларионова, Леопард с вершины Килиманджаро); Чтобы построить *межпланетный корабль*, требовались земные заводы (Г. Гуревич, Пленники астероида); Я пришел к заключению, что нахожусь, скорее всего, в гигантском ангаре для *межзвездных кораблей* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, Извне); Мой путь на *ракетном корабле* длился около трех месяцев (Ф. Карпити, Письма в космос); С *пульсационным звездолетом* — последним изобретением гения Земли — человечество сможет прийти на призыв далеких миров (И. Ефремов, Сердце змеи); Отсюда уходили к звездам *ионные ракеты*, управляемые автоматами (Г. Альтов, Богатырская симфония) и т. д.

Структурная основа всех приведенных словосочетаний построена по продуктивной модели «прилагательное+существительное». Теоретически число компонентов в подобного рода словосочетаниях в целях детализации и уточнения понятий может быть увеличено.

Продуктивность составных наименований, несмотря на присущее современному литературному языку стремление к экономии языковых средств, вполне оправданна, особенно «в области специального профессионального знания, требующего дополнительной квалификации обозначаемого в связи с тем или иным направлением профессиональной деятельности» [11].

Когда вторая часть в этих словосочетаниях представ-

[11] *Кожин А. Н.* Лексико-семантические особенности бинарных обозначений.— Учен. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, 1966, т. 163.

лена существительными с определенной стилистической окрашенностью, все высказывание приобретает возвышенную тональность, ср., например: Текст, отпечатанный на листе, рассказывал о старте *фотонного фрегата* «Магеллан» (В. Крапивин, Я иду встречать брата); Рядом с моей ракетой величественно опустился *галактический лайнер* (С. Лем, Звездные дневники Ийона Тихого); Нам, летающим на *межзвездных лайнерах*, трудно представить, как люди обходились без гимнастического зала, без плавательных бассейнов, без стереотеатра и прогулочных галерей (В. Журавлева, Астронавт) и т. д.

Характерным признаком, объединяющим рассмотренные в работе группы лексических синонимов (исключая словосочетания), является то, что все они созданы одним словообразовательным способом, в основе которого лежит образование новых слов по одному образцу. В данной статье к таким словам-образцам (или «ядерным» словам) относятся: *самолет, автокар, автобус, автомобиль, спутник*. Интенсивность подобного способа словообразования для научно-фантастической лексики чрезвычайно высока, как, впрочем, и для общелитературной лексики. Широкий круг самих образований данного типа позволяет нам говорить о растущей регулярности данных образований. Созданные продуктивным словообразовательным способом, общепонятные (в силу прозрачности своей структуры) и благозвучные, эти новообразования вполне отвечают критерию правильности, который является одним из основных критериев при культурно-речевой оценке новых слов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Авакова А. С. «Лидер» как спортивный термин.— РЯШ, 1971, № 4.

Авакова А. С. Наименования спортсменов-велосипедистов.— РЯШ, 1974, № 2.

Адмони В. Г., Сильман Т. И. Отбор языковых средств и вопросы стиля.— ВЯ, 1954, № 4.

Азимов Н. А., Дешериев Ю. Д., Никольский Л. Б., Степанов Г. В., Швейцер А. Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык.— ВЯ, 1975, № 2.

Алтайская В. Ф. Расширение сферы терминологической лексики в первое десятилетие после Октябрьской революции.— Доповіді та повідемлення. Серія філологічна, Ужгород, 1959, № 4.

Андреев Н. Д. Язык в обществе, использующем кибернетические машины.— В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969.

Андреев Н. Д., Замбржицкий Н. Д. Новое в современной сельскохозяйственной терминологии.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959.

Аристова В. М. О проникновении и развитии английской спортивной терминологии в русском языке.— В кн.: Краткие сообщения по русскому языку и литературе (К 75-летию Е. Д. Поливанова), ч. 2. Самарский гос. ун-т, 1967.

Аристова В. М. Из истории слова «клуб» в русском языке.— РЯШ, 1971, № 5.

Аркадьева Э. В. Терминология искусства и архитектуры итальянского происхождения в современном русском языке.— РЯШ, 1973, № 6.

Асланян С. А. О некоторых особенностях термина.— Вестн. обществ. наук (АН АрмССР), 1968, № 11.

Ахманова О. С., Бельчиков Ю. А., Веселитский В. В. К вопросу о «правильности» речи.— ВЯ, 1960, № 2.

Бельчиков Ю. А. Терминологическая и производственно-профессиональная лексика в газете.— В кн.: Очерки по стилистике русского языка и литературному редактированию. М., Изд-во МГУ, 1961.

Бельчиков Ю. А. О развитии лексики в советскую эпоху.— РЯШ, 1965, № 6.

Бельчиков Ю. А. Критика В. И. Лениным общественно-политической терминологии либеральных народников.— Вестн. МГУ, 1967, № 1.

Бельчиков Ю. А., Вомперский В. П. Наблюдения над языком и стилем массовой политической литературы.— В кн.: Очерки по стилистике русского языка и литературному редактированию. М., Изд-во МГУ, 1961.

Беляева С. А. Новый спортивный термин «фосбери-флоп».— Рус. речь, 1976, № 5.

Божко Л. И. О лингвистическом подходе к упорядочению научно-технической терминологии.— В кн.: Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Л., 1973.

Бондалетов В. Д. Научно-техническая революция и язык.— Рус. речь, 1978, № 3.
Бондаренко И. А. К вопросу о терминологической лексике.— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Кафедра рус. яз., 1956, вып. 5.
Бонев М. О некоторых фразеологических сочетаниях в экономической литературе.— Рус. язык за рубежом, 1968, № 4.
Брагина А. А. От номенклатурного языка к названию предмета.— РЯШ, 1970, № 6.
Брагина А. А. Синонимы и термины (О возможной полифункциональности терминов).— РЯШ, 1976, № 6.
Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., «Высшая школа», 1967.
Будагов Р. А. В. И. Ленин о научном стиле языка.— НДВШ, Филолог. науки, 1970, № 1.
Будагов Р. А. Терминология и семиотика.— Вестн. МГУ, 1972, № 5.
Будько Р. А. Границы стандартизации.— Рус. речь, 1971, № 1.
Букчина Б. З. Серасодержащий, серусодержащий или серосодержащий.— В кн.: Исследования по русской терминологии. М. «Наука», 1971.
Бурцева В. В. Профессиональная лексика в толковых словарях.— Рус. речь, 1978, № 3.
Веселов П. В. Стандартизация и проблема перевода.— Стандарты и качество, 1967, № 1.
Веселов П. В. Оправданный случай синонимии в терминологии.— Рус. речь, 1969, № 5.
Веселов П. В. Стандартизация терминов.— Рус. речь, 1969, № 3.
Ветлов Н. Теоретические основы терминологического минимума по специальным видам перевода (На материале немецкого языка). Автореф. канд. дис. М., 1968.
Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. М., Изд-во АН СССР, 1952.
Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов.— ВЯ, 1953, № 5.
Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., «Наука», 1967.
Виноградов С. И., Скворцов Л. И. Заметки на полях (О языке журнала «Человек и закон»). — Рус. речь, 1978, № 3.
Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Труды МИФЛИ, 1939, т. 5.
Вишнякова Н. Г. О соотношении терминологической и общеупотребительной лексики в специальной научно-технической литературе (по ракетной технике и космонавтике).— Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1964, № 223.
Владимиров С. В. Терминология научной фантастики. — Рус. речь, 1968, № 4.
Востоков Б. И. О значении слова.— В кн.: Проблемы знака и значения. М., Изд-во МГУ, 1969.
Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. М., «Прогресс», 1967.
Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., «Прогресс», 1967.

Герд А. С. Проблемы формирования научной терминологии (На материале научных названий рыб). Автореф. докт. дис. Л., 1968.
Глушков Н. К. Неологизмы с «микро-» в современном русском языке.— РЯШ, 1970, № 5.
Голанова Е. Н. Новости терминологии.— Рус. речь, 1967, № 1.
Головин Б. Н. О некоторых задачах и тематике исследования научной и научно-технической терминологии.— Учен. зап. Горьковского гос. ун-та, 1970, вып. 117.
Гусева Г. М. Некоторые вопросы терминологии и перевода терминологической лексики.— В кн.: Докл. к научно-технической конференции ЛЭИС (Ленингр. электро-технич. ин-т связи), вып. 5. Л., 1966.
Даниленко В. П. Словообразование в производственной терминологии.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 2. М., 1959.
Даниленко В. П. Как создается термин.— Рус. речь, 1967, № 2.
Даниленко В. П. Лингвистическое изучение терминологии и культура речи (К постановке вопроса).— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., «Наука», 1970.
Даниленко В. П. О грамматических особенностях терминов-существительных.— Рус. речь, 1970, № 6.
Даниленко В. П. О месте терминологии в системе общелитературного языка (Выступление).— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
Даниленко В. П. Взрывной или подрывной? — Рус. речь, 1971, № 1.
Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов.— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.
Даниленко В. П. Мини-куры.— Рус. речь, 1971, № 6.
Даниленко В. П. Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии.— В кн.: Терминология и норма. М., «Наука», 1972.
Даниленко В. П. О кратком варианте термина (К вопросу о синонимии в терминологии).— Рус. речь, 1972, № 5.
Даниленко В. П. О терминологическом словообразовании.— ВЯ, 1973, № 4.
Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка.— ВЯ, 1976, № 4.
Даниленко В. П. О лексическом составе языка науки.— В кн.: Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978.
Даниленко В. П. О языке научной прозы.— Рус. речь, 1978, № 5.
Даниленко В. П., Хохлачева В. П. О словах типа *этажность* (Соотношение общелитературного и терминологического словообразования).— Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966.
Даниленко В. П., Хохлачева В. Н. Варианты слова (Размежевание вариантов по значению).— Рус. речь, 1970, № 3.
Деборин А. М. Заметки о происхождении и эволюции научных понятий и терминов.— ВЯ, 1957, № 4.
Денисов П. Н. Некоторые лингвистические аспекты терминологии.— РЯШ, 1965, № 6.
Денисов П. Н. О некоторых общих аспектах изучения языков науки.— В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., «Наука», 1969.
Денисов П. Н. Выступление на совещании по лингвистическим проблемам научно-технической терминологии (Ленинград, 1967).— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., «Наука», 1970.

Денисов П. Н. Еще о некоторых аспектах изучения языков науки.— В кн.: Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические, историко-научные аспекты терминологии. М., «Наука», 1970.
Добродомов И. Г. Новая одежда старых слов.— Рус. речь, 1972, № 2.
Жилин Н. М. Конструкции типа «тепло- и электровозы» в русском языке.— РЯШ, 1972, № 4.
Земская Е. А. Как делаются слова. М., Изд-во АН СССР, 1963.
Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., «Просвещение», 1973.
Иванищев С. И. Терминология горного дела.— Рус. речь, 1978, № 1.
Как работать над терминологией. Основы и методы. М., «Наука», 1968.
Канделаки Т. Л. Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий.— В кн.: Проблемы языка науки и техники. М., «Наука», 1970.
Канделаки Т. Л. Работа по упорядочению научно-технической терминологии и некоторые лингвистические проблемы, возникающие при этом.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., «Наука», 1970.
Канделаки Т. Л. К вопросу о номенклатурных наименованиях.— В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973.
Канделаки Т. Л., Самбурова Г. Г. Вопросы моделирования систем значений упорядоченных терминологий.— В кн.: Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., «Наука», 1969.
Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики.— В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965.
Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической лексики с общелитературной (На материале современного русского языка). Автореф. канд. дис. М., 1966.
Капанадзе Л. А. Развитие терминологической лексики современного русского языка.— В кн.: Материалы всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка, ч. 1. Самарканд, 1966.
Капанадзе Л. А. Национальное и интернациональное в современной научно-технической терминологии.— В кн.: Научная конференция по проблеме «Национальное и интернациональное в литературе и языке». Тезисы докл. и сообщ. Кишинев, 1969.
Качаева Л. А. Язык газеты (О языке газеты «Труд»).— Рус. речь, 1969, № 4.
Кимягарова Р. С. Из истории формирования театральной терминологии.— РЯШ, 1970, № 3.
Кобрин Р. Ю. О формальных критериях терминологичности и методологическом обосновании работ по унификации и стандартизации терминологии.— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., «Наука», 1976.
Кобрин Р. Ю., Пекарская Л. А. Стандартизация терминов: надежды и действительность.— Научно-техническая информация, сер. 1, 1976, № 9.
Ковтун Л. С. О значении слова.— ВЯ, 1955, № 5.
Ковтун Л. С. Сближение разговорно-обиходной речи с научной.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.

Коготкова Т. С. Из истории формирования общественно-политической терминологии (по материалам последних десятилетий XIX в.).— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.
Коготкова Т. С. Стачка и забастовка.— Рус. речь, 1971, № 6.
Коготкова Т. С. Зябрение? Жаброванне? (Лингвистический комментарий).— В кн.: Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. М., 1972.
Коготкова Т. С. Слово в терминологическом и нетерминологическом применении.— Рус. речь, 1975, № 1.
Коготкова Т. С. Терминология и межфункционально-стилевая «омонимия».— В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., 1976.
Коготкова Т. С. Буржуазный — капиталистический.— Рус. речь, 1977, № 3.
Кожин А. Н. Обогащение словарного состава русского языка в советскую эпоху.— РЯШ, 1957, № 5.
Кожин А. Н. Из истории развития словарного состава русского языка в советском обществе.— Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, 1963, т. 138, вып. 8.
Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
Комлев Н. Г. Наступление на слово.— Вопросы философии, 1971, № 11.
Комлев Н. Г. О критериях правильности высказывания.— ВЯ, 1978, № 1.
Костомаров В. Г. Важнейшая терминология газетного дела.— Рус. язык за рубежом, 1967, № 3.
Костомаров В. Г. Разговорные элементы в языке газеты.— Рус. речь, 1967, № 5.
Костомаров В. Г., Денисов П. Н., Веселов П. В. Русский язык в современном мире. М., Изд-во МГУ, 1969.
Костров В. Н. Языковеды должны изменить свое отношение к терминологической работе.— ВЯ, 1956, № 2.
Крылов А. Н. Терминологическая лексика прядения на текстильных фабриках города Иванова. Автореф. канд. дис. Л., 1974.
Кузьмин Н. П. Нормативная и ненормативная социальная лексика.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
Кузьмин Н. П. Отглагольные существительные в специальной лексике (на материале лексики станкостроения, приборостроения и общего машиностроения).— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.
Курилович Е. Заметки о значении слова.— В кн.: Очерки по лингвистике. М., ИЛ, 1962.
Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.—Л., «Наука», 1964.
Кутина Л. Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., «Наука», 1970.

Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое–филологическое).– В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л., «Наука», 1976.
Левинштейн И. И. Бездумные термины и ложные взгляды.– Аптечное дело, 1963, т. 12, № 4.
Лексика, терминология, стили. Межвуз. науч. сборник, вып. 2. Горький, 1973.
Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., «Наука», 1970.
Лиходневский В. Бытовые слова в роли технических терминов.– РЯШ, 1962, № 3.
Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., Изд-во АН СССР, 1961.
Мальцев В. И. Лексическое значение и понятие.– В кн.: Проблемы знака и значения. М., Изд-во МГУ, 1969.
Мартонова М. (ЧССР) Составной термин (О терминах типа *скорый поезд*).– Рус. речь, 1972, № 6.
Мерков Б. П. Перевод новых научных и технических терминов.– Научно-техническая информация. ВИНИТИ, 1966, № 1.
Миськевич Г. И. Некоторые наблюдения над новыми терминами.– В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.
Миськевич Г. И. «Океаническая» лексика.– Рус. речь, 1973, № 3.
Миськевич Г. И., Даниленко В. П. Русская терминология.– Рус. речь, 1978, № 3.
Миськевич Г. И., Чельцова Л. К. Новые слова, их принятие и нормативная оценка.– В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., «Наука», 1970.
Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. М., Изд-во МГУ, 1973.
Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы как функционально-стилевое единство. Автореф. докт. дис. М., 1975.
Моисеев А. И. О языковой природе термина.– В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., «Наука», 1970.
Моисеев А. И. Специальная терминология и лексика общего употребления. На материале наименований лиц по профессии.– В кн.: Лексика, терминология, стили, вып. 2. Горький, 1973.
Ожегов С. И. К вопросу об изменениях словарного состава русского языка в советскую эпоху.– ВЯ, 1953, № 2.
Петрунина В. М. Иноязычные заимствования в текстильной терминологии.– Рус. речь, 1976, № 2.
Петушков В. И. Взаимодействие терминов и лексики общелитературного языка (по наблюдениям лексикографа).– В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов третьей лингвистической конференции 3–7 мая 1971 г. (Терминология). Новосибирск, 1971.
Петушков В. П. Термин и язык.– В кн.: Научный симпозиум. Семиотические проблемы языков науки, терминологии, информатики, ч. 2. М., Изд-во МГУ, 1971.
Петушков В. П. Лингвистика и терминоведение.– В кн.: Терминология и норма. М., «Наука», 1972.
Подольская Н. В. Народные географические термины в роли терминов научных.– Вопросы географии, 1970, сб. 81.

Поляков И. М. К вопросу об экспрессивности профессиональной лексики.— В кн.: Актуальные вопросы лексики словообразования, синтаксиса и стилистики современного русского языка. Науч. труды Куйбышевского гос. пед. ин-та, 1973, т. 20.

Попович М. В. О философском анализе языка науки. Киев, 1966.

Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., «Наука», 1970.

Протченко И. Ф. Развитие общественно-политической лексики в советскую эпоху.— В кн.: Развитие лексики современного русского языка. М., «Наука», 1965.

Протченко И. Ф. Проблемы развития лексики и словообразования русского языка в советскую эпоху (Социологический аспект). Автореф. докт. дис. М., 1973.

Прохорова В. И. Специальная терминология в современном русском литературном языке.— РЯШ, 1962, № 3.

Прохорова В. И. О сходстве и различиях терминологической и жаргонной лексики.— В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., Изд-во МГУ, 1970.

Прохорова В. И. Актуальные проблемы современной русской лексикологии. М., Изд-во МГУ, 1973.

Пумпянский А. Л. Функциональный стиль научной и технической литературы.— ВЯ, 1977, № 2.

Развитие лексики современного русского языка. Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. М., «Наука», 1965.

Рассел Б. Человеческое познание. Язык. М., «Прогресс», 1957.

Редактирование отдельных видов литературы. Под ред. Н. М. Сикорского. М., «Высшая школа», 1973.

Реформатский А. А. Термин как член лексической системы языка.— В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1967. М., «Наука», 1968.

Римашевская К. П. Роль народно-диалектной лексики в становлении научной терминологии (Тезисы исследования, произведенного на материале лексики леса Шушенского района Красноярского края).— В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1965.

Руднева Л. Из истории некоторых слов на «само-».— РЯШ, 1975, № 2.

Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., «Наука», 1968.

Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., «Высшая школа», 1976.

Сидоренко К. П. Фразеологизмы терминологического происхождения.— Рус. речь, 1978, № 3.

Сиротинина О. Б., Бах С. А. и др. Изменения в языке научной прозы.— Вопросы стилистики, вып. 3. Саратов, 1969.

Сифоров В. И. Проблемы научно-технической терминологии.— Вестн. АН СССР, 1975, № 8.

Скворцов Л. И. Терминология и культура речи (Заметки языковеда).— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.

Скворцов Л. И. О языке и стиле ГОСТов (в связи со структурой «словарной статьи»).— В кн.: Терминология и норма. М., «Наука», 1972.

Скороходько Э. Ф. Лингвистические вопросы перевода научно-технических терминов с английского языка на русский. Автореф. канд. дис. Л., 1961.

Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова»).— Труды ИЯЗ АН СССР, 1954, т. 4.

Смирницкий А. И. Звучание слова и его семантика.— ВЯ, 1960, № 5.

Смирнова Я. В., Киселев А. Б., Круглов Е. А. О единстве технической и лингвистической сторон в научно-технической терминологии.— В кн.: Проблемы государственной стандартизации терминологии в СССР. М., 1968.

Современные проблемы терминологии в науке и технике. М., «Наука», 1969.

Солганик Г. Я. Заметки о языке научно-технических журналов.— Рус. речь, 1967, № 5.

Соловьева И. М. Нормализация научно-технической терминологии.— В кн.: Особенности языка научной литературы. М., 1965.

Соловьева И. М. К проблеме адекватности научно-технического перевода.— В кн.: Стилистико-грамматические черты языка научной литературы. М., «Наука», 1970.

Сорокин Ю. С. Язык науки и литературный язык.— В кн.: Художественное и научное творчество. Л., «Наука», 1972.

Степанов Г. В. О художественном и научном стилях речи.— ВЯ, 1954, № 4.

Сумникова Т. А. Термины родства и свойства.— Рус. речь, 1969, № 2.

Сулержицкие М. и *Д.* Морская терминология и редакторская практика.— Рус. речь, 1967, № 2.

Тарко Г. И. Терминологизация общеупотребительных слов в русской ботанической научной литературе XVIII в.— Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Рус. язык, 1969, т. 228, вып. 15.

Тарко Г. Н. Слова-термины.— Рус. речь, 1974, № 4.

Тоболова М. П. О термине «предложение».— Рус. речь, 1975, № 3.

Тогунов Б. Термин как выражение внутренних противоречий природы языка.— В кн.: Ленинское учение о «ядре» и материалистической диалектике и некоторые вопросы современной практики и науки. Астрахань, 1969.

Толикина Е. И. Термин в литературном языке.— В кн.: Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.-Л., «Наука», 1966.

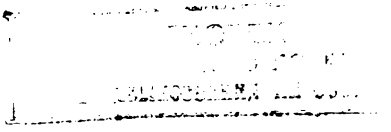
Толикина Е. И. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина.— В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., «Наука», 1970.

Толикина Е. И. Синонимы или дублеты? — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.

Толикина Е. Н. Термин в толковом словаре (К проблеме отбора).— В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., «Наука», 1974.

Ушаков А. А. Язык советского закона (О некоторых юридических терминах).— Рус. речь, 1968, № 1.

Филиппов В. С. Язык спортивных отчетов.— Рус. речь, 1973, № 2.
Хаютин А. Д. Термин, терминология, номенклатура (Учебное пособие). Самарканд, 1972.
Черемисина Н. В. Терминологическая лексика в советской научно-художественной прозе.— Науч. зап. Харьков. пед. ин-та. Сер. лингв., 1957, т. 28.
Шкатова Л. А. Заметки об унификации названий профессий.— В кн.: Исследования по русской терминологии. М., «Наука», 1971.
Шмидт В., Шерцберг И. Профессиональные языки и общенародный язык.— Рус. речь, 1968, № 5.
Шурыгин Ю. М. Термины и общелитературные слова.— Учен. зап. Казан. пед. ин-та, 1970, вып. 77. Вопросы теории и методики изучения рус. яз., сб. 6.
Язык научной литературы. М., «Наука», 1975.
Ярцева В. Н. Развитие языка науки.— В кн.: Наука и человечество. М., «Наука», 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

ОТ РЕДАКЦИИ 3

I

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА В ЭПОХУ НТР 5
Л. И. Скворцов.

ТЕРМИН И ЕГО МОТИВИРОВАННОСТЬ 28
О. И. Блинова.

ЗНАЧЕНИЕ И ОТТЕНКИ ЗНАЧЕНИЯ В ТЕРМИНЕ 37
А. А. Брагина.

СУБСТИТУЦИЯ ТЕРМИНОВ В СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ 47
В. Г. Гак, В. М. Лейчик.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ГАЗЕТЕ (СПОСОБЫ РАСКРЫТИЯ И ВВЕДЕНИЯ В ТЕКСТ) 58
Т. С. Коготкова.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОСМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ) 92
Г. И. Миськевич.

О ФОРМИРОВАНИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ 110
Н. Г. Михайловская.

К ВОПРОСУ О «СПЕЦИАЛЬНЫХ» СЛОВАХ В СОСТАВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ 123
Н. Г. Михайловская.

II

ОРФОГРАФИЯ И ГРАММАТИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ) 135
Б. З. Букчина, Л. П. Калакуцкая.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ВАРИАНТА (*ОЗВУЧЕНИЕ, ОЗВУЧИВАНИЕ* ИЛИ *ОЗВУЧАНИЕ*) 157
Е. И. Голанова.

www.ruslang.ru

ВАРИАНТЫ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОЖНЫХ СЛОВ С ПРЕПОЗИТИВНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ *АВИА-*, *АВТО-*, *АЭРО-*, *КИНО-*, *РАДИО-*, *ТЕЛЕ-* И ДР.) 164
Л. П. Катлинская.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД УДАРЕНИЕМ В СЛОЖНЫХ СЛОВАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ) 178
Л. Н. Кузнецова.

К СООТНОШЕНИЮ НОМИНАТИВНЫХ СВОЙСТВ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ОБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОВ 185
В. Н. Хохлачева.

ФОРМА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГРУППЕ ОТВЛЕЧЕННЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ 202
Л. К. Чельцова.

III

ИЗ ИСТОРИИ КОДИФИКАЦИИ РУССКИХ ФИТОНИМОВ 207
Т. А. Боброва.

О ТЕРМИНЕ И ПОНЯТИИ «СЛОВОСОЧЕТАНИЕ» 231
И. А. Елисеева.

ОТ ТЕРМИНА К СЛОВУ (*РЕГИОН*) . 242
Г. И. Миськевич, Ю. Ф. Хаустова.

НАЗВАНИЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 250
Н. В. Новикова.

БИБЛИОГРАФИЯ 259

ТЕРМИНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Утверждено к печати
Институтом русского языка АН СССР

Редактор издательства *В. С. Матюхина*
Художественный редактор *Т. П. Поленова*
Технические редакторы *О. Г. Ульянова, О. М. Гуськова*
Корректоры *Л. Г. Агапова, Г. Г. Петропавловская*

ИБ № 22210

Сдано в набор 5.11.80. Подписано к печати 11.03.81
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 15,5
Тираж 9250 экз. Тип. зак. 3652
Цена 1 р.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 99
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В издательстве «Наука»
Готовятся к печати:

ГОРШКОВ А. И.

Язык предпушкинской прозы. 14 л. 1 р. 40 к.

Монография представляет собой исследование языка предпушкинской прозы на примере прозаических произведений Чулкова, Новикова, Фонвизина, Крылова, Радищева, Карамзина.
Для специалистов-филологов, преподавателей вузов и средних школ, студентов филологических факультетов, а также для самых широких кругов читателей.

ЗЕМСКАЯ Е. А., КИТАЙГОРОДСКАЯ М. В., ШИРЯЕВ Е. Н.

Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. 20 л. 2 р. 50 к.

В книге дается характеристика русской разговорной речи как одной из разновидностей литературного языка, обнаруживающейся в условиях непринужденного общения. Исследуются как вопросы общего характера, так и вопросы словообразования и синтаксиса.
Для широкого круга лингвистов разного профиля, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. 20 л. 2 р.

В монографии прослеживаются изменения основных лексических пластов в русском литературном языке на протяжении полутора веков. Работа построена на новых литературных материалах XVII — начала XIX в., а также на уже публиковавшихся, критически проанализированных и обобщенных.
Для широкого круга филологов.

КАРАУЛОВ Ю. Н.

Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. 20 л. 2 р. 50 к.

В книге на основе теоретических предпосылок лингвистической семантики разрабатываются методические принципы построения тезауруса русского литературного языка на ЭВМ, описаны и проанализированы результаты машинной обработки десятитысячного массива слов, рассмотрены вопросы о месте тезауруса в типологии словарей, о структуре словарных дефиниций.
Для языковедов — теоретиков и практиков в области лексикологии, лексикографии и грамматики, а также для специалистов по вычислительной технике и информатике.

Литературная норма и вариантность. 15 л. 1 р. 50 к.

В сборнике рассматриваются проблемы вариантности норм русского литературного языка, исследуются тенденции, регулирующие динамику вариантности в разные периоды. Характерные черты вариантности рассмотрены на разных уровнях языковой системы; особое внимание уделяется природе стилистических вариативных единиц, роли индивидуально-авторского словоупотребления.
Для специалистов-филологов, научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов.

Книгу можно заказать предварительно в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

1 руб.

